

3

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОДЖИС

Постановка проблемы
как проблема

Как повлиял В.М. Бехтерев
на становление П.А. Сорокина?

«Черный» рынок
научных текстов

К 150-летию Н.А. Бердяева

НПР: ожидания
и реальность

НАУКА

— 1727 —

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Председатель** Ж.Т. ТОЩЕНКО – чл.-корр. РАН (Россия)
М. АБРАХАМ – проф., Ун-т Хофстра (США);
А.О. БОРОНОЕВ – д.филос.н., проф., СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург);
П.П. ВЕЛИКИЙ – д.филос.н., проф., Ин-т аграрных проблем РАН (Россия, Саратов);
Ю.Г. ВОЛКОВ – д.филос.н., проф., Южный федер. ун-т (Россия, Ростов-на-Дону);
Ш. ГАДЕА – проф., Ун-т Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция);
А.Н. ДАНИЛОВ – чл.-корр. НАН РБ (Беларусь);
С.А. КРАВЧЕНКО – д.филос.н., проф., МГИМО (Россия, Москва);
В.К. ЛЕВАШОВ – д.социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия, Москва);
Дж. МОРГАН – проф., Ун-т Кардиффа (Великобритания);
Н.А. ОМУРАЛИЕВ – д.социол.н., ИПСПИ НАН КР (Кыргызстан);
И.И. ОСИНСКИЙ – д.филос.н., проф., Бурятский гос. ун-т (Россия, Улан-Удэ);
Г.А. ПОГОСЯН – акад. НАН РА (Армения);
Н.Е. ПОКРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., НИУ ВШЭ (Россия, Москва);
Н.Х. РАХИМОВА – д.экон.н., проф. (Узбекистан); М. САСАКИ – проф., Ун-т Чуо (Япония);
ЛИ ЧУНЛИН – науч. сотр., дир. научно-исследовательской лаборатории, ИС АОН (Китай);
З.К. ШАУКЕНОВА – акад. НАН РК (Казахстан); П. ШТОМПКА – проф., Ягеллонский ун-т (Польша);
А.В. ЯКОВЕНКО – д.социол.н., проф., Луганский нац. ун-т им. В. Даля (Россия, Луганск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Главный редактор** Г.А. КЛЮЧАРЕВ – д.филос.н., проф.
В.Н. БОБКОВ – д.эконом.н., РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Н.М. ВЕЛИКАЯ – д.полит.н., ИСПИ ФНИСЦ РАН;
М.К. ГОРШКОВ – акад. РАН, ИС ФНИСЦ РАН; С.Ю. ДЕМИДЕНКО (отв. секретарь);
В.И. ДУДИНА – д.социол.н., проф., СПбГУ; И.В. ЖУРАВЛЕВА – д.социол.н., проф. НИУ ВШЭ;
Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., УрФУ им. Б.Н. Ельцина;
Ю.А. ЗУБОК – д.социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН;
В.В. ЗЫРЯНОВ – к.эконом.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;
С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР – д.социол.н., проф., ИЭ РАН; КЛУПТ – д.экон.н., СПбГЭУ;
И.М. КОЗИНА – к.социол.н., НИУ ВШЭ;
В.П. КОЛОМИЕЦ (зам. главного редактора) – д.социол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова;
С.Д. ЛЕБЕДЕВ – к.социол.н., доц., БелГНИУ;
В.Ф. ЛЕВИЧЕВА – д.филос.н., проф., РГГУ; В.И. МУКОМЕЛЬ – д.социол. наук, ИС ФНИСЦ РАН;
И.В. ОБРАЗЦОВ (зам. главного редактора) – д.социол.н., проф., МГЛУ;
Е.Л. ОМЕЛЬЧЕНКО – д.социол.н., проф., НИУ ВШЭ СПб;
Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ – к.филос.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;
Н.В. РОМАНОВСКИЙ (зам. главного редактора) – д.ист.н., проф.;
С.В. РЯЗАНЦЕВ – чл.-корр. РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН; Р.Х. СИМОНЯН – д.социол.н., проф., МГИМО;
А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ – д.социол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова;
Г.Г. ТАТАРОВА – д.социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.Л. ТЕМНИЦКИЙ – д.социол.н., доц., МГИМО;
Н.Е. ТИХОНОВА – д.социол.н., проф., НИУ ВШЭ; И.Н. ТРОФИМОВА – д.полит.н., ИС ФНИСЦ РАН;
М.Ф. ЧЕРНЫШ – чл.-корр. РАН, ФНИСЦ РАН; А.Е. ЧИРИКОВА – д.социол.н., ИС ФНИСЦ РАН;
В.В. ЩЕРБИНА – д.социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.В. ЮРЕВИЧ – чл.-корр. РАН, ИП РАН

РЕДАКЦИЯ:

- Э.К. БИЙЖАНОВА (зав. редакцией), А.Д. ГОВОРОВА, С.Ю. ДЕМИДЕНКО, А.А. ЗОТОВ,
Ю.В. ЛАТОВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, И.П. ПОПОВА, Н.В. РОМАНОВСКИЙ, А.В. ФЕДОТОВ
КОРРЕКТОР Ж.С. МИШКУРОВА

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 81528 от 27.07.2021 г.

Подписано к печати 05.06.2024. Формат 70 x 100^{1/16}. Усл.печл. 14,3. Уч.-издл. 18,0.
Дата выхода в свет 18.06.2024. Тираж 243 экз. Заказ 466. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5,
e-mail: socis@isras.ru телефон 8 (499) 128-84-39

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатно в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

К 50-ЛЕТИЮ СОЦИСА

- 3 КОЛОМИЕЦ В.П. Исследовательская проблема как ключевой аспект научных публикаций в социологическом журнале

К 150-ЛЕТИЮ Н.А. БЕРДЯЕВА

- 15 МАЛИНКИН А.Н. Н.А. Бердяев: штрихи к портрету социального философа

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- 28 ТЕМНИЦКИЙ А.Л. Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских ученых
- 44 ЧЕПУРЕНКО А.Ю., ЧЕРНЫШЕВА М.В. Рынок академических текстов в России (по данным экспертного опроса)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА.

- 57 БОРЩЕВСКИЙ Г.А. Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки
- 71 ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Е.Р., ЯРСКАЯ-СМИРНОВА В.Н., КОНОНЕНКО Р.В. Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства»
- 83 ЦАЦУРА Е.А., ОСАВОЛЮК А.А. Распространенность опыта бездомности среди россиян (оценка на основе ретроспективного опроса)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 94 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е. Потенциал развития научно-педагогических работников: социологический ракурс
- 106 ГОШИН М.Е., СОРОКИН П.С., ГРИГОРЬЕВ Д.С. Основные факторы агентности школьников: эмпирический анализ

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 122 ЛОМОНОСОВА М.В., БУЛАНОВА М.Б. В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: научный союз во имя социологии
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

135 ЯКОВЕНКО А.В. Человек и общество сквозь призму искусственного интеллекта
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

145 ОБРАЗЦОВ И.В. Социологическое образование в России

148 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Образование и профессиональная реализация

152 ЛЕВЧЕНКО Н.В. Кадровые проблемы современного высшего образования

156 ГРАБЕЛЬНЫХ Т.И., САБЛИНА Н.А. Новые векторы развития науки и высшего образования в XXI веке

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

159 ДАВЫДОВ Д.А. В поисках нового среднего класса: критический взгляд на концепцию общества сингулярностей Андреаса Реквица

170 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

176 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru/>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2024

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2024

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2024

© 2024 г.

В.П. КОЛОМИЕЦ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ

КОЛОМИЕЦ Виктор Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии массовых коммуникаций факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vikkolomiets@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена одному из центральных вопросов академического письма – формулированию исследовательской проблемы в статье для социологического журнала. Он включает все этапы предисследовательской практики: поиск темы, обзор литературы, фиксацию проблемной ситуации, формулирование исследовательской проблемы и исследовательских вопросов. Рассуждения строятся на практике работы с текстами, поступающими в редакцию журнала «Социологические исследования» (СоцИс). Приводятся примеры различных аспектов процесса конструирования теоретической проблемы. Работа направлена, в частности, на повышение культуры написания академического текста. Она представляет интерес для потенциальных авторов социологических журналов и для преподавателей социологии, кто сталкивается с академическим письмом квалификационного характера (квалификационные работы, диссертационное исследование).

Ключевые слова: исследовательская практика • научная статья • тема статьи • научный обзор • проблемная ситуация • исследовательская проблема • исследовательский вопрос

DOI: 10.31857/S0132162524030014

Введение. Планируя публикацию результатов исследования в научном журнале, каждый ученый должен задуматься над формулировкой проблемы, которую он пытается решить. Однако на практике это происходит не всегда. Опыт рецензирования статей, поступающих в редакцию журнала «Социологические исследования», показывает, что в большинстве отклоненных текстов отсутствует четкая формулировка исследовательской проблемы, что приводит к неубедительности выводов, которые автор пытается представить научному сообществу.

Требование вербализации исследовательской проблемы в статье хорошо известно, но оно часто не выполняется. Отметим три возможных объяснения, хотя, вероятно, их значительно больше. *Первое* связано с желанием подчеркнуть свою индивидуальность и творческую самобытность. Действительно, научные открытия по существующим лекалам не делаются, это хорошо известно. Автор, возможно, и не претендует на научное открытие, но на самостоятельность несомненно.

Второе объяснение имеет скорее технологическую природу. Ученые тратят годы на изучение своей области, разработку и проверку гипотез, проведение исследований и экспериментов, анализ результатов. Владея теорией, методами и методологией анализа,

исследователи могут недооценивать сложность, с которой читатели осмысливают их работу. В результате некоторые важные исходные положения не отражаются в тексте.

Третье объяснение связано с когнитивными особенностями человека. Исследователь освоил некоторый набор эвристических приемов и старается их придерживаться. Сложность заключается в том, что он не может объяснить, почему именно эти приемы использует. Это может показаться странным, но у исследователей порою нет полного доступа к собственным знаниям. Зачастую мы совершаем определенные рациональные действия, но не можем объяснить их природу. Они базируются на скрытом знании, которое трудно изложить. М. Полани как-то заметил: «Мы знаем больше, чем способны рассказать» [Polanyi, 1966: 4]. Эта особенность человеческого познания в литературе получила обозначение «парадокс Полани» [Autor, 2014] – когнитивный феномен, когда человек решает множество задач рациональным образом, но не может вербализовать свои действия и процедуры.

Тема формулировки или конструирования исследовательской проблемы в социологии не нова. Она представлена во множестве работ: от методологически строгих В.А. Ядова «Стратегия социологического исследования», Г.С. Батыгина «Лекции по методологии социологического исследования» (2008), И.Ф. Девятко «Методы социологического исследования» (2010) через более прагматичные «Рабочая книга социолога» (ред. Г.В. Осипова, 2006) и М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги «Прикладная социология. Методологии и методы» (2009) к свободному изложению практики формулирования исследовательской проблемы в работе В.В. Радаева «Как организовать и представить исследовательский проект. 75 простых правил» (2001). Можно отметить еще не один десяток работ, посвященных данной тематике. Особенность данного текста в том, что он строится на многолетнем опыте работы рецензента журнала СоцИС, а в качестве примеров выступают присланные в журнал рукописи и публикации. Последние выбраны рандомно и не служат шаблоном для написания хороших статей, а скорее демонстрируют некоторые возможные варианты.

Цель статьи имеет дидактический характер и направлена на решение проблемы повышения культуры написания академического текста, в частности через артикуляцию исследовательской проблемы. Анализируются подходы к выбору темы и формулировке проблемы, а также предлагаются рекомендации по улучшению качества научных публикаций. Такой анализ поможет авторам более четко формулировать исследуемые вопросы и повысить значимость своих работ для социологии.

Статья как исследовательская практика. Статья в социологическом журнале является одной из форм исследовательской практики в области социологии. По их количеству и качеству судят о научных достижениях исследователя и исследовательского коллектива. В статье автор представляет результаты своего исследования, анализирует собранные данные, формулирует выводы и делает предположения о социальных процессах, явлениях или проблемах с целью расширения научного знания о социуме, развития социологической теории.

Написание социологического текста – это особый вид творчества ученого. При концептуализации социальной реальности автор находится в пространстве между логико-научным способом мышления, направленным на сбор и обработку данных, эмпирическим доказательством выдвинутых гипотез, реализацией позитивистской логики, тяготеющей к естественно-научному знанию, и нарративным способом мышления, фокусирующим на нарративной или дискурсивной презентации действительности. В первом случае интеллектуальными попутчиками становятся математика, статистика, обработанный массив данных, тексты наполнены цифрами, формулами, коэффициентами, направленными на доказательство или опровержение определенной гипотезы или гипотез. Во втором – творчество автора близко к писательской деятельности, однако существенно отличается от нее. Писатель придумывает реальность и утверждает, что она именно такова. Социолог с помощью текста (ре)конструирует и презентует реальность, утверждая, что она совсем не такая, как

кажется (как она предстает в обыденном сознании). Он структурирует беспорядочный социальный мир смыслов, описывая части мозаики под названием «научная картина мира».

Статьи бывают очень разные: теоретические, эмпирические или исследовательские, описательные, реферативные или обзорные и т.п. От того, к какому типу относится статья, зависит формулировка проблемы. В настоящей работе сконцентрируемся на наиболее распространенном типе как в отечественных, так и зарубежных социологических журналах – эмпирическая или исследовательская статья, целью которой является сообщение о полученных результатах исследования. Существует международный стандарт, который используют большинство зарубежных журналов IMRAD (Introduction, Materials and Methods, Results, Discussion) для данного типа публикаций. В отечественной исследовательской культуре, в частности в опубликованных в журнале СоцИс статьях, редко можно встретить однозначное следование такому формату. Редколлегия и редакция не ставят своей целью требовать от авторов его жесткое соблюдение. Более того, практика показывает, что поступаемые в редакцию тексты, в которых реализуется структура IMRAD, часто имеют школярский характер. Форма может задавать содержание работы, но правильнее будет, если содержание полученных результатов и необходимость адекватного их доведения до читателей задают форму текста статьи.

Также отметим про обзорные или реферативные статьи – не самый распространенный тип в высокорейтинговых социологических журналах. В этих статьях автор исследует научные источники, чтобы дать обзор существующей литературы по конкретной теме, критически оценивает научные монографии и статьи, акцентируя внимание на их вкладе в данную область и их недостатках. Здесь формулировка проблемы очевидна: донести до профессионального сообщества степень и уровень теоретической проработки определенной проблемы, выделить лидеров этого научного направления. В России подобные статьи публикуются чаще всего в реферативных журналах, научные журналы общего профиля избегают этот тип, так как до аналитического обзора тексты обычно не дотягивают, оставаясь на реферативном уровне.

Любая статья – это всегда выражение авторской позиции по какому-либо вопросу. Однако зачастую за пределами авторского интереса остается читатель. Нельзя забывать, что научная ценность определяется и количеством людей, прочитавших статью. Это не означает, что научная статья должна потакать читателю. В ней должны гармонично сочетаться логика научного исследования, ориентированная на поиск истины, и сама конструкция текста, направленная на его релевантное восприятие со стороны коллег-исследователей с пониманием того, что они значительно менее автора погружены в проблему.

Критерии выбора темы статьи. Выбор темы статьи – это первое с чем определяет исследователь, когда планирует подготовить текст для публикации в социологическом журнале. Тема не тождественна проблеме исследования. Проблема предполагает ракурс, аспект предложенной темы. Выбор темы предваряет постановку многих концептуальных проблем. Часто главным фактором выбора становится уже проведенное исследование и задача статьи – изложить его результаты. Статья в данном случае – это определенный инструмент, которому могут предшествовать такие формы академического творчества, как презентация результатов исследования коллегам, научный отчет по гранту или для заказчика. Распространение таких результатов важно, потому что цель исследования состоит в том, чтобы каким-то образом способствовать нашему пониманию мира. В данном случае проблема выбора темы не стоит столь остро, она была сделана ранее, главными сложностями выступают название статьи и ее формат, которые должны помочь читателям в релевантном понимании полученных результатов исследования.

Иногда авторы статей используют слово «проблема» в заголовках своих текстов, надеясь, что такое название само по себе указывает на научную задачу, которую они хотят решить. Однако это далеко не так. Если в заголовке статьи есть слово «проблема», но оно не сопровождается конкретным содержанием, это обычно свидетельствует, что автор не определился с содержанием своей научной проблемы. Таким образом, это

уловка со стороны исследователя подсказывает опытному рецензенту, что автор недостаточно продумал свой текст.

Зачастую основой статьи в журнале выступает глава или параграф из еще неопубликованной монографии. Практика показывает, что это не лучший вариант «написания» статьи для социологического журнала. Для монографического текста, в силу его объема, свойственна определенная темпоральность, многоуровневая аргументация, использование широкого набора источников и разнообразных эмпирических данных. Все это влияет на восприятие не только всего текста монографии, но и ее отдельных глав, параграфов. В журнальном формате фрагмент монографии выглядит, как правило, как неструктурированный, словесно перегруженный поток информации. То же самое происходит с попытками преобразовать научный отчет по гранту в журнальную статью. Это не означает, что нет хороших статей, инициированных таким образом. Они есть, но вероятность того, что текст будет отвергнут редколлегией журнала при таком его «написании» в связи с несоответствием формату журнала, весьма велика.

Наиболее остро вопрос выбора темы стоит в случае, когда основная задача – написание самой статьи. Обычно автор обращается к исследовательской проблематике, которой давно занимается. Иницирующих факторов много: опыт и интерес автора; существующие теории; исследовательская литература; вопросы, ставящие в тупик; инновационные процессы; социальные проблемы и т.п. Эти факторы можно назвать субъективными, внутренней мотивацией написания статьи. Однако современные правила функционирования науки ставят исследователя в жесткие рамки необходимости публикации как контролируемой нормы, подтверждающей статус исследователя. И в этой ситуации поиск проблемы для публикации становится сложным, особенно в случае, если исследователь (если его можно так назвать) или преподаватель социологии в вузе не занимаются исследованиями. Здесь невозможно ничего порекомендовать, кроме как заняться исследованиями. Хорошо известно, что чем глубже погружаешься в определенную исследовательскую тему, тем проблемнее она предстает.

Критерии выбора темы хорошо известны: актуальность, оригинальность и научная значимость исследования. Актуальность заключается в том, что выбранная проблема должна быть существенной для общества или социологического сообщества. Оригинальность подразумевает неповторимость и новизну предлагаемого исследования в данной области знаний. Наконец, научная значимость означает потенциал работы для развития социологической теории или методологии. В конечном счете выбор темы для социологического журнала должен основываться на сбалансированном подходе к актуальности, оригинальности и научной значимости проблемы.

Научный обзор в формулировке исследовательской проблемы. Анализ предыдущих исследований является неотъемлемой частью выбора темы и формулировки исследовательской проблемы. Его основное назначение – обеспечение возможности изучения темы до того, как начнется «надлежащее» исследование. В обзоре используются предшествующие знания в качестве источника данных для разработки новых знаний. Поэтому наличие обзора – необходимый элемент любой научной статьи в социологическом журнале. Это требование, как и большинство других, хорошо известно авторам, которые присылают свои тексты в журнал. Однако, сравнивая публикации в отечественных и зарубежных социологических журналах, нетрудно заметить существенную разницу в содержании научных обзоров в журнальных статьях.

В зарубежных журналах обзоры, как правило, «работают» на содержание статьи, на ее позиционирование в исследовательском пространстве. Обзор невозможно изъять, не разрушив всю статью. В отечественных журналах обзор скорее свидетельствует о теоретической подготовке автора, о знании классических работ в этой области и, если изъять обзор, то статья только уменьшится в объеме, но это не повлияет на понимание ее содержания. Конечно, это крайности, но практика рецензирования статей, поступающих

для публикации в журнале СоцИс, показывает, что научный обзор отсутствует или представлен формально.

Если посмотреть на содержание хороших научных обзоров, они не ограничиваются перечислением классиков из учебных пособий, а имеют объемный список авторов, при этом речь идет не о простом перечислении, с которым мы сталкиваемся, например, в отечественных диссертационных исследованиях, а о критическом взгляде на идеи, концепции, представления. Автор хорошего обзора, как правило, раскрывает, с одной стороны, фундамент, на котором собирается строить собственное здание, с другой – показывает, что здание, уже построенное на этом фундаменте, не отличается совершенством и его нужно реконструировать или достроить, чему и будет посвящено его исследование. Направление исследования и исследовательская проблема формулируются автором с опорой на то, что уже наработано, изучено, презентовано научному сообществу.

У В.В. Радаева есть неочевидное правило: «Нужно подробно и тщательно доказывать свою неоригинальность, вписывая поставленную проблему в существующие концептуальные контексты» [Радаев, 2001: 20]. Его неочевидность становится еще более заметной, когда вспоминаем, что оригинальность является абсолютным требованием хорошей статьи. Речь идет о мере оригинального и уже сложившегося, устоявшегося. Инновационная теоретическая придумка может быть просто не понята, так как она базируется на авторском понятийном строе и оригинальной, никому не известной концепции. Степень оригинальности здесь такова, что текст недоступен не только читателям, но и рецензентам, которые призваны проникнуть в суть авторских идей. Процесс «доказательства своей неоригинальности» позволяет выстроить понятную коммуникацию с читателями, продемонстрировать свое корректное отношение к тем, кто занимается проблемой, о которой собирается писать автор, показать узкие места их теоретических построений, которые и стали предметом анализа. Такой обзор позволяет отделить авторское знание, новизну и оригинальность от уже разработанных и доказанных теорий. Эту процедуру можно обозначить как операционализацию учености и хороших манер в исследованиях.

Научный обзор позволяет оценить выполненные исследования по данной теме, определить пробелы в знаниях и выявить актуальность нового исследования. В ходе анализа предыдущих работ ученые выявляют основные направления исследований, методологические подходы, используемые инструменты и результаты, полученные другими авторами. Это позволяет создать базу данных научных статей, которая служит основой для дальнейшего изучения данной проблемы. Научный обзор также помогает определить непроработанные аспекты темы, наличие противоречий в результатах разных исследований или возможности для проведения дополнительного анализа. Важно отметить, что научным обзором должны быть охвачены как классические работы по данной теме, так и самые свежие научные публикации. Все это позволяет выделить еще одну не очевидную, но очень важную его функцию – обзор является частью академического развития автора, продвижения в научном творчестве, более глубокого погружения в контекстуальность исследования, а следовательно, расширения исследовательской оптики получения нового интеллектуального оружия. Это как в компьютерной игре – прохождение определенного уровня увеличивает силу игрока.

Проблемная ситуация. Важной составляющей проведения исследования и представления его результатов в научном журнале выступает авторское определение проблемной ситуации. Как здесь не вспомнить теорему Томаса: «Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям». В нашем случае это утверждение позволяет зафиксировать факт важности авторского представления проблемной ситуации как отправной точки, задающей направление движения мысли, горизонты притязаний, поле исследовательских проблем и вопросов, которые автор собирается решать.

Например, одной из «вечных» социальных проблем, которая широко исследована, выступает проблема суицида. Однако до сих пор вопросы – почему человек решил уйти из жизни, какие социальные силы этому способствуют, что можно сделать, чтобы это

не происходило – не имеют научно обоснованных ответов, которые позволили бы решить эту проблему. Суицид имеет большую исследовательскую историю, в которой сформулировано множество причин этого явления. Авторы статьи [Дорошенко, Санаева, 2023] сузили социальную проблему суицида до одной ее детерминанты – финансовой задолженности. Проблемная ситуация была сконструирована из двух переменных – «долговые обязательства» и «суицид», которая трансформировалась в исследовательский вопрос: могут ли долговые проблемы являться триггером суицидального поведения для граждан регионов России [там же: 79]. В данном случае процедура выявления проблемной ситуации строилась на сужении широкой социальной проблемы до некоторых ее элементов, взаимосвязь которых позволяют узнать нечто большее о причинах суицида сегодня.

Проблемная ситуация в социологических исследованиях связана с различными аспектами общественной жизни, такими как социальные неравенства, политические процессы, культурные изменения, поведенческие практики и т.п. Она является результатом интеллектуальной деятельности исследователя и возникает из наблюдений за реальными явлениями социальной жизни или из научного обзора предыдущих исследований. Это представление исследователя наполнено «познавательными интенциями» в связи с изменениями, происходящими в важной для него сфере, которые не вписываются в существующие объяснительные модели и требуют специального исследования. Определенное прочтение исследователем проблемной ситуации позволяет декодировать ее через набор исследовательских проблем, среди которых автор, как правило, выбирает одну для своей статьи.

Вот еще пример. Пьянство – несомненно социальная проблема, которая требует концептуального рассмотрения и практического решения. Социологи много внимания уделяют ее изучению, однако в последние годы стала очевидна тенденция трезвого образа жизни, появилось заметное число непьющих людей, к которым отношение в обществе, где сохраняется нормативность потребления алкоголя, неоднозначное. Появление группы непьющих в российском обществе как некой культурной аномалии, выступает проблемной ситуацией, которая заинтересовала исследовательницу Ю.Ю. Белову [Белова, 2023]. Ее наличие позволило сформулировать исследовательские вопросы: «какие типы трезвенников существуют, чем обусловлена их гетерогенность, в чем мотивы их выбора, через какие практики повседневности и социальные роли он реализуется» [Белова, 2023: 83].

Как в предыдущем примере, так и в этом проблемная ситуация не описывается специально, а презентуется читателям через формулировку исследовательских вопросов, содержание которых позволяет легко понять, какая проблемная ситуация лежит в основе, как детерминируются существующая проблемная ситуация и вытекающая из нее исследовательская проблема, и что необходимо решить в рамках заданной логики. Проблемная ситуация превращается в исследовательскую проблему путем анализа и выявления основных вопросов и противоречий, связанных с данной ситуацией. Когда проблема становится объектом исследования, она обычно формулируется в виде конкретного вопроса или гипотезы, которые требуют дальнейшего изучения и анализа. Одна из опасностей в данном случае заключается в том, что исследователь может попасть в «западню» предыдущего знания, которое, хотя и выступает основой фиксации проблемности ситуации, может являться предисследовательской детерминантой ее решения.

Это свидетельствует о том, что исследовательский процесс должен начинаться значительно раньше, чем само исследование, направленное на решение проблемы. Каждый шаг – выбор направления исследования, формулировка темы, определение проблемной ситуации, формирование исследовательской проблемы и исследовательских вопросов – требует постоянной теоретической работы. Более того, каждый шаг вперед предполагает и шаги назад, корректировку уже зафиксированных позиций. То есть исследовательский процесс в самом широком его понимании – не линейный, а причудливое, не рефлекслируемое исследователем движение мысли; порождение нового и его отрицание,

возвращение к теоретическим истокам и возникновение неожиданных идей, выработка неведомого знания.

Приведенные примеры показывают, что проблемная ситуация выступает результатом авторской рефлексии существующих социальной проблемы, выявление своеобразных, еще не изученных ее аспектов. Она не всегда подробно описывается в статье, но всегда присутствует, то есть ее не сложно декодировать, исходя из исследовательских вопросов, которые решают авторы. В текстах, которые отклоняются редакцией, как правило, рецензенты не обнаруживают наличия следов такой рефлексии автора.

Формулирование проблемы. Как мы уже заметили, формулировка исследовательской проблемы проходит ряд этапов, которые не всегда предпологают их дескрипцию. Чаще это мыслительный процесс от широкой постановки направления исследования до конкретных исследовательских вопросов, представленных уже в виде фрагмента текста статьи. Проблему зачастую трудно конкретизировать, поэтому очень часто в представленных в редакцию журнала текстах она существует имплицитно, и читатель призван ее декодировать, хотя это задача автора.

Скрытая в тексте статьи проблема, требующая интеллектуальной работы читателя, имеет свои преимущества и недостатки. Преимущества в том, что текст полисемичен, поэтому читательское декодирование может носить отличительный от автора характер, это повышает эпистемологическую значимость текста как активатора мыслительной практики читателя. Однако такой позитивный сценарий коммуникации автора и читателя очень редок. Как правило, отсутствие сформулированной исследовательской проблемы выступает существенным недостатком представленного текста. Если нет четко поставленных вопросов, то высока степень риска, что текст будет носить аморфный, неструктурированный характер, в котором совершенно не ясно, что исследует автор, результаты чего он представляет в данном тексте.

«Хорошо сформулированная проблема исследования отражает следующие моменты: *описание* существующей ситуации. При этом важно зафиксировать информацию и знания, которые на данный момент являются относительно определенной ситуации и явления; *проблематизацию* – описания противоречия между реальной и желаемой ситуацией, реальным и желаемым состоянием объекта, процесса или явления, реальным и желаемым состоянием нашего знания о ситуации, объекте, процессе или явлении...; *обоснование* необходимости проведения исследования, исходя из актуальности конкретных противоречий и новизны поставленной проблемы» [Методология..., 2014: 71–72]. Эта триада отражает основные элементы интеллектуального процесса формулирования научной проблемы. Процедура описания касается проблемной ситуации, о которой мы писали выше. А вопросы необходимости исследования, его новизна и актуальность также уже представлены. В данном случае речь пойдет о процессе проблематизации.

Проблематизация, пожалуй, наиболее сложная доисследовательская процедура, поскольку ее значительная часть находится в «черном ящике» мыслительного процесса исследователя. Суть проблематизации представляет процесс выведения новой проблемы из наличного знания. Она выступает способом соотношения знания и незнания на уровне исходных представлений. Это своеобразные «игровые» манипуляции истинного и ложного, знания и незнания.

Часто проблематизация предстает как репрезентация, то есть точное описание модели исследуемой реальности, как она предстает в сфере сознания исследователя. Вряд ли это можно назвать проблематизацией, так как это моделирование строится на существующем знании и не несет в себе элементов нового. Столь же неверной выглядит и ситуация, когда создается абсолютно нечто новое, не существующее в сфере научного знания. Скорее, можно согласиться с одним из отечественных исследователей: «Это “смещение” (“перемещение”) разных практик друг с другом, это “ломка” (“нарушение”) ориентиров ложного и истинного (а как иначе мы можем интерпретировать введение их в состояние игры), и лишь только после всего проделанного осуществляется осмысление “предмета”

в качестве объекта мыслительной деятельности. Если использовать социологические понятия, то “проблематизацию” можно интерпретировать как “маргинализацию” привычных и повседневных смыслов и значений предмета» [Ардашкин, 2004: 147–148].

Таким образом, проблематизация – это мыслительная, рациональная практика, в результате которой формулируется проблема исследования. Это пространство возникновения проблемы, когда после различных интеллектуальных манипуляций проводится четкая демаркация между знанием и незнанием, наукой и ненаукой, истиной и ложью. Во многом это напоминает игру света и тени на картинах Караваджо, когда луч света выхватывает на картине из темноты полотно – кьяроскуро.

Обратимся к рекомендациям методической литературы: «В процессе формулирования проблемы исследователи стремятся к тому, чтобы в ней получили как можно более точно отражение и сама проблемная ситуация, и основное противоречие ее определяющее. При этом важно избегать опасности постановки мнимых проблем, т.е. проблем, либо реальной социальной ситуации, либо давно решенных. Следует опасаться и другой крайности – выделение проблем слишком широкого плана» [Тезаурус социологии..., 2013: 62].

Конечно, осмысливание проблемы, ее формулировка на бумаге – это глубоко рациональный процесс. Однако значимую роль в этом процессе играют эмоции исследователя. Необходимо заметить, что вся деятельность исследователя глубоко пронизана его эмоциональным состоянием. И. Кант как-то заметил, что всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме. Нечто становится проблемой для исследователя только в том случае, если задеваются его эмоциональные струны. Конечно, проблематизация – рациональный поиск противоречий между существующими теоретическими суждениями и реальной практикой или ее недостаточным представлением в литературе, но все это стоит на фундаменте неудовлетворенности автора, например, совершенно не лежащем в исследовательском поле, но очень значимым для исследователя – своим положением в профессиональном научном сообществе. Ориентировка на профессиональное сообщество выступает важным фактором, определяющим интеллектуальные практики исследователя, направленные на проблематизацию, то есть поиск исследовательской проблемы. Поскольку сформулированная автором проблема должна быть признана проблемой в соответствии с более широким стандартом, установленным коллегами. Нигде эти стандарты не прописаны, но они существуют в головах рецензентов, редакторов, которые будут читать представленный текст. И автор не может это не учитывать.

Обратимся вновь к статьям, опубликованным в журнале СоцИс. Посмотрим на практику формулирования исследовательских проблем. В статье рассматривается проблема миграции молодежи из слаборазвитых и периферийных регионов, которая является большой социальной проблемой [Шашкова, Асеев, 2023]. Однако авторы нашли новый аспект – попытались связать политическое поведение молодежи с ее миграционными установками. Вот как авторы формулируют проблему своего исследования: «Представляется актуальным исследование проективных миграционных настроений российской учащейся молодежи и их взаимосвязи с политическими ценностями и политической активностью данной социальной группы» [там же: 96]. Проблема сформулирована как фиксация неочевидного факта вероятностной взаимосвязи между двумя переменными для определенной социальной группы. Достоинством данной формулировки является ее конкретность, из которой вытекает понимание исследовательской оптики и ее целей.

В следующем примере авторы подошли несколько иначе к определению исследовательской проблемы [Пупышева и др., 2023]. Они представили ее читателю через цель статьи. Такое заявление о намерениях позволяет понять, что не устраивает исследователей в пространстве их теоретизирования. Авторов статьи заинтересовала «зеленая» проблематика в социальных сетях. «Цель статьи – анализ текстовой репрезентации экологических практик в социальной сети ВК с применением методологии дискурс-анализа: описание сообществ, анализ представлений об инициаторах экологических практик,

об адресатах постов, для которых они пишутся, о логистике и других особенностях зеленых практик» [там же: 54]. Формулирование теоретической проблемы, которую хочет решить автор через представление цели статьи, очень часто встречается в научных публикациях. Такой вариант выстраивания коммуникации с рецензентами и обычными читателями возможен. Он позволяет в какой-то мере сократить объем текста во введении, что зачастую бывает необходимо при нормированных объемах публикуемых статей.

Более сложная конструкция возникает, когда речь идет о теоретической статье. Приведем в качестве примера статью [Сорокин, 2023], в которой автор рассуждает о роли индивидуального действия в трансформации социальной среды в современных условиях. Автор начинает свою статью с определения ее целей: «...обосновать возможный ответ на вопрос о причине этой неспособности, которая состоит в недостаточном учете социологами трансформационного потенциала индивидуального действия. Учет данного фактора становится особенно важным теоретически и практически в условиях меняющейся, деструктурированной социальной реальности, когда степень зависимости “структуры” от “действия” возрастает» [там же: 103]. Рассуждения в рамках обоснования данной цели приводит автора к формулировке исследовательской проблемы: «Недостаточное понимание новых явлений и тенденций со стороны социологии есть признак более фундаментальной проблемы: неадекватного представления о человеке и его соотношении с окружающим социальным миром, которое не всегда в явном виде проговаривается (за исключением специальных теоретических дискуссий), но имплицитно доминирует [там же: 105]. Логика формулирования исследовательской проблемы носит «обратный» характер: от цели статьи, которая прагматична, к формулировке проблемы более широкого плана. Необходимо также заметить, что в данном случае использование слова «проблема» в названии статьи носит редкий вариант его корректного использования.

Данный пример показывает, что одним из путей поиска формулировки исследовательской проблемы выступает интеллектуальная процедура помещения некоторого фрагмента реальности или теоретического дискурса в более широкие рамки, тем самым обеспечивая новый взгляд на это явление или теорию. Это может означать использование элементов разных теорий для создания нового синтеза или для обеспечения нового понимания; корректировку существующей совокупности знаний в свете нового развития; применение методологии способами, которые раньше не применялись или попытку переформулировать или переопределить способ, которым традиционно определялась некоторая проблема.

В целом приведенные примеры показывают, что нет какого-то «правильного» пути формулирования проблемы исследования. Здесь могут быть самые различные вариации. Главное, помнить, что текст – это коммуникация с читателем и он должен быть доступен, понятен и релевантен для того, чтобы донести ваши достижения.

Исследовательские вопросы. Исследовательские вопросы конкретизируют исследовательскую проблему, что позволяет автору структурировать текст, так как ответ на каждый вопрос требует своего определенного места в статье. Исследовательские вопросы бывают разного вида, и они задают определенный стиль представлению материала, тип статьи.

Начнем с примера: «Каким молодежь видит свое будущее? Что планируют предпринять молодые люди в рамках конструирования личных биографий – трудовых, семейных, карьерных и пр. Какими смыслами наполнен и чем обусловлен их выбор в пользу того или иного жизненного сценария?» [Кисиленко, 2023: 84]. Сформулированные автором вопросы предполагают, что в статье аргументированно доказывается предсказание исхода определенного события. Стиль статьи, направленный на ответ на поставленный вопрос, можно назвать убеждающим. В статье подобного стиля автор приводит последовательный аргумент или высказывает по крайней мере одну точку зрения на тему или проблему, сопровождаемую подробностями. Вспомогательные детали могут включать причины, объяснения, примеры, опыт, наблюдения и заслуживающие доверия результаты исследований.

Есть и другие виды исследовательских вопросов. Вот, например, как ставятся исследовательские вопросы в статье, посвященной реакции россиян старшего возраста на ограничения в период пандемии: «В статье на основе результатов качественного исследования обсуждаются вопросы о том, какие изменения в жизни и социальном пространстве отмечают россияне старшего возраста в связи с введением мер безопасности и их отменой в постпандемический период; как они реагируют на пандемию; какие социальные переменные связаны с "чувствительностью" пожилых людей к ограничениям пандемии и как в них проявляются скрытые возрастные и пересекающиеся неравенства» [Киенко, 2023: 116].

Данный набор вопросов предполагает описательный стиль статьи. Хотя такая стилистика подвергается справедливой критике за ее компилятивный характер, статьи такого типа остаются распространённым видом публикаций. Основная цель подобных статей – описать, объяснить и предоставить информацию по определенной теме или проблеме.

Особым видом вопросов выступают вопросы критического плана, когда объектом критики может выступать как теория, так и социальная практика. Возьмем в качестве примера статью [Бузгалин, Колганов, 2022], в которой критически рассматривается позиция А.А. Давыдова о генезисе посткапитализма. Авторы считают, что «многотысячелетнее господство репродуктивного труда (в том числе индустриального) уходит в прошлое. Человек и его деятельность обретают новое качество в процессе креативной революции. В этих условиях постановка вопроса о генезисе посткапитализма становится более чем актуальной. Обсуждение статей Д.А. Давыдова <...>, а также его монографии <...>, может стать хорошим основанием для развертывания дискуссии по данной проблеме» [там же: 101].

Критическая статья предполагает формирование научной проблемы вокруг которой идет спор – в данном случае посткапитализм, а затем позиции критикуемого исследователя. В частности, авторы объясняют интерпретацию или аргументы автора в исследовательской статье, оценивают силу его аргумента и дают свои интерпретации в этом типе статьи. Существует определенный алгоритм написания критической статьи, который состоит из трех этапов: 1) резюмируются основные положения обсуждаемой статьи (монографии) или ее части; 2) обсуждается авторская аргументация, выделяются сильные и слабые стороны; 3) автор представляет свою точку зрения, подкрепленную соответствующими вспомогательными деталями. Примерно по этой схеме и была написана статья, которая приведена в качестве примера.

* * *

Предложенные здесь некоторые правила формулирования научной проблемы в статье для социологического журнала носят универсальный характер. Хороший профессионал знает не только правила дисциплинарной игры, но и когда и как их можно без последствий нарушать. Знание правил означает знание границ свободы творчества. Игра по правилам не гарантирует, но повышает вероятность того, что статья будет опубликована, а их нарушение не является препятствием непреодолимой силы для публикации в журнале СоцИс. Основная идея, которую автор попытался донести: разрывайте все шаблоны, хорошо зная и используя их достоинства и недостатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардашкин И.Б. Проблема и проблематизация // Известия ТомПТУ. 2004. Т. 307. № 4. С. 147–150.
- Белова Ю.Ю. Трезвый образ жизни: мотивы, роли, практики // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 82–94.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Дорошенко С.В., Санаева О.В. Влияние закрежденности населения на уровень суицидов в российских регионах // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 71–81.

- Киенко Т.С. Люди старшего возраста и пандемия: социальная эксклюзия, гетерогенность геронто-группы и интерсекциональность возрастных неравенств // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 115–124.
- Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути, или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. № 2. 2023. С. 83–94.
- Методологии и методы социологического исследования: учебник / под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2014.
- Пупышева И.Н., Захарова О.В., Кузнецова Н.В. Разновидности дискурса о сборе и переработке вторсырья: между стремлением к прибыли и спасением мира // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 53–65.
- Радаев В.В. Как организовать и представить исследовательский проект. 75 простых правил. М.: ГУ-ВШЭ, ИНФРА-М, 2001.
- Тезаурус социологии. Кн. 2: Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник / Ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Миграционные настроения и политические установки учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока: проблема соотношения // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 95–103.
- Autor D. Polanyi's Paradox and the Shape of Employment Growth (PDF), NBER Working Paper Series, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2014. P. 1–48.
- Polanyi M. The Tacit Dimension. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

Статья поступила: 16.10.23. Принята к публикации: 27.01.24.

RESEARCH PROBLEM AS A KEY ASPECT OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS IN A SOCIOLOGICAL JOURNAL

KOLOMIETS V.P.

Lomonosov MSU, Russia

Viktor P. KOLOMIETS, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of Sociology of Mass Communication Department of the Faculty of Journalism, Lomonosov MSU, Moscow, Russia (vikkolomiets@yandex.ru).

Abstract. The text is devoted to the formulation of a research problem in an article for a sociological journal. The purpose of the article is didactic in nature and is aimed at improving the culture of writing academic text through the articulation of a research problem. The text presents all stages of pre-research practice: searching for a topic, reviewing the literature, fixing a problem situation, formulating a research problem and research questions. The peculiarity of the article is that it is based on many years of experience as a reviewer for the journal "Sociological research", and the examples are manuscripts and publications sent to the journal. The articles are randomly selected and do not serve as a template for writing good articles, but rather to demonstrate some possible options.

An important place in the work is given to the creative process of problematization. Problematization is perhaps the most difficult pre-research procedure, since a significant part of it is located in the "black box" of the researcher's thought process. The essence of problematization is the process of deriving a new problem from existing knowledge. It acts as a way of relating knowledge and ignorance at the level of initial ideas. These are peculiar "game" manipulations of true and false, knowledge and non-knowledge.

The rules presented in the text for formulating a scientific problem in an article for a sociological journal are universal. Knowing the rules means knowing the boundaries of creative freedom. The author claims that playing by the rules does not guarantee, but increases the likelihood that the article will be published, and their violation is not a force majeure obstacle to publication in the journal "Sociological studies".

Keywords: research practice, scientific article, topic of the article, scientific review, problem situation, research problem, research question.

REFERENCES

- Ardashkin I.B. (2004) Problem and problematization. *Izvestiya TomPTU* [Herald of Tomsk Polytechnic University]. Vol. 307. No. 4: 147–150. (In Russ.)
- Autor D. (2014) *Polanyi's Paradox and the Shape of Employment Growth* (PDF), NBER Working Paper Series, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research: 1–48.
- Belova Yu. Yu. (2023) Sober lifestyle: motives, roles, practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 82–94. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, post-capitalism and creative revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Doroshenko S.V., Sanaeva O.V. (2023) The influence of debt burden on the population on the level of suicide in Russian regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 71–81. (In Russ.)
- Kienko T.S. (2023) Older people and the pandemic: social exclusion, heterogeneity of the gerontogroup and intersectionality of age inequalities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 115–124. (In Russ.)
- Kisilenko A.V., Shapovalova I.S. (2023) Designing a life path, or how do young people see their future? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 83–94. (In Russ.)
- Polanyi M. (1966) *The Tacit Dimension*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pupyshva I.N., Zakharova O.V., Kuznetsova N.V. (2023) Varieties of discourse about the collection and processing of recyclable materials: between the desire for profit and saving the world. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 53–65. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2001) *How to organize and present a research project. 75 simple rules*. Moscow: GU-VSHE, INFRA-M. (In Russ.)
- Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. (2023) Migration sentiments and political attitudes of student youth in Siberia and the Far East: the problem of correlation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 95–103. (In Russ.)
- Thesaurus of Sociology. Book 2: Methodology and methods of sociological research: thematic dictionary-reference book*. (2013) Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: YUNITI-DANA. (In Russ.)

Received: 16.10.23. Accepted: 27.01.24.

К 150-летию Н.А. Бердяева

© 2024 г.

А.Н. МАЛИНКИН

Н.А. БЕРДЯЕВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СОЦИАЛЬНОГО ФИЛОСОФА

МАЛИНКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (lo_zio@bk.ru).

Аннотация. В статье исследуются социально-философские и социологические воззрения Н.А. Бердяева. Автор опирается на публикации историка русской социологии В.В. Сапова, но в то же время полемизирует с ним на предмет характера мышления Бердяева, способа его философствования, социологичности методологии, а также оценки его так называемой апофатической социологии. Автор показывает, что социальная философия Бердяева основывается на учении о человеке (философской антропологии), ядром которого является религиозно-философская концепция личности (персонализм). Проводятся параллели со взглядами Вл. Соловьёва, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, М. Шелера. Раскрывается идейно-ценностный смысл «христианской социологии» Бердяева: в ее основу положен идеал «персоналистического социализма», который он рассматривал как «истинный коммунизм». Венчает ее эсхатология, призывающая к «активному пониманию апокалипсиса». В заключение автор подчеркивает актуальность взглядов Бердяева сегодня – в эпоху господства социальных технологий, машинной цифровой техники и упадка душевно-духовных потенций человека.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев • социальная философия • социология • человек • личность • дух • Бог • христианская социология • персонализм • персоналистический социализм • эсхатология

DOI: 10.31857/S0132162524030023

Николай Александрович Бердяев (06.03.1874–23.03.1948) в числе наиболее читаемых и почитаемых философов и социальных мыслителей России и Европы первой половины XX в. Он обладал удивительной работоспособностью. Его наиболее известные сочинения, такие как «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (1918), «Смысл истории» (1920), «Новое средневековье» (1924), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939), «Русская идея» (1946) часто издавались и переведены на многие языки. Все, что он писал, отличалось не только глубиной мысли, силой интуитивного прозрения, но и ярким оригинальным стилем. О его личности и творческом пути написано много, повторять здесь вехи его биографии нет необходимости. К тому же в своем экзистенциально-философском труде «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949) он, по сути дела, дал ключ к пониманию своей жизненной судьбы и глубинных мотивов творчества, раскрыв свой *ordo amoris*. Правда, ключ этот не на поверхности, его надо найти. Это мы и попытаемся сделать, не претендуя в рамках статьи охватить все стороны его наследия.

О характере мышления, способе философствования и стиле изложения Бердяева. Кто вникал в написанное Бердяевым, не мог не заметить: пишет он просто, но сразу понять его мысль удастся не всегда. Почему? Разобраться с этим мы попытаемся в полемическом диалоге с историком российской социологии, давним исследователем творчества Бердяева В.В. Саповым. Он подчеркивает две особенности, затрудняющие, по его мнению, изучение теоретического наследия русского философа. «Во-первых, мышление Бердяева носит не систематический, а скорее афористический характер, что придает его терминологии известную аморфность, – пишет он. – Во-вторых, на протяжении своей долгой жизни он проделал довольно сложную эволюцию “от марксизма к идеализму” и далее к персонализму, усложненному частичным признанием “правды коммунизма”» [Сапов, 2003: 95]. В другом месте Сапов описывает указанные особенности более подробно, отмечая «очень существенную черту бердяевского мышления: несистематизированную афористичность». Что имеется в виду?

«Если разобрать “учение” Бердяева на онтологию, гносеологию, этику и т.д., оно распадется на куски. Любая категория, любое понятие у Бердяева – свобода, время, любовь, человек, добро и зло – являются одновременно категориями онтологии, гносеологии, этики, эстетики. Каждое наполнено и религиозным смыслом, каждое имеет ту или иную “социологическую форму”. Если прибавить к сказанному, что положительное содержание взглядов Бердяева менялось (порой довольно круто) в течение его жизни, то его “система” предстанет уравнением со многими неизвестными. Таким образом, изложение его философии (шире: мировоззрения) оказывается субъективной интерпретацией (с положительной или отрицательной оценкой) ученого-исследователя» [Сапов, 2002: 246].

По нашему мнению, характеристика «очень существенной черты бердяевского мышления» как «*несистематизированной афористичности*» не вполне корректна. Дело не в том, что само выражение неудачно, так как внутренне противоречиво, а в том, что последующие характеристики трудно назвать адекватными. Способ философствования Бердяева был принципиально не систематичен. Его философия потому и не разложима на «традиционные части», что изначально не складывалась из них по традиционному образцу. Она строилась по иному принципу, получившему выражение в персонализме и экзистенциализме – идейных течениях, у истоков которых Бердяев стоял и принципы которых развивал. Вот почему взаимопроникновение в его философии «традиционных частей», смысловая многоаспектность категорий – не признаки хаотичности мышления и не его отрицательные следствия, а положительные качества нового способа философствования – цельного, интегрального.

Вот как Бердяев оценивает его: «Мое мышление интуитивное и афористическое. В нем нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать. И мне кажется это ненужным. (...) Дискурсивное развитие мысли существует не для самого познающего, оно существует для других. Таким способом надеются приобщить других к своему познанию, убедить их. Но и других убеждает совсем не это. Дискурсивное развитие мысли имеет социологическую природу, это есть организация познания в социальной обыденности» [Бердяев, 1991: 92–93]. Сапов цитирует вторую часть приведенного фрагмента, чтобы, с одной стороны, подтвердить неупорядоченность, хаотичность мышления Бердяева, с другой – чтобы заявить: отношение философа к «социологии» и всему «социологическому» было «пренебрежительным» [Сапов, 2002: 246]. С этим нельзя согласиться.

Во-первых, сам В.В. Сапов констатирует «парадоксальный» факт, что антипозитивизм русских философов был «следствием и признаком социологичности их мышления». «Парадокс» он верно объясняет их марксистским прошлым. «Заряд “социальности”, полученный ими в молодости, в “марксистский период” творчества, оказался столь мощным, что, перейдя “от марксизма к идеализму”, они (в том числе и Бердяев), остались “общественниками”, а в основе их философствования лежали поиск и обоснование общественного идеала» [там же: 247]. Как можно, имея социологический образ мыслей, относиться пренебрежительно к социологии и ко всему социологическому? Бердяев подчеркивал

необходимость и существенность для человека и личности социального измерения бытия; правда, в своей «христианской социологии» он разделял социальное бытие на два уровня: «экзистенциальное общение» (= соборность) и его объективацию – «общество», где личность игнорируется, а человеческая природа отчуждается (см. ниже).

Во-вторых, у Бердяева слова, следующие за приведенными выше («Мне всегда казалось ... интуиции»), вносят существенное уточнение, отчасти опровергающее сказанное ранее: «...Моя мысль совсем не отрывочна, не фрагментарна, не направлена на частности и детали. Наоборот, она очень централизована, целостна, направлена на целостное постижение смысла, в ней все со всем связано. Афоризм есть микрокосм, он отражает макрокосм, в нем все. Меня никогда не интересовали темы и проблемы, меня интересовала одна тема и одна проблема» [там же: 93]. На вопрос, какие это тема и проблема, дает ответ творчество Н.А. Бердяева: это место и роль человека и человеческой личности в обществе, в истории, в космосе, в божественном мироздании.

Что касается эволюции взглядов Бердяева, «порой довольно крутой», то, на наш взгляд, нет резонов утрировать трудности, связанные с ее интерпретацией и представлять не существовавшую никогда «систему» Бердяева в виде «уравнения со многими неизвестными». Схожую эволюцию, во многом predeterminedенную бурными событиями истории, претерпели взгляды и других русских философов конца XIX и первой половины XX вв., – С.Н. Булгакова, С.Л. Франка. Историки философии и социальной мысли России разобрались, кажется, со всеми смысловыми нюансами их доктрин. Об идейной эволюции Бердяева сегодня известно почти все, причем большой вклад в изучение его наследия внес В.В. Сапов. Одна из его заслуг в том, что он заострил внимание на характере мышления Бердяева и попытался его определить.

Определение характера мышления русского философа представляет собой проблему. Вскользь о ней упоминают многие, но из-за сложности она остается за рамками историко-культурных исследований. Это неудивительно: анализ способа мышления или шире – типа интеллектуальной деятельности – предполагает квалификацию конечных результатов этой деятельности, адекватное видение уникальной личности мыслителя, понимание его места и роли в интеллектуальной истории страны и мира. Разговор о способе мышления, казалось бы, внешний по отношению к плодам этого мышления и на первый взгляд субъективно-оценочный, на деле, если вести его всерьез, опираясь на факты, содержит имплицитно существенную информацию о мыслителе. Это ниточка, потянув за которую мы вытянем рубашку, хотя придется в ряде моментов забежать вперед.

Можем ли мы исходить в анализе мышления Бердяева из самооценок, которые он высказывал в «Самопознании», когда он писал, что ему свойствен «прирожденный аристократизм» [там же: 304], что у него была «господская психология», но он изжил ее и стал относиться себя к категории «*кающихся дворян*»? Когда идентифицировал себя с «лишними людьми»-«скитальцами земли русской» (Чацким, Евгением Онегиным, Печориным и др.), с героями Л. Толстого и Достоевского – князем Андреем, И. Карамазовым, Версиловым, особенно Ставрогиным, – а также «с Чаадаевым, с некоторыми славянофилами, с Герценом, даже с Бакуниным и русскими нигилистами, с Л. Толстым, с Вл. Соловьевым»? Когда самокритично признавал в себе «непреодолимое барство» и не протестовал против характеристики своего мировоззрения как «*барства метафизического*» [там же: 41, 50–51]? На наш взгляд, на эти самооценки ориентироваться мы можем. Почему?

В лице Бердяева перед нами человек, взявший на себя смелость не только считать себя личностью, но выстроить на личностном самопознании социальную и культурную философию. *Ведь личность он видел в себе именно в том смысле, в каком концептуализировал ее в доктрине персонализма.* Это подтверждает его «Самопознание». Вот почему мы полагаем, что оценка им собственной персоны объективна и абсолютно ответственна, – невзирая на ее противоречивость («Человеческая природа противоречива» [там же: 311]). Противоречивость утверждений Н.А. Бердяева В.В. Сапов считает «неотъемлемым свойством его мышления» и квалифицирует как «антиномичность» (правда,

неоправданно, на наш взгляд, заключая, будто это «делает его систему довольно рыхлой и, так сказать, неудобноизлагаемой» [Сапов, 2002: 249]: см. выше).

Но если противоречия не имеют формально-логического характера и включены в поток живой мысли, стоит ли пугать ими философов, которые знают им цену со времен Гераклита Темного (в европейской традиции)? Об этом убедительно высказался сам Бердяев в предисловии «О противоречиях в моей мысли» к книге «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии»: «Подлинное единство мысли, связанное с единством личности, есть единство экзистенциальное, а не логическое. Экзистенциальность же противоречива. Личность есть неизменность в изменении. Это одно из существенных определений личности [Бердяев, 1995: 5] (Курсив наш. – Прим. А.М.). Н.А. Бердяев был не просто нравственно ответственным человеком («Моя преобладающая ориентировка в жизни этическая. По типу своей мысли я моралист» [Бердяев, 1991: 43]), но человеком, мыслящим и чувствующим как христианский персоналист. А это ко многому обязывало.

Мы не можем назвать доктрину персонализма Бердяева «не систематической». Это центральное, ядровое и сквозное учение русского мыслителя. Оно представляет собой глубоко продуманную концепцию, где каждое понятие – прежде всего Дух, Человек, Личность, Свобода, Творчество, Культура, Бог (Иисус Христос), История, Богочеловечество и др. – занимает определенное и системно незаменимое место. Другое дело, что доктрина эта, как тем более другие концепции Бердяева, изложена не в той наукообразно-систематической форме, в какой излагались западные учения, начиная с Б. Спинозы и Р. Декарта и заканчивая Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером. Форма изложения у Бердяева скорее литературная, в классическом смысле этого слова. Бердяев был воспитан в традициях русской *литературоцентричной* культуры мышления. Несмотря на глубокое влияние европейской философии и культуры, особенно немецкой, Бердяев, настоящий российский «аристократ духа», в начале XX в. преодолел приверженность идеалу *научности* в его позитивистском, неокантианском, марксистском изводах. До конца жизни он сохранил верность отечественной традиции мыслительства и истинно русскому стилю.

Важно не смешивать понятия. Говоря об «афористичности» мышления Бердяева, надо иметь в виду, что речь идет скорее о его *писательском стиле, стиле изложения*. «Афористичность» изложения не исключает системности мышления. Мы не можем отказать в последней ни М. Аврелию, ни Б. Паскалю, ни Ф. Ницше, ни другим, кто предпочитал афористический способ изложения мыслей¹. С одной стороны, системность мышления не обязательно должна выражаться в систематическом, то есть пошагово артикулированном, логически правильно сформулированном, последовательном и формально завершенном изложении результатов мыслительной работы. Это, как известно, чревато догматизацией мысли и ее последующим извращением («мысль изреченная есть ложь»?). С другой стороны, может ли вообще философское мышление не быть системным? На наш взгляд, в той мере, в какой философскому мышлению недостает системности, ему недостает глубины, то есть собственно философичности.

Но вернемся к «афористическому» характеру мышления Бердяева в его конкретном аспекте. Форму выражения мыслей Бердяева можно сравнить с техникой крупного мазка живописца. Ясные сентенции в коротких предложениях создают обманчивое впечатление простоты мысли, даже тривиальности. Но эта простота – иллюзия, поскольку чтение с пониманием требует мысленно увязывать в целое серии сентенций. А это непростая задача. Их осмысление заставляет задуматься и интеллектуально дистанцироваться, аналогично пространственному дистанцированию при созерцании картины, написанной в технике крупного мазка. По ходу изложения Бердяев не раз возвращается к одному и тому же предмету, характеризуя его различным, подчас противоположным образом,

¹ Что, конечно, не исключает обратного: не все любители афоризмов и приверженцы афористического письма способны к философскому мышлению.

словно опровергая себя в поисках точных или удачных формулировок. Реальная смысловая сложность предмета не загоняется у Бердяева в глубину длинных предложений со множеством придаточных, типичную для немецких философов, а как бы экстенсивно распределяется малыми порциями по всей длине и ширине текста. Фигурально выражаясь, вертикальное измерение смысла в его текстах в значительной мере замещается горизонтальным. Стремление углубить сущностный анализ выражается в челночном движении мысли, ведет к постоянным повторениям, изменениям формулировок.

Г.П. Федотов объясняет особенности стиля Бердяева философскими мотивами: в их основе его природная любовь к свободе и неприятие всего, что ей препятствует². Объективацию, материализацию творчества в вещах (книгах, картинах и т.п.) Бердяев рассматривал как вынужденное подчинение закону необходимости. «Творческий огонь застывает в лаву, которая сама делается препятствием для творчества. ...Для Бердяева ценен творческий акт, а не его результат, не "произведение" искусства или мысли. Отсюда понятно, что он враг даже стремления к законченному совершенству... – писал Федотов. (...) – Это пренебрежение к совершенству объясняет и писательский стиль самого Бердяева. Враг всякой системы, не верящий в возможность мысли, свободной от противоречий, Бердяев хочет сохранить в своих писаниях возможно полную свободу своей кипящей, взволнованной мысли. Нечего и говорить, что он не унижается до доказательств. Подобно французскому поэту Пеги, он стремится все к новому выражению одной и той же мысли, не зачеркивая уже найденных, бросает нить и снова возвращается к ней. Он мастер удачных, образных определений, но они часто тонут среди черновых набросков» [Федотов, 2004: 283]. (Курсив наш. – Прим. А.М.).

Первые социологические опыты: между социальной наукой и социальной философией. Первые шаги Бердяева на интеллектуальном поприще (и не только первые) были мотивированы его желанием изменить мир к лучшему, искоренить зло и несправедливость. Он следил за достижениями *социальной науки, социологии*, с помощью которой надеялся реализовать свои помыслы. Научно-социалистическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса, которое с 1894 г. он изучал в одном из киевских социал-демократических кружков, воспринималось им тогда прежде всего как *социология*. Бердяев знакомится с трудами О. Конта, Г. Спенсера, Г. Зиммеля и др., читает Н.К. Михайловского («Я ценил его как социолога, хотя его философские основы мне казались слабыми» [Бердяев, 1991: 116]). Эти штудии ложились на удобренную почву: с 14 лет Бердяев увлекся философией, особенно учением Канта. Не удивительно, что его первая статья посвящена теме на стыке неокантианской философии и научного социализма: «А.Ф. Ланге и критическая философия в их отношении к социализму» (опубликована К. Каутским в "Neue Zeit" – журнале германских социал-демократов, в №№ 32–34 1899–1900 гг.).

В работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» (1901) Бердяев анализировал с позиций т.н. «критического» марксизма «субъективный метод» лидера народнического движения. Свою критическую методологию он основывал на трансцендентализме Марбургской и Баденской школ неокантианства. В понимании Бердяева трансцендентальное сознание – источник логических и этических а priori, обеспечивающих объективность социального и исторического познания. Конструкцию первой социально-философской книги Бердяева исследователь его раннего творчества Н.К. Ширко описывает так: «Синтезируя положения марксистской социологии с ее экономическим детерминизмом и идеей классового антагонизма и подходы видного немецкого философа и социолога Г. Зиммеля с его вниманием к социальной психологии и процессам социальной организации и социального взаимодействия, Бердяев увязывал в единую объяснительную схему психологические, социальные и экономические уровни исторического процесса» [Ширко, 2004: 175]. Своеобразие бердяевского «критического» марксизма в отличие от ортодоксальной трактовки марксизма,

² «Мне свойственна изначальная свобода. Я эмансипатор по истокам и пафосу» [Бердяев, 1991: 40].

в рамках которой признавалось диалектическое двуединство материальных и идеальных факторов истории на основе примата первых в виде экономики, состояло в утверждении главенства... психологического фактора. «...В истории все есть сплошь психическое и потому принципиально единое» [Бердяев, 2008: 132]. Дальнейшее развитие приведет его, условно-схематически, к замене «психического» на «духовное», к утверждению примата духовного фактора в обществе и истории. Чем он руководствовался, осуществляя тотальную психологизацию марксистской социологии?

Во-первых, Бердяев ссылается на теорию товарного фетишизма, которую объявляет ключевой для марксистской социологии («Это место проливает свет на всё социологическое учение К. Маркса» [там же: 131]). «Мы желали бы, чтобы великая социологическая доктрина, проливающая яркий свет на исторический процесс, протянула руку психологии, которая должна оказать ей большие услуги наряду с критической теорией познания и этикой. [Вся почти социальная наука Германии имеет тенденцию опираться на психологию. (...)] – *Примечание Бердяева*). Исторический материализм, монистический по своему духу, не должен видеть внутри исторического процесса дуализма духа и материи, психического и физического; для него есть только единое социальное, и это единое, с философской точки зрения, есть психическое» [там же: 131].

Соответственно, Бердяев отвергает концепцию «базиса» и «надстройки»: «... [мы не считаем особенно удачным шаблонное выражение о "материальном базисе, над которым возвышается идеологическая надстройка". Это, конечно, выражение фигуральное, но оно плохо уж потому, что предполагает дуализм материального и идеологического (базиса и надстройки). Оно оказывается лишённым определенного смысла; с этической точки зрения мы склонны смотреть на отношение материального к идеологическому, как на отношение средства к цели. – *Примечание Бердяева*]. Поэтому материалистическая социология в критике рационалистической социологии находит для себя подкрепление и в современной волюнтаристической психологии, которая рассматривает познание как слугу воли, и в кантианстве, которое считает теоретический разум слугою практического» [там же: 131–132].

С другой стороны, Бердяев ссылается на работы Зиммеля «Проблемы философии истории», «О социальной дифференциации» и заявляет, что «психологический метод в общественной науке есть не что иное, как требование величайшего объективизма, на какой только способен человек» [там же: 132]. «Психологический метод требует, чтобы мы понимали и объясняли психологию людей и их действия на арене истории не со своей субъективной точки зрения, а с точки зрения их исторической эпохи. Только благодаря своему строгому объективизму психологический метод даст общественной науке ключ к пониманию развития общественной психики, а без этого понимания весь исторический процесс для нас – потемки» [там же: 132]. Любопытно, что те же ходы мысли в интерпретации учений К. Маркса и Г. Зиммеля, ссылки на одни и те же их работы и даже места в них мы находим и у С.Л. Франка [Малинкин, 2023: 95–100].

Бердяев считал позитивную социальную науку (= социологию) необходимой, в определенных познавательных границах – как и науку вообще. Но для него очень рано стало ясно, что место и роль науки в человеческом обществе и культуре ограничены прагматическими и утилитарными целями, которые происходят из инстинктов самосохранения, продолжения рода и питания; что наука не может претендовать на главенство в культуре, как полагали позитивисты и К. Маркс; что, наконец, форма научности естествознания, взятая за образец, не может и не должна распространяться на философию вообще и социальную философию в частности, что, строго говоря, философия – это не наука³.

Персоналистический социализм и истинный коммунизм. В работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916) Бердяев подверг критике ориентированный на факт науки гносеологизм Г. Когена, П. Наторпа, В. Виндельбанда, Г. Риккерта и их

³ О круге познавательных интересов молодого Бердяева и о его первой статье см.: [Сапов, 2008].

последователей. Он критикует научно ориентированный неокантианский трансцендентализм, который фактически игнорирует реальное бытие человека в мире. Цитируя статью Гуссерля «Философия как строгая наука» (1911), Бердяев пишет: Гуссерль «...стремится превратить философию в науку, освободив ее от остатков мудрости и глубокомыслия. Борьба против мудрости и глубокомыслия и есть борьба против философии, против творческой интуиции в познании, против творческой роли личной гениальности и одаренности в философском познании. Гуссерль последовательно хочет изгнать из философии Софию и истребить философию как искусство, как творчество» [Бердяев, 1989: 535–536].

Антроподияца Бердяева исходит из признания первичности реального человеческого бытия в реальном мире, из творческого начала человеческой личности, из отказа признавать «первоначалом» априорные формы рационального мышления или ценностного отношения. Хотя религиозный смысл философской антропологии Бердяева был раскрыт «справа» «софиологами» С.Н. Булгаковым, П.А. Флоренским и др., и «слева» – религиозно-философскими «модернистами» (Д. Мережковский и др.), ее новаторский персоналистический и экзистенциально-философский смысл имел успех, который сравним с тем, что в Германии снискала книга Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей. Новый опыт обоснования этического персонализма» (1913–1916).

Бердяев следил за творчеством М. Шелера и, конечно, читал не только «Формализм в этике...»⁴, «К идее человека» (1915), «Положение человека в космосе» (1928), но и другие его работы. Отношение к Шелеру он высказал в «Самопознании»: «Я нашел в книгах М. Шелера некоторые мысли, которые я давно уже высказывал, хотя и по-иному выраженные. (...) Это был очень талантливый человек, самый интересный немецкий философ последней эпохи» [Бердяев, 1991: 245]. Схожесть позиций обоих мыслителей очевидна в их доктринах человека и личности. Несмотря на то что Бердяев создавал свою доктрину, опираясь прежде всего на православную религиозно-философскую традицию (А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев и др.), а Шелер – на католическую (Августин, Св. Фома, Б. Паскаль и др.), оба пришли к близким выводам: человек выходит из животного состояния и становится человеком только благодаря тому, что наделяется сверхприродным началом – духом, – через который он связан с высшей силой мироздания, Богом; человек становится личностью только тогда, когда в духовном экстазе осознает и определяет себя через Бога; «основная проблема антропологии есть проблема личности»; личность есть неопредмечиваемое духовное «конкретное единство актов»; «личность не рождается от родителей, как индивидуум, она творится Богом и самотворится и она есть Божья идея о всяком человеке» [Бердяев, 1936: 13]⁵.

В 1907 г. Бердяев писал: «Первое и последнее в моем религиозном, философском и общественном отношении к бытию есть реально-мистическое ощущение личности, напряженное самоощущение, вопрошающее мировую тайну об индивидуальной судьбе» [Бердяев, 1907: VII]. В понимании Бердяева, личность есть свободное духовно-творческое начало в человеке, носитель, хранитель и со-творец «образа Божия». «Творческий акт имманентно присущ лишь лицу, личности как свободной и самостоятельной мощи, – писал он в 1916 г. – (...) Только персоналистическое учение о мире, для которого всякое бытие – личное и самобытно-субстанциальное, в силах осмыслить творчество. Такое персоналистическое учение признает оригинальность личности, невыводимой ни из чего внешнего и общего, ни из какой среды. Бог – конкретная Личность и потому Творец; человек – конкретная личность и потому творец...» [Бердяев, 1989: 360, 361].

Стремление соединить религиозно-философскую идею личности с идеей социализма привело Бердяева⁶ к созданию концепции христианского социализма, которую он пред-

⁴ Бердяев неоднократно отмечал большой вклад Шелера в создание современной философской антропологии [Бердяев, 1936: 3, 4, 10].

⁵ Ср.: [Шелер, 2022].

⁶ Заметим: как и Шелера [Шелер, 2021].

почитал называть «персоналистическим социализмом». «Я являюсь сторонником христианского персонализма, а совсем не индивидуализма, который враждебен принципу личности, – писал Бердяев в 1937 г. – В обществе буржуазно-капиталистическом личность обезличивается и нивелируется, рассматривается, как атом. Индивидуализм противоположен христианской идее общения людей, реализация же личности предполагает общение людей. (...) Русская творческая религиозная мысль выносила идею Богачеловечества; подобно тому, как в Иисусе Христе Богочеловеке произошло индивидуальное воплощение Бога в человеке, в христианском человечестве должно произойти коллективное, соборное воплощение Бога. Богочеловечество есть продолжение бого-воплощения. Это ставит проблему воплощения Христовой истины и правды в жизни человечества, в человеческой культуре и обществе» [Бердяев, 1955: 146]. (Курсив наш. – Прим. А.М.)

Далее Бердяев, признав частичную правоту русского коммунизма, поскольку он, по его мнению, «есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи», так формулирует свой христианско-социалистический идеал: «Христианство представляется мне соединимым лишь с системой, которую я назвал бы системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности как верховной ценности с принципом братской общности людей. При этом необходимо делать различие, которого не делает коммунизм, различие между осуществлением справедливости в общественной жизни, предполагающим момент принуждения, и осуществлением братства людей, их подлинного общения или коммуникации, предполагающим свободу человека и действие благодати» [Бердяев, 1955: 152]. (Курсив наш. – Прим. А.М.)

Проблема человека и «христианской социологии». Какой смысл Бердяев вкладывал в понятие «христианская социология»? Разумеется, речь не шла о социальной науке на службе христианской церкви как социальному институту с ее экономическими, политическими, идеологическими интересами. «Христианская социология», в последнем смысле, существует и практикуется (напр., среди католиков и протестантов США и Западной Европы), поскольку у христиан есть не только потусторонние, но и земные цели. Но Бердяев имел в виду иное. Речь идет о христианско-персоналистической интерпретации исконно русского понятия «соборность». «Человеческая личность, – писал он, – может реализовать себя только в общении с другими личностями, в общине (Communauté, Gemeinschaft)» [Бердяев, 1936: 21]. Человек – социальное существо, утверждает Бердяев. Будучи замкнута в себе и на себя, личность не способна достигнуть полноты жизни. Она вынуждена отстаивать свою духовную свободу именно в обществе и только в нем может осуществить свое призвание.

Бердяев проводит принципиальное различие между «общением» и «обществом». Он переосмысливает раннего К. Маркса в духе Ф. Тенниса и вслед за Шелером, М. Бубером феноменологически первичной, «экзистенциальной» сферой социальности рассматривает прямое межличностное общение. Общество, государство надстраиваются над этой сферой. Они, в понимании Бердяева, – абстрагированные объективации, где происходит невольное отчуждение человека от человека, а личность нивелируется и теряется. «Общение (община) всегда персоналистично, всегда есть встреча личности с личностью, “я” с “ты” в “мы”. В подлинном общении нет объектов, личность для личности никогда не есть объект, всегда есть “ты”. Общество абстрактно, оно есть объективация, в нем исчезает личность. Общение же конкретно и экзистенциально, оно вне объективации. В обществе, оформляющем себя в государстве, человек вступает в сферу объективации, он абстрагируется от самого себя, происходит как бы отчуждение от его собственной природы» [Бердяев, 1936: 21].

Маркс открыл отчуждение человеческой природы в экономике капиталистического строя, продолжает Бердяев. «Но в сущности это отчуждение человеческой природы происходит во всяком обществе и государстве. Экзистенциально и человечно лишь общение “я” с “ты” в “мы”. Общество, достигающее крайней формы объективации в государстве, есть отчуждение, отпадение от экзистенциальной сферы. Человек превращается

в абстрактное существо, в один из объектов, поставленных перед другими объектами» [там же: 22]. Но не только светское общество и его государство образуют сферу отчуждения, но и реально-историческая церковь. «Церковь есть также социальный институт, действующий в истории, в этом смысле она объективирована и есть общество. Церковь была превращена в идол, как и все на свете», – утверждает Бердяев [там же: 22]. В другой работе он идет дальше и критикует традиционную христианскую теологию за то, что в течение веков она, фигурально выражаясь, обросла объективированной социоморфной коростой.

Очищение богословского сознания от наслоений, вызванных общественной объективацией, он видит на пути апофатической теологии⁷, сопровождаемой «апофатической социологией». Последняя призвана быть инструментом вскрытия и зачистки смыслов, которые возникли вследствие социоморфной идолизации Бога посредством рационалистических трактовок. Сапов усматривает в «апофатической социологии» Бердяева плодотворную новаторскую идею. По его мнению, она «заслуживает внимания историков социологии хотя бы как методологический принцип, эвристические возможности которого еще не выявлены и не использованы» [Сапов, 2002: 252]. Такая оценка вызывает сомнения. Идея «апофатической социологии» в контексте социальной философии Бердяева не имеет самостоятельного значения и рассматривается им лишь как вспомогательное средство возрождения истинного богопознания⁸.

Поскольку религиозный акт есть и социальный акт, постольку он с необходимостью – априорно – предполагает человеческую общность (пусть даже в виде ее отрицания). Об этом как о «социологическом доказательстве бытия Бога» («soziologischer Gotteserweis») Шелер писал в 1917, 1921, 1923 гг. и позднее [Scheler, 1968: 260–261]. Представления же людей о форме общности всегда отражают конкретно-исторические способы группообразования в обществе с характерными типами отношений, прежде всего, родства, господства и подчинения, служения и т.д. В этом смысле богопознание обусловлено социологически. В первую очередь социологически обусловлено видение личности Бога, Его взаимоотношений с человеком: Отец – сын, Господин – раб, Владыка – слуга и т.д. Но экзистенциальное общение (= соборность) Бердяев позиционировал как идеальную сферу абсолютно чистой социальности, куда привходит царство Божье и где между людьми нет отношений господства и подчинения. Экзистенциальное общение должно быть свободно от всех общественных объективаций. Вот почему, по его замыслу, «апофатическая теология», стремящаяся к абсолютной чистоте идеи Бога, нуждается в «апофатической социологии».

«Но церковь, – продолжает Бердяев, – в экзистенциальном, не объективированном смысле есть общение (*communauté*), соборность. Соборность есть экзистенциальное мы. Соборность рационально невыразима в понятии, не поддается объективации... Экзистенциальное общение есть коммунион, истинный коммунизм, отличный от коммунизма материалистического, который основан на смешении экзистенциального общения с объективированным обществом... Общество, в основу которого будет положен персонализм, признание верховной ценности всякой личности и экзистенциального отношения личности к личности, превратится в общину, в *communauté*, в истинный коммунизм» [Бердяев, 1936: 22] (курсив наш. – Прим. А.М.).

Экзистенциальное общение недостижимо посредством вмешательства извне, пусть в благих целях. Путем принудительной организации общества (например, с помощью революционного насилия) может быть создан более справедливый строй, но не братство людей как истинный коммунизм. «Общение, соборность есть общество духовное,

⁷ От др. греч. ἀποφατικός «отрицательный». Практикуемый в богословии подход, при котором божественное начало и его проявления истолковываются через перечисление того, чем божественное не является и о чем нельзя сказать.

⁸ Ср.: [Бердяев, 1995: 11, 43, 51, 55].

которое скрыто за внешним, объективированным обществом, – писал Бердяев. – В общении “я” с “ты” в “мы” неприметно приходит царство Божье. (...) В сфере, к которой принадлежит общество, наиболее соответствует христианскому антропологическому сознанию система, которую я называю *персоналистическим социализмом*. Эта система предполагает справедливую социализацию хозяйства, преодоление хозяйственного атомизма и индивидуализма при признании верховной ценности человеческой личности и ее права на реализацию полноты жизни» [Бердяев, 1936: 22, 22–23] (курсив наш. – Прим. А.М.). Но сам по себе персоналистический социализм не создает общения, оговаривается Бердяев. Это остается перманентной «духовной задачей» людей. Поэтому «христианская антропология упирается в проблему христианской социологии» [Бердяев, 1936: 23] (курсив наш. – Прим. А.М.).

Смысл этой проблемы в том, что хотя проблема человека и личности более фундаментальна, считает Бердяев, чем проблема общества, и имеет над второй безусловный приоритет, первую проблему все время пытаются решить через вторую, исходя только из нее, предлагая все более эффективные, с рациональной точки зрения, пути и средства общественной организации. При этом игнорируется неоспоримый, на взгляд Бердяева, факт, что человек не есть создание общества, что он есть создание Бога, Его образ и подобие. «Человек имеет в себе элемент независимый от общества, он реализует себя в обществе, но не зависит целиком от него». Поэтому, заявляет Бердяев, «социология должна быть основана на антропологии, а не наоборот» [Бердяев, 1936: 23] (курсив наш. – Прим. А.М.).

В «опыте персоналистической философии» Бердяев объясняет две социологически обусловленные эпистемологические альтернативы, которые всегда открыты перед человеком. Один путь ведет через объективацию к обществу и научному (в т.ч. социально-научному) взгляду на мир, другой – через трансцендирование и транссубъективность (интерсубъективность) – к экзистенциальному общению с Богом и другими личностями в Боге. «Человек есть существо, себя преодолевающее, трансцендирующее⁹. Реализация личности в человеке есть это постоянное трансцендирование... Трансцендирование есть переход к *транссубъективному*, не к объективному. Это путь в глубине существования, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира, это путь не объективных сообщений, а экзистенциальных общений. Личность реализует себя только на этом пути [Бердяев, 1995: 17].

Человек – существо не только социальное, но и историческое. Последняя, «предельная» проблема религиозной антропологии есть проблема отношения человека, личности – и истории, проблема, считает Бердяев, эсхатологическая. «Антропология есть также философия истории. Философия же истории есть неизбежно эсхатология. Философия истории есть не столько учение о смысле истории через прогресс, сколько учение о смысле истории через конец» [Бердяев, 1936: 24]. «История есть судьба человека. Трагическая судьба» [там же: 23]. Трагедия в том, что «христианская история никогда не осуществляла истинного христианского персонализма, она осуществляла противоположное» [там же: 24].

Бердяев отвергает философию истории Гегеля, игнорирующую человека и личность. По религиозному смыслу история есть движение к царству Божьему. Смысл этот осуществляется потому, что в реально-исторический процесс «прорывается метаистория». Он критикует Вл. Соловьева за ложную сакрализацию истории: по его мнению, нельзя находить в истории сплошной богочеловеческий процесс, как делал Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве». «История в известном смысле есть неудача царства Божьего, она длится потому, что царство Божье не осуществляется, не приходит. (...) Первое и второе пришествие Христа раздвинулось, между ними образовалось историческое время, которое может быть неопределенно длительным. (...) История не имеет смысла в себе, она

⁹ Ср.: [Шелер, 2022].

имеет смысл лишь за своими пределами, в сверхисторическом. И потому неизбежен конец истории и суд над историей» [там же: 23, 24].

В известном смысле революции вершили суд над историей. Было много революций, которые осуждали прошлое, но «все революции заражались злом прошлого». «Никогда не было революции персоналистической, революции во имя человеческой личности... И потому неизбежен конец истории, последняя революция» [там же: 24]. Бердяев критикует религиозно индифферентную и атеистическую «гуманистическую антропологию», предавшую забвению свое христианское происхождение. «Как только провозглашают, что нет ничего выше человека, что ему некуда подыматься и что он довлеет себе, человек начинает понижаться и подчиняться низшей природе. (...) Как существо исключительно природное и социальное, как создание общества, человек лишен внутренней свободы и независимости, он определяется исключительно извне, в нем нет духовного начала, которое было бы источником творчества. (...) Самоутверждение человека приводит к самоистреблению человека» [там же: 25]. Такова «роковая диалектика гуманизма», полагает Бердяев. Но отвергать гуманизм было бы ошибкой, считает он. Надо утверждать «творческий христианский гуманизм, гуманизм теоандрический, связанный с откровением о Богочеловечестве» [там же: 25].

Идейным ядром такого теоандрического гуманизма Бердяева является мысль о сущностно необходимой взаимосвязи Бога и человека. В свете этого учения (во многом перекликающегося со взглядами позднего Шелера, Н. Гартмана и восходящая к немецким мистикам), не только Бог нужен человеку, чтобы стать Человеком (= личностью), но и человек – Богу. В этом смысле человек оказывается соратником Бога, со-творцом божественного мироздания. «Творческий акт человека, предполагающий внебытийственную свободу, есть ответ на Божий призыв к человеку, и он нужен для самой божественной жизни, он имеет не только антропогоническое, но и теогоническое значение» [там же: 25]. Вот почему должны быть преодолены, полагает Бердяев, традиционные христианские антропологии и традиционные философские антропологии – натуралистические и идеалистические. «Учение о человеке как творце есть творческая задача современной мысли» [там же: 26].

Вместо заключения. Бердяев отвергал «пассивное понимание» апокалипсиса, характерное для Вл. Соловьева и др., выступал за его «активное», творческое, понимание. Оно было свойственно, по мнению Бердяева, Н.Ф. Федорову. Для Бердяева неприемлем натурализм Федорова, однако его *эсхатологический оптимизм* он считал единственно правильным умонастроением. Свои чаяния Бердяев связывал с тем, что человечество преодолет господство техники над собой и духовно овладеет ею. «Эпоха неслышанной власти техники над человеческой душой кончится, но кончится она не отрицанием техники, а подчинением ее духу» [Бердяев, 1994: 513]. Сегодня мы на пороге новой мировой эпохи, которую можно назвать эпохой прорыва высоких технологий – прорыва и в живое человеческое тело. То, чего опасался Бердяев, случилось: техника почти всецело овладела душами людей, прежде всего молодых. Овладевая душой человека, техника все глубже проникает в его тело, чему способствуют утилитаризм, гедонизм и цинизм, образующие этос человека западного типа, который недавно был ценностным образцом для людей, в том числе россиян.

Современные социальная философия и философия истории, прикрывающиеся «социологией» и выступающие от ее имени, как правило, элиминируют понятия «Бог», «дух», «духовность», «душа», «личность» как нечто эфемерное. Большинство социологов они воспринимаются как рудименты мифического сознания, фантомы романтического воображения. Сегодня спрашивают «есть ли социология?», имея в виду результаты опросов общественного мнения, ставших инструментом в принятии политических, экономических и др. общественно-практических решений.

Технико-технологический поворот в истории человечества породил в сознании людей иллюзию *безальтернативности* представлений о мире, в котором научно-рациональное мышление образует ядро культуры, а Интернет, мобильная телефония,

искусственный интеллект, цифровые технологии вообще – наиболее адекватные способы воплощения в жизнь культурных смыслов. За последние сорок лет, подражая западным образцам, мы добровольно сделали нашу культуру *научо- и техноцентричной*. Благодаря технологиям коммуникации культура стала *массовой* в худшем смысле слова. Против этого и выступал Бердяев. Его философия апеллирует к духовному началу человека, пробуждает в нем творческие силы. Она сегодня актуальна как никогда. Мы обращаемся к прошлому в поисках ответов на вопросы, которые нас волнуют в настоящем. Прошлое является источником идей, смыслов, ценностей, реализация которых востребована в настоящем и будущем. Факт, что они когда-то не были реализованы, не означает, что они нереализуемы. Необратимо физическое время – время человеческое, духовно-культурное, обратимо и постоянно находится в обращении. Поэтому в истории человечества возникают «ренессансы» идей, стилей и др. Прозрения Бердяева рано или поздно воплотятся в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955.
- Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907.
- Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесл. *П.В. Алексеева*; подгот. текста и прим. *Р.К. Медведевой*. М.: Республика, 1995. С. 7–218.
- Бердяев Н.А.* Проблема человека (к построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 3–26.
- Бердяев Н.А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии // Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 19–340.
- Бердяев Н.А.* Смысл истории // Смысл истории. Новое средневековье / Сост. и комментарии *В.В. Сапов*. М.: Канон+, 2002. С. 7–218.
- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Философия свободы. Смысл творчества. / Вступ. статья, сост., подготовка текста, прим. *Л.В. Поляков*. М.: Правда, 1989. С. 254–580.
- Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском // Субъективизм и индивидуализм в общественной философии / Вступ. статья, сост. и комментарии *В.В. Сапов*. М.: Астрель, 2008. С. 13–252.
- Бердяев Н.А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Н.А. Бердяев Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1. / Вступ. статья, сост., прим. *Р.А. Гальцевой*. М.: Искусство; Лига, 1994. С. 499–523.
- Малинкин А.Н.* С.Л. Франк на пути к социальной философии. Опыт сравнительного анализа: Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 93–108. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5 EDN: LFMBVF.
- Сапов В.В.* Бердяев Н.А. // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 94–96.
- Сапов В.В.* Бердяев начинается // Субъективизм и индивидуализм в общественной философии / Вступ. статья, сост. и коммент. *В.В. Сапов*. М.: Астрель, 2008. С. 3–9.
- Сапов В.В.* Н.А. Бердяев: антисоциология как критика социологического разума // История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 2002. С. 245–258.
- Федотов Г.П.* Н.А. Бердяев – мыслитель // Собрание сочинений в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода / Прим. *С.С. Бычков*. М.: Мартис, 2004. С. 278–291.
- Шелер М.* К идее человека / Пер. с нем., прим., комм. и сопровод. статья *А.Н. Малинкина*. М.; СПб.: ЦГИ, 2022.
- Шелер М.* Пророческий либо марксистский социализм? // Дискурс. 2021. Т. 7. № 5. С. 25–44.
- Ширко К.Н.* Генезис историко-социологической концепции Н.А. Бердяева // Вестник ТомГУ. 2004. № 281. С. 169–175.
- Scheler M.* Probleme der Religion // Max Scheler Gesammelte Werke. Bd. 5: Vom Ewigen im Menschen. 5. Aufl. Bern; München: Francke Verlag, 1968. S. 101–354.

Статья поступила: 09.01.24. Финальная версия: 03.03.24. Подписана к публикации: 04.03.24.

N.A. BERDYAEV: STROKES TO THE PORTRAIT OF A SOCIAL PHILOSOPHER

MALINKIN A.N.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Alexander N. MALINKIN, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (lo_zio@bk.ru).*

Abstract. The article examines the views of N.A. Berdyaev. The author relies on the publications of the historian of Russian sociology V.V. Sapov, problemicizing on nature of thinking and style of Berdyaev's philosophizing, of how sociological is his methodology, as well as the assessment of his so-called "apophatic sociology". The author shows that Berdyaev's social philosophy is based on the doctrine of man (philosophical anthropology), the core of which is religious and philosophical concept of personality (personalism). Parallels are drawn with the views of V.I. Solovyov, S.N. Bulgakov, S.L. Frank, M. Scheler. The ideological and value meaning of Berdyaev's "Christian sociology" is shown to be based on the ideal of "personalistic socialism", which he considered "true communism", and is crowned by eschatology, calling for an "active understanding of the apocalypse". In conclusion, the author emphasizes the relevance of Berdyaev's views for our time – the epoch of the dominance of digital techniques, social technologies, and a decline of human spiritual potential.

Keywords: N.A. Berdyaev, social philosophy, sociology, human, personality, spirit, personalism, personalistic socialism, eschatology.

REFERENCES

- Berdyaev N.A. (1907) *New Religious Consciousness and General Public*. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1936) The Problem of Human (Towards the Construction of Christian Anthropology). *Put'* [The Path]. No. 50: 3–26. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1955) *Origins and Meaning of Russian Communism*. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1989) The Meaning of Creativity. Experience of Justification of a Human. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda: 254–580. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1991) *Self-Knowledge. Experience of Philosophical Autobiography*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1994) Human and Machine (Problem of Sociology and Metaphysics of Technique). *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh. T. 1.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art in two volumes. Vol. 1]. Moscow: Art; League: 499–523. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1995) About Slavery and Human Freedom. Experience of Personalistic Philosophy. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar] Moscow: Republic: 7–218. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (2002) The Meaning of History. *Smysl istorii. Novoye srednevekov'ye* [The Meaning of History. New Middle Ages]. Moscow: Canon+: 7–218. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (2008) Subjectivism and Individualism in Social Philosophy. Critical Study about N.K. Mikhailovsky. *Sub'yektivizm i individualizm v obshchestvennoy filosofii* [Subjectivism and Individualism in Social Philosophy] Moscow: Astrel: 13–252. (In Russ.)
- Fedotov G.P. (2004) N.A. Berdyaev – Thinker. *G.P. Fedotov. Sobraniye sochineniy v 12 tomakh. T. 9: Stat'i amerikanskogo perioda* [G.P. Fedotov. Collected works in 12 volumes. T. 9: Articles of the American period]. Moscow: Martis: 278–291. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2023) S.L. Frank on the Path to Social Philosophy: Experience of Comparative Analysis: G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 29. No. 3: 93–108. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5. (In Russ.)
- Sapov V.V. (2002) ON THE. Berdyaev: Antisociology as a Critique of Sociological Reason. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. T. 2* [History of Theoretical Sociology. Vol. 2]. Moscow: Kanon+: Reabilitatsia: 245–258. (In Russ.)
- Sapov V.V. (2003) ON THE. Berdyaev N.A. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya. T. 1* [Sociological Encyclopedia. Vol. 1]. Moscow: Mysl: 94–96. (In Russ.)
- Sapov V.V. (2008) Berdyaev Begins. *Sub'yektivizm i individualizm v obshchestvennoy filosofii* [Subjectivism and Individualism in Social Philosophy]. Moscow: Astrel: 3–9. (In Russ.)
- Scheler M. (1968) Probleme der Religion. *Max Scheler Gesammelte Werke. Bd. 5: Vom Ewigen im Menschen* Bern; München: Francke Verlag: 101–354. (In German).
- Scheler M. (2021) Prophetic or Marxist socialism? *Diskurs* [Discourse]. 2021. T. 7. No. 5: 25–44. (In Russ.)
- Scheler M. (2022) *To the Idea of Human*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russ.)

© 2024 г.

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ

МОТИВАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПРОДУКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – доктор социологических наук, доцент МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (taleksandr@list.ru).

Аннотация. В статье рассматривается связь сложившейся структуры мотивации с показателями продуктивности в научной деятельности. Выявлена иерархия мотивов научно-исследовательской деятельности и уровень их реализации в работе, определено ядро мотивации, раскрывается ее факторная структура. В качестве информационной базы исследования использовались данные онлайн-опроса российских ученых (N = 551), проведенного во второй половине 2022 г. Определено, что из двух главных мотивов научной деятельности: получение удовольствия от содержания работы и самостоятельность в работе, большим потенциалом продуктивности обладает мотив самостоятельности в работе. Из числа возможных объективных факторов влияния на структуру мотивации наибольшее дифференцирующее воздействие оказывают различия в ученой степени, отрасли и тип организации, в которой заняты ученые. Обосновывается, что ни главные мотивы, ни ядро мотивации, ни корреляционные синдромы мотивов (факторы) сами по себе не являются самостоятельными триггерами роста продуктивности. Все они опосредованы характеристиками статусной принадлежности и занятости. Только определенные группы мотивов, связанные с ценностями познания как такового, во взаимосвязи со статусными характеристиками способны стать действенной побудительной силой научного творчества и высокой продуктивности.

Ключевые слова: структура мотивации • продуктивность в научной деятельности • ядро мотивации • факторный анализ • регрессионный анализ • индекс Хирша • российские ученые

DOI: 10.31857/S0132162524030033

Постановка проблемы. На рубеже перехода от советского этапа в развитии науки к постсоветскому сложившаяся мотивация труда ученых была названа «застойной» [Социальные..., 1990: 4]. При таком подходе к определению мотивации, который психологи еще называют «экстерналистским», неудачи объясняются внешними факторами (устаревшее оборудование, бюрократические структуры управления, нехватка вспомогательного персонала и т.д.). В ситуации преобладания этого подхода наиболее распространённым типом, или «фракцией» (В.А. Ядов) научного сообщества становится фигура рационально действующего ученого, сочетающего научное творчество с заслуженными материальными благами, которые должны стимулировать эффективную работу, а наименее – ученых

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ. Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022.

классического типа, энтузиастов, для которых сам процесс познания представляет самоценность и способ самореализации [там же: 5].

Напомним, что до «застойных» лет на всем протяжении развития отечественной науки советский ученый в художественных произведениях, кинематографе, а также в научной литературе преимущественно представал именно как носитель классического типа. У читателя и зрителя складывалось впечатление, что советские ученые полностью отдавали свою жизнь науке и общественной деятельности, а материальные блага и условия труда играли второстепенную роль. Самоидентификация с работой по своей специальности была у них настолько сильной, что попытки административного контроля за рабочим временем, осуществлявшиеся не столько для повышения эффективности научного труда, сколько для поддержания «трудолюбивой дисциплины» при всех трудностях и раздражающих моментах, не мешали ученым чувствовать себя самими собой [Левинсон, 2019: 109]. Следует добавить, что престиж профессии ученого в советское время (особенно в 1950–1960-е гг.), материальное вознаграждение выгодно отличались от других профессиональных групп. Так, к примеру, в 1950-е гг. зарплата доктора наук почти в пять раз превышала зарплату врача-терапевта [Зезина, 1997: 21], а профессия ученого неизменно входила в число самых престижных вплоть до начала либеральных реформ 1990-х гг. Согласно статистическим данным, за период с 1950 по 1989 г. численность научных работников РСФСР возросла в 9,2 раза и составила в 1989 г. более миллиона человек [Аллахвердян, 2014: 64]. По численности занятых в науке, ежегодному выпуску специалистов с высшим образованием и защитивших диссертации СССР превосходил другие страны, сохранялось лидерство в мире по числу изобретений. Вместе с тем две трети научных исследований и разработок были связаны с обороной страны [Бердашкевич, 2000: 118], а гражданская наука развивалась по остаточному принципу, «выживала на проценты с бомб и ракет» [Аллахвердян, 2014: 67]. Экстенсивный рост научной сферы не сопровождался продуктивностью по внедрению изобретений. Так, в 1987 г. по количеству зарегистрированных промышленных образцов СССР уступал всем развитым странам [Бердашкевич, 2000: 118].

Поиск факторов повышения эффективности научной деятельности в поздний советский период преимущественно связывался с переходом научной отрасли на интенсивный путь развития посредством улучшения качественного состава научных кадров, выбора (выявления) перспективных направлений, с разработкой действенной связи науки с практикой, совершенствованием информационного обеспечения [Социальные..., 1990: 18–21]. Среди внутриорганизационных факторов, которые могли бы способствовать повышению эффективности, рассматривались перевод НИИ на полный хозрасчет и финансирование, демократизация науки, определение объективных критериев оценки научного труда [там же: 30–36].

С 1992 г., когда российская наука оказалась на периферии государственных интересов и перестала рассматриваться в качестве приоритетной отрасли деятельности, проблема повышения ее эффективности перестала быть значимой. Вместо оценок эффективности научной деятельности, т.е. определения экономических, социальных, политических и внутринаучных результатов с точки зрения поставленных целей, конечных народнохозяйственных эффектов [Татаринов, 1986: 204–206], действует механизм оценки научного труда на основе показателей результативности научной деятельности (ПРНД). Господство наукометрического подхода, заимствованного на Западе, привело к использованию двух определяющих показателей оценки научной деятельности: ее продуктивности и результативности. Продуктивность научной деятельности документально подтверждается опубликованными научными трудами, а результативность помимо этого еще включает учет участия в конференциях, разработанные учебно-образовательные курсы, патенты и другие важные с точки зрения организации результаты научной деятельности отдельных научных работников.

Как преимущественно количественные методы оценки научной деятельности, наиболее полно вошедшие в повседневную профессиональную жизнь российских

ученых-исследователей с 2005 г. (год внедрения индекса Хирша в показатели научной деятельности), сказались на их мотивации и продуктивности?

Сегодня мало кто оспаривает тезис об углубляющемся кризисе отечественной науки, но можно ли с такой же долей уверенности утверждать о кризисе в мотивации научной деятельности, ее застойном характере применительно к современному контексту? Стали ли мотивация профессиональной деятельности надежной компонентой человеческого капитала ученых, и насколько она связана с показателями продуктивности? Эти и другие вопросы будут аналитически рассмотрены на материалах социологического исследования, выполненного кафедрой социологии МГИМО МИД России в 2022 г.¹

Предметное поле исследования мотивации научной деятельности включает в себя: выбор профессии, ценностные ориентации и оценки в отношении текущей деятельности, выбор академической карьеры и карьерные возможности, установки на академическую мобильность и др.

В данном случае предмет исследования ограничивается мотивацией текущей профессиональной деятельности, а именно определением наиболее значимых мотивов и степени их реализации в работе, особенностей их взаимосвязей, раскрытием факторной структуры мотивации, ее взаимосвязи с показателями продуктивности научной деятельности, выявлением наиболее значимых переменных, объясняющих различия в продуктивности.

В центре предметного поля отечественных исследований мотивации научной деятельности во взаимосвязи с ее результативностью по-прежнему находится соотношение роли научного интереса и денежного вознаграждения. К постоянно подтверждаемым результатам исследования как отечественных, так и западных исследователей можно отнести следующие:

1. Материальные мотивы играют второстепенную роль в научной деятельности, ее результативности. Такой вывод делается по результатам «Мониторинга научных кадров высшей квалификации», проводимого Высшей школой экономики с 2010 г. [Шматко, 2011]. Основные побудительные мотивы научно-исследовательской работы – интеллектуальная самореализация, собственный исследовательский интерес, профессиональный рост и карьера [Шматко, Волкова, 2017: 59]. Исследователи, профессионально занимающиеся диагностикой и разработкой систем оплаты труда ученых, признают, что «материальное стимулирование научных сотрудников само по себе не оказывает мотивирующего эффекта на научное творчество, а возможно лишь в сочетании с другими мотивационными факторами, такими как престиж и признание коллег» [Володарская, Киселева, 2012: 156]. Из числа нематериальных мотивов именно познавательные (любопытство, наслаждение познавательными усилиями, потребность в решении проблемы), в целом интерес, не связанный с практической пользой, придают научной деятельности смыслы, «совместно с внутренней и ценностной мотивацией образуют один фактор» [Разина, 2017: 99]. Негативное влияние внешней (инструментальной) мотивации на результаты исследований подчеркивается и в работах западных исследователей [Horodnic, Zait, 2015; Ryan, 2014].

2. Господство нематериальных мотивов в структуре научной деятельности подтверждается и при обращении к молодым ученым. Главными мотивирующими факторами профессиональной деятельности большинства молодых научных сотрудников являются интерес, «желание добиться результата» и «жажда познания», тогда как зарплата мотивирует только треть опрошенных [Душина и др., 2016: 37]. Однако, как справедливо отмечают авторы, в отличие от своих коллег на Западе, молодые российские ученые работают при отсутствии

¹ Использовался метод целевой выборки на основе многоступенчатого стратифицированного отбора с квотированием респондентов по отрасли занятости (социально-гуманитарного и естественно-технического профиля, ученой степени, региональной принадлежности). В выборочную совокупность вошли 551 ученый, в т.ч. доктора (31%) и кандидаты наук (69%), представители социально-гуманитарных (46%) и естественно-технических наук (54%), работающие в Москве и Санкт-Петербурге (50%) и других регионах (50%), занятые в институтах РАН (30%), вузах (51%), сочетающие работу в институтах РАН и вузах (19%), мужчины (60%), женщины (40%). Полевой этап исследования на основе онлайн-опроса выполнен ЦЕССИ, рук. А.В. Андреевкова.

конкуренции, да и уровень зарплат их не столь высок, чтобы стать мотиватором. У исследователей не вызывает сомнения, что они работают ради самореализации, но мешает им это делать низкое финансирование [Долженко и др., 2019: 145]. Другое объяснение ведущей роли нематериальных мотивов связано с тем, что ограничения материального порядка (исначально низкая зарплата) приводят к тому, что среди тех, кто остается в науке, руководствуясь в основном творческой, а не материальной мотивацией, в основном «молодые люди из обеспеченных семей. Талантливая, но бедная молодежь (не имеющая возможности обеспечить семью жилищем и приемлемым доходом) вряд ли придет работать в науку» [Гвоздева, 2010: 40]. Можно утверждать, что ни одно из исследований мотивации научного творчества российских ученых в 2000-е гг. не обнаруживает первостепенной роли денежного стимулирования для продуктивной научной деятельности.

Но что скрывается за ведущей ролью нематериальных факторов, обладают ли они признаками действенной силы или, быть может, это лишь формальные декларации социально одобряемых ответов?

Цель анализа — на основе выявления особенностей связей между мотивацией труда и социально-демографическими характеристиками ученых определить вклад проявлений мотивации и статусных характеристик в объяснение признаков продуктивности научной деятельности.

Исходя из поставленной цели, основная гипотеза исследования состоит в том, что в условиях адаптации российских ученых к наукометрическим показателям оценки их деятельности, определяющий вклад в объяснение признаков продуктивности в научной деятельности (по значениям индекса Хирша в РИНЦ) будут вносить характеристики достигнутых статусных позиций, а не мотивы познания как такового.

Методология исследования. Придерживаясь устоявшегося в психологии понимания мотива как внутреннего побуждения к деятельности, связанного с удовлетворением потребности [Маслоу, 2016], и в социологии – как личностной ценностной диспозиции, требующей учета социальной ситуации и условий деятельности [Ядов, 1979], с опорой на теорию иерархии потребностей А. Маслоу составлен базовый перечень потребностей и проведено их модельное соотнесение с приоритетными мотивами, характерными для ученых (табл. 1).

Таблица 1

Модель связи социальных потребностей с отдельными мотивами научной деятельности

Потребности	Мотивы
Альтруизм	Приносить пользу людям, обществу
Познание и самореализация	Получать новые достоверные данные и информацию Находить решения сложных задач, преодолевать трудности Реализовать себя – свои способности, знания, опыт Иметь независимость, возможность самому определять режим и темп работы, определять профессиональные задачи Получать удовольствие от содержания работы Вносить свой вклад в науку
Признание и уважение	Возможность добиться высокого общественного положения Повышать самоуважение благодаря успешному применению своих способностей
Социальные связи	Работать со своими единомышленниками, принадлежать к научной школе Иметь интересное окружение, круг общения Соревноваться с другими коллегами, конкурировать с ними Участвовать в международном научном сотрудничестве Сочетать разные интересы в жизни, профессиональные и другие
Экзистенциальные	Чувствовать стабильность и уверенность в жизни Иметь достойное материальное вознаграждение

Мы далеки от того, чтобы придерживаться подхода А. Маслоу о последовательности в реализации указанных потребностей. Познавательная увлеченность и самореализация в науке рассматриваются нами как базовые потребности, которые могут «двигать» исследователем вне зависимости от степени реализации других потребностей. Возвышение в предложенной модели альтруизма над всеми другими потребностями объясняется объективной для ученого необходимостью следования ценностям добра, общественной пользы и любви к другим людям, формирующей сверхсознание личности («созидательный альтруизм» в концепции П. Сорокина [2000: 810–813]). Включение мотива общественной пользы в методологию исследования мотивации позволяет выйти за рамки психологического подхода, а его наличие в ядре мотивации может рассматриваться как признак ориентации ученого на просоциальное поведение, как ощущение социальной эффективности научной деятельности вне зависимости от уровня ее востребованности.

Еще одним методологическим положением нашего анализа является выделение ядра и периферии в диспозиционной структуре личности [Ядов, 1979: 188–189]. В соответствии с концепцией В. Ядова, будем относиться к ядру мотивации устойчиво воспроизводимые ценностные ориентации ученых, занимающие верхние позиции в выявляемой структуре мотивации вне зависимости от влияния на них объективных факторов.

Мотивационная структура научной деятельности. Предложение указать наиболее значимые для респондента ценности в научно-исследовательской деятельности² с последующим вопросом об оценке их реализации в работе позволили определить структуру мотивов и уровень их реализации (табл. 2).

Важные для исследователей ценности, обозначенные нами как мотивы познания и самореализации, заняли верхние строчки в выявленной иерархии, но только два из них (получение удовольствия от содержания работы и самостоятельности в определении режима и темпа работы, профессиональных задач) характерны более чем для половины из числа опрошенных.

Как видно из данных таблицы, к легко реализуемым мотивам относятся те, которые, скорее всего, мало зависят от занимаемых статусных позиций, личных результатов в научной деятельности, а в большей мере определяются коллективом, в котором трудится ученый (иметь интересное окружение), или возможностями работы для ее сочетания с внешними по отношению к ней видами деятельности (возможности сочетать разные интересы в жизни), либо те, которые не являются актуальными для российских ученых (соревноваться, конкурировать с другими коллегами). Несложно реализовать мотивы, которые зависят от субъективных индивидуальных самооценок (повышать самоуважение), имеют отвлеченный, абстрактный характер, не сопряженный с оценками со стороны экспертного сообщества (вносить свой вклад в науку).

К дефицитным относятся мотивы, возможность достижения которых затрудняется либо постоянно воспроизводимой, начиная с 1990-х гг., ситуацией безденежья в российской науке (иметь достойное материальное вознаграждение), либо сегодняшней ситуацией (в отношении участия в международном научном сотрудничестве), либо статусными позициями (возможность самому определять режим и темп работы, профессиональные задачи). К ним относятся также прагматические интересы (получать удовольствие от содержания работы).

Чтобы полнее выявить роль объективных факторов в мотивационной структуре, рассмотрим влияние на нее ряда переменных (половой и возрастной принадлежности, стажа работы в науке, регионального местоположения и типа организации, отрасли, ученой степени и научного звания). В качестве тестируемых переменных использовались первые пять

² Для ответа предлагался список из шестнадцати подсказок (предлагалось выбрать не более пяти), а также возможность самостоятельно сформулировать свой ответ. Формулировка вопроса: «Научно-исследовательская деятельность открывает перед человеком разные возможности. Какие из них наиболее значимы для вас лично?»

Таблица 2

Иерархия мотивов научно-исследовательской деятельности и уровень их реализации
(% от числа опрошенных)

Мотивы (ответы на вопрос: «Научно-исследовательская деятельность открывает перед человеком разные возможности. Какие из них наиболее значимы для вас лично?»)	*1. Важно	*2. Могут	*Разница между 2 и 1
Получать удовольствие от содержания работы	69	61	-8
Самостоятельность в работе	60	53	-7
Самореализация	48	46	-2
Вносить свой вклад в науку	36	40	+4
Приносить пользу людям, обществу	31	32	+1
Получать новые достоверные данные и информацию	31	30	-1
Интересное окружение	30	40	+10
Работать со своими единомышленниками	30	31	+1
Достойное материальное вознаграждение	27	19	-8
Находить решения сложных задач	25	28	+3
Участие в международном научном сотрудничестве	23	17	-6
Сочетать разные интересы в жизни	20	25	+5
Повышать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей	10	16	+6
Чувствовать стабильность и уверенность в жизни	10	12	+2
Добиться высокого общественного положения	7	10	+3
Соревноваться с другими коллегами	1	5	+4

Примечание. *Формулировка вопроса: «Какие из этих возможностей вам позволяет реализовать ваша нынешняя работа?»

мотивов научной деятельности, образующие ядро мотивации, т.е. устойчиво воспроизводимые по своей первостепенной значимости во всех указанных выше группах ученых.

Результаты анализа показали, что наиболее дифференцирующими переменными являются принадлежность к отрасли занятости (естественные и технические или гуманитарные и социальные науки), наличие ученой степени (кандидат или доктор наук) и тип организации (работают в институте РАН или в вузе) – табл. 3. В меньшей мере различает ответы пол, не является значимым регион проживания. Молодых ученых (29–39 лет) отличает от старших по возрасту коллег более высокая значимость мотива материального вознаграждения и меньшая – получать достоверные знания. Стаж в науке, в силу высокой корреляции с возрастом (коэф. Пирсона 0,880) отражает те же закономерности.

Ориентация на получение удовольствия от содержания выполняемой работы как модальная в ценностях научной деятельности характерна для всех групп, за исключением работающих в институтах РАН. Для последних более важна самостоятельность в работе. Чаще других говорят о достигнутой возможности получать удовольствие от содержания выполняемой работы доктора гуманитарных и социальных наук, ученые, работающие в вузе. Изначально предполагалось, что все мотивы, связанные с потребностями познания и самореализации, должны гармонично взаимодополнять или хотя бы не противоречить друг другу. Корреляционный анализ взаимосвязи важности мотива получения удовольствия от работы со всеми другими, входящими в указанную группу, подтвердил отсутствие противоречий (отсутствие значимых отрицательных связей), за исключением одного случая. Выявлена устойчивая отрицательная связь между мотивами получения

Таблица 3

Наиболее значимые мотивы научной деятельности для ученых в зависимости от отрасли науки, наличия степени кандидата или доктора наук, типа организации
(% от числа опрошенных)

Важно*	Всего	Отрасль**		Ученая степень		Организация***	
		естеств.	гуманитар.	кандидат	доктор	РАН	вуз
Получать удовольствие от содержания работы	69	64	75	65	78	65	71
Самостоятельность в работе	60	62	57	57	64	72	48
Самореализация	48	43	55	51	43	43	54
Вносить свой вклад в науку	36	39	32	33	42	43	33
Приносить пользу людям, обществу	31	35	26	32	29	31	30
Всего, чел.	551	300	251	378	173	166	281

Примечания. *Формулировку вопроса см. табл. 2; ** естеств. – естественные и технические науки, гуманитар. – гуманитарные и социальные науки; ***Из анализа исключены ученые, работающие как в вузах, так и в институтах РАН.

удовольствия от содержания работы и решения сложных задач (коэф. Пирсона $r = -0,122$)³. Отрицательное значение этой связи увеличивается с возрастом (в группе ученых старше 60 лет $(-0,161)$ и с приобретением докторской степени $(-0,152)$).

По ответам на вопрос о возможности реализации в работе значимых ценностей выявлено, что работа, которая позволяет получать удовольствие от ее содержания, дополняется положительными связями с такими ее сторонами, как возможность добиться высокого общественного положения (0,141), обретения самостоятельности в работе (0,127), повышения самоуважения (0,120). Полученные результаты позволяют предположить, что получение удовольствия от содержания работы как ведущий мотив научной деятельности при его возможной реализации выполняет преимущественно гедонистическую и статусную и в меньшей мере продуктивную функцию.

Второй по значимости мотив научной деятельности – обретение независимости, возможность самому определять режим, темп работы и профессиональные задачи указывает на роль самостоятельности в работе. Наибольшее значение он имеет для ученых из институтов РАН (72% по сравнению с 48% среди работающих в вузах). Они же намного чаще утверждают о наличии самостоятельности в работе (69 и 39%). Максимальный уровень реализации этого мотива замечен при наличии большого стажа работы в науке (более 35 лет – 70%). Наличие самостоятельности в работе дополняется положительными связями с возможностями для получения достоверных знаний и информации (0,126), нахождения решений сложных задач (0,159), участия в международном научном сотрудничестве (0,114), получения достойного материального вознаграждения (0,118). Это позволяет предполагать, что мотив самостоятельности в работе обладает большим потенциалом продуктивности в научной деятельности, чем значимая и реализуемая возможность получать удовольствие от содержания работы (табл. 4).

Заметим, что материальное вознаграждение при его *выборе* как значимой ценности находится в обратной связи с определяющими мотивами из группы познания и самореализации: получать новые достоверные данные и информацию $(-0,162)$, находить решения сложных задач $(-0,132)$. Однако при оценках возможности *реализации* значимых ценностей в работе, помимо уже указанной связи с самостоятельностью в работе, замечены положительные связи между получением достойного материального вознаграждения и возможностью участвовать в международном сотрудничестве, зафиксированы ожидаемые

³ Здесь и далее в скобках указываются значения коэффициентов с уровнем значимости $P \leq 0,01$.

Таблица 4

Особенности взаимосвязей наличия самостоятельности и удовольствия от содержания работы с другими возможностями в научной деятельности
(значения коэф. Пирсона)*

Работа позволяет получать:	Самостоятельность	Удовольствие	Данные	Задачи	Сотрудничество	Самоуважение	Деньги
Самостоятельность в работе	1	0,127	0,126	0,159	0,114	ns.	0,118
Удовольствие от содержания работы		1	ns	ns	ns	0,120	ns.
Новые достоверные данные			1	0,140	0,111	ns	ns
Находить решение сложных задач				1	ns	0,133	ns
Участвовать в международном сотрудничестве					1	0,121	0,139
Повышать самоуважение						1	ns
Достойное материальное вознаграждение							1

Примечание. *Указываются значения коэффициентов связи при $P \leq 0,01$. ns – нет связи.

положительные связи с возможностью добиться высокого общественного положения (0,317), чувствовать стабильность и уверенность в жизни (0,214).

Следует признать, что обращение к концепту ядра мотивации, рассмотрение особенностей парных корреляций между отдельными мотивами не являются надежными аналитическими инструментами диагностики, поскольку косвенно зависят от большинства указанных выше статусных характеристик ученых.

Данный факт привел к необходимости обратиться к основной идее диспозиционной концепции В.А. Ядова: «Реальным поведением субъекта управляют не отдельные ориентации или социальные установки, но вся диспозиционная система в целом» [Ядов, 1979: 160]. В этой связи важно выявлять общую направленность интересов личности, которая может быть охарактеризована «как своеобразная ось системы ценностных ориентаций» [Ядов, 1979: 81].

Преломляя указанную постановку вопроса к выявленной структуре мотивов, важно обратиться не к их иерархии, не к самым главным из них, а к их корреляционным синдромам (факторам), которые позволяют обнаружить латентные переменные, выявить и объяснить их взаимосвязи и связи с другими, актуальными для анализа переменными.

Факторная структура мотивации научной деятельности. Можно утверждать, что факторный анализ мотивов, реализуемых в научной деятельности, позволил обнаружить их естественные сочетания, характерные для современных российских ученых. Всего выявлено шесть факторов, в совокупности объясняющих 51% дисперсии тестируемых 16 переменных (табл. 5).

Первый, более информативный фактор, включающий переменные с наибольшей факторной нагрузкой, – возможность иметь достойное материальное вознаграждение и высокое общественное положение, дополнением к которым является чувство стабильности в жизни, может быть назван фактором консерваторов, поскольку он символизирует ценности стабильности, устойчивого положения и порядка.

Таблица 5

Факторная структура воплощения мотивов в научной деятельности
(метод главных компонент, вращение Varimax, факторные нагрузки)

Работа дает (позволяет)	Факторы и их информационная емкость (%)					
	1 (9,3)	2 (9,3)	3 (8,8)	4 (8,5)	5 (8,4)	6 (7,5)
Самостоятельность					0,741	
Высокое общественное положение	0,707					
Удовольствие от содержания работы					0,469	0,313
Работать со своими единомышленниками				0,696		
Достойное материальное вознаграждение	0,749					
Интересное окружение				0,722		
Получать новые достоверные данные					0,456	
Приносить пользу людям, обществу						0,618
Сочетать разные интересы в жизни		0,390				-0,637
Соревноваться с другими коллегами			0,601			
Международное научное сотрудничество			0,712			
Реализовать себя		0,718				
Вносить свой вклад в науку			0,592			0,425
Повышать самоуважение		0,617				
Чувствовать стабильность и уверенность в жизни	0,453	0,321				
Находить решения сложных задач		0,362			0,517	

Примечание. Факторный анализ был проведен по методу главных компонент с вращением Varimax для облегчения интерпретации полученных факторов. С этой же целью сохранялись факторы с нагрузкой более 0,3.

Второй, равный первому по информационной емкости фактор, образуемый на основе связей возможностей для реализации в работе знаний, опыта, способностей и повышения на этой основе самоуважения, назван фактором *самореализаторов*.

Название третьего фактора – «*международники*» – определяется возможностями, благодаря работе, участвовать в международном научном сотрудничестве вкпе с необходимой для этого конкуренцией со своим коллегами. Предполагается, что конкуренция с коллегами – в целом малозначимый мотив в научной деятельности российских ученых – становится актуальной при необходимости получать возможности для поездки на международные конференции, участия в совместных с иностранными учеными проектах, получения грантов и т.п.

Четвертый фактор, образованный на основе сильных связей между возможностью работать в интересном окружении и быть единой командой единомышленников, получил название фактора *коллективистов*.

Ведущая роль мотивов познания в научной деятельности как отражение признаков классического ученого нашла воплощение в пятом факторе, включившем в себя возможности для самостоятельной работы во взаимосвязи с ориентацией на решение сложных задач, преодоление возникающих при этом трудностей. Главный мотив в выявленной иерархии – возможность получать удовольствие от содержания работы – занимает здесь подчиненное положение. Он является скорее следствием первых двух, чем их причиной. Выявленное сочетание переменных позволило назвать их фактором *познающих*.

Наконец, шестой фактор, аутсайдер по информационной емкости для объяснения разброса значений тестируемых переменных, назван фактором *альтруистов*. Сочетание в нем двух главных компонент: возможности приносить пользу людям, обществу и тем самым вносить свой вклад в науку, которые в то же время находятся в обратной связи

с ценностью сочетания разных жизненных интересов (максимально отдаленной от концентрации на науке), воплощает главное кредо ученого – быть полезным для других.

Валидизация выявленных факторов позволила раскрыть их отличительные и совместимые признаки на основе обнаруженных связей с другими переменными⁴.

В дополнительном анализе было важно выявить факторы, обладающие наибольшим объяснительным потенциалом (по числу и содержанию выявленных связей с другими переменными). К таковым отнесены факторы «познающих» и «международников». Наименьший объяснительный потенциал – у фактора «альтруистов» в науке. Фактор «консерваторов», в котором мотив достойного материального вознаграждения получил реальное воплощение в более высоком размере получаемого дохода, в большей мере характерен для позиции рационально действующего ученого, «подминающего науку под свои прагматические интересы», в нем нет ни одной значимой связи с группой мотивов, связанных с познанием. Фактор «самореализаторов» преимущественно отражает позицию ученого-«одиночки», ориентированного на использование посредством науки своих способностей, знаний и опыта. Напротив, фактор «коллективистов» указывает на роль ценностей человеческого общения и связей в организации как самозначимых, символизирует позицию ученых, «проживающих» в науке, как в комфортной среде. Важно, что мотив альтруизма образует самостоятельный фактор. Отсутствие каких-либо значимых связей с тестируемым набором переменных, за исключением одной – получать удовольствие от самого занятия наукой, может указывать на плохо рефлекслируемое качество данного фактора, латентно «погруженное» в саму научную деятельность и не выводимое на «поверхность».

Только фактор «познающих» имеет отличающие его признаки более высокой продуктивности по показателям активности участия в коллективных исследовательских проектах за последние пять лет, большего значения индекса Хирша и более позитивного отношения к его внедрению. Однако, как выяснилось, этот фактор опосредован такими статусными и гендерными характеристиками, как занятость в институтах РАН по естественным и точным наукам, большей предостательностью мужчин, более высоким научным стажем. Поэтому следует весьма осторожно говорить о его самостоятельной роли.

Таким образом, сами по себе отдельные мотивы или их корреляционные синдромы (факторы) не являются самостоятельными триггерами роста продуктивности. В этой связи актуален анализ проявлений и факторов продуктивности ученых.

Факторы и предикторы продуктивности в научной деятельности. В соответствии с данным выше определением, в качестве основных показателей продуктивности рассматривались количество опубликованных научных работ за последние два года и индекс Хирша в eLibrary РИНЦ⁵.

Индекс цитируемости Хирша прочно вошел в научную жизнь российских ученых. Абсолютное большинство (84%) знают свой индекс, из них почти две трети знают индекс некоторого числа своих коллег, а 16% – многих или почти всех. Однако только 17% ученых относятся к нему позитивно, 40% оценили его негативно, остальные – нейтрально. К числу его наиболее явных недостатков большинство (51%) относят то, что он вытесняет роль экспертных оценок, еще 37% считают, что он во многом зависит от известности и общительности автора, 25% – что он учитывает ссылки, где статьи автора подвергаются критике и полученные результаты считаются недостоверными. К главным достоинствам индекса Хирша относят то, что его величина свидетельствует об интересе коллег к исследованиям

⁴ Процедура валидизации выявленных факторов состояла из предварительного ранжирования факторных переменных с использованием дробного ранга (%), с последующим их разбиением на четыре квартиля. В последующем анализе использовался четвертый квартиль, концентрирующий максимальные значения факторов. При анализе связей между переменными сравнивались значения четвертого квартиля каждого из выявленных факторов с общевыборочными данными.

⁵ Формулировки вопросов: 1. Сколько примерно статей, тезисов, других научных работ вы опубликовали за последние 2 года? 2. Каков сейчас ваш индекс цитируемости Хирша в eLibrary РИНЦ?

Таблица 6

Взаимосвязь текущей публикационной активности и значений индекса Хирша (%)

Количество статей, тезисов, других научных работ, опубликованных за последние 2 года	В целом	Группы по индексу Хирша			
		до 5	6–10	11–15	16 и более
2–3	10	19	9	5	2
4–5	17	27	19	8	7
6–10	25	26	30	25	15
Более 10	48	28	42	62	76
Количество ответивших	465	141	159	79	86

автора (36%), а также, что он прост в вычислении (28%), указывает на актуальность публикуемой научной информации (26%).

Показатели индекса цитируемости и текущей публикационной активности находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. У тех, кто имеет более высокий индекс цитируемости, выше и публикационная активность (табл. 6).

Однако эти показатели радикально различаются по связям с другими переменными объективного и субъективного характера. Если публикационная активность за последние два года никак не связана с абсолютным большинством объективных характеристик, за исключением научного звания и ученой степени (у профессоров и докторов наук она существенно выше, чем у доцентов и кандидатов), то индекс Хирша, как показатель наработанного за многие годы капитала ученого, связан почти со всеми учитываемыми в анализе объективными переменными и рядом субъективных, связанных с мотивацией (оценками возможностей работы для получения достойного материального вознаграждения, самостоятельности в работе). Его дифференцирующая роль, с учетом того, что распределение значений индекса Хирша близко к нормальному, выявлена на основе метода однофакторного дисперсионного анализа и его ведущей статистики F-Фишера⁶ (рис.).

Наиболее дифференцирующим фактором значений индекса Хирша является ученая степень. При его среднем значении по выборке в 10,1, у докторов наук он равен 15,3, а у кандидатов наук – 7,7. Высока дифференцирующая роль научного звания: у профессоров – 16,9, у доцентов – 8,2. Минимально значимые различия дает региональная принадлежность: у работающих в Москве и Санкт-Петербурге – 11,2, у объединенной группы ученых других регионов – 9,2.

В целях выявления вклада основных переменных в объяснение дисперсии значений индекса Хирша проведен множественный линейный пошаговый регрессионный анализ с использованием фиктивных переменных. Для этого был создан ряд дихотомических переменных, по которым референтные значения предписывались тем группам респондентов, у которых значение индекса Хирша было выше среднего значения по выборке⁷. В качестве переменной отбора использовался возраст, прежде всего для того, чтобы увидеть

⁶ F–статистика Фишера, используемая в однофакторном дисперсионном анализе, служит для проверки нулевой гипотезы о равенстве средних. Как правило, при $F \geq 4,0$ нулевая гипотеза может быть опровергнута.

⁷ Учитывая, что у докторов наук среднее значение индекса Хирша существенно выше, чем у кандидатов, код 1 присваивался докторам наук, 0 – кандидатам. По этому же принципу: 1 – профессорам, 0 – доцентам, либо не имеющим научного звания; 1 – с научным стажем 25 лет и выше, 0 – до 25 лет; 1 – с доходом свыше 80 тыс. руб., 0 – до 80 тыс. руб.; 1 – мужчинам, 0 – женщинам; 1 – работающим в отраслях естественных, точных и технических наук, 0 – гуманитарных и социальных; 1 – работающим в институтах РАН, 0 – в вузе; 1 – работающим в Москве и Санкт-Петербурге, 0 – в других регионах; 1 – указавшим на возможность получать на работе достойное материальное вознаграждение, 0 – не указавшим; 1 – указавшим на возможность самостоятельной работы, 0 – не указавшим.

Рис. Факторы дифференциации значений индекса Хирша

набор предикторов у молодых ученых, выявить особенности их изменений / постоянства у представителей среднего и старшего поколения ученых (табл. 7).

Результат по всей выборке не оказался неожиданным, он лишь уточнил и усилил роль отдельных переменных, которые и в предыдущем анализе показывали свой высокий дифференцирующий и объяснительный потенциал. Ученая степень доктора наук, научное звание профессора, занятость в институтах РАН и, как следствие, более высокий доход – набор этих переменных символизирует сформулированный Р. Мертоном эффект Матфея

Таблица 7

Предикторы значений индекса Хирша, стандартизированные коэффициенты Бетта

Модели	В целом	Группы по возрасту (лет)			
		29–39	40–49	50–59	60–89
Наличие ученой степени доктора наук	0,223	ns	ns	0,438	ns
Наличие научного звания профессора (члена-корреспондента, академика) РАН	0,264	ns	0,524	ns	0,380
Научный стаж 25 лет и выше	ns	ns	ns	ns	ns
Доход свыше 80 тыс. руб.	0,180	0,455	ns	ns	ns
Мужской пол	ns	ns	ns	ns	ns
Занятость в отраслях естественных, точных и технических наук	ns	ns	ns	ns	ns
Занятость в институтах РАН	0,204	0,347	0,304	ns	0,276
Работающие в Москве и Санкт-Петербурге	ns	ns	ns	ns	ns
Работа позволяет получать достойное материальное вознаграждение	ns	ns	ns	ns	ns
Работа позволяет быть самостоятельным	ns	ns	ns	ns	ns
Совокупный R-квадрат, %	28	28	29	19	23
Количество валидных ответов	361	79	91	80	109

Примечание. ns – отсутствие статистически значимых значений коэффициентов. Все остальные значимы на уровне $p \leq 0,001$.

в науке [Merton, 1968], проявления которого фиксируются в возрастных группах ученых старше 40 лет. Другое дело – группа молодых ученых, у которой определяющими предикторами более высокого индекса цитирования являются доход выше медианного значения и занятость в институтах РАН. При более детальном анализе группы молодых ученых, занятых в институтах РАН, выяснилось, что три четверти из них работают в отраслях естественных, технических и точных наук, столько же – мужчины. Отличительными чертами их мотивации к научно-исследовательской деятельности, в сравнении с ровесниками, работающими в вузе, оказались большая значимость самостоятельности в работе (71 и 53%) и то, что выполняемая работа представляет возможности таковой (79 и 46%), реализация возможностей получать новые достоверные данные и информацию (40 и 17%), вносить свой вклад в науку (55 и 29%).

Заключение. Решение проблемы продуктивности научной деятельности посредством сведения ее результатов к количеству публикаций в рейтинговых журналах не вызывает одобрения в экспертной среде научного сообщества. Ученый, чтобы доказать свою научную состоятельность, должен «штамповать» статьи [Черныш, 2023: 16]. Журналы, разрабатывая стандарты по структуре статьи, устанавливают примат формы над содержанием, превращают любую статью в квалификационную работу [Шупер, 2022: 179]. По мнению экспертов, многочисленные наукометрические показатели «успешной» научной работы превращают творческий исследовательский процесс в операционный вид интеллектуальной деятельности [Ракин, 2022: 14], за которым теряются из виду признаки подлинного научного поиска и значимого для науки и общества результата.

Вместе с тем не вызывает сомнения, что индекс Хирша, наиболее явное воплощение наукометрического подхода, из внедренной сверху организационной инновации вошел в традиционные практики оценок продуктивности научной деятельности российских ученых.

В проведенном анализе была сделана попытка подойти к проблеме продуктивности через выявление мотивов научной деятельности, тех возможностей, которые дает выполняемая работа и их соотношение. На основе корреляционного анализа структуры мотивации было показано, что из двух главных мотивов, характерных для большинства ученых, значимым потенциалом продуктивности в научной деятельности обладает мотив самостоятельности в работе, в меньшей степени – возможность получать удовольствие от содержания работы.

По результатам факторного анализа воплощения мотивов в работе было выявлено, что из шести обнаруженных факторов только фактор «познающих», включивший в себя возможности для самостоятельной работы во взаимосвязи с ориентацией на решение сложных задач, преодоление возникающих при этом трудностей, имеет отличающие его признаки более высокой продуктивности.

Однофакторный дисперсионный анализ значений индекса Хирша подтвердил, что наибольшим дифференцирующим потенциалом обладают достигнутые статусные позиции ученого: ученая степень и научное звание. Наконец, регрессионные модели, построенные на основе множественного линейного пошагового регрессионного анализа с использованием фиктивных переменных, позволили выявить конкретный вклад основных переменных в объяснение дисперсии значений индекса Хирша. Как и предполагалось, ученая степень доктора наук, научное звание профессора, занятость в институтах РАН и, как следствие, более высокий доход – ведущие предикторы высоких значений индекса Хирша.

Таким образом, гипотеза об определяющей роли достигнутых статусных позиций в объяснении признаков наличия или отсутствия продуктивности в научной деятельности в зависимости от мотивации познания и самореализации может считаться подтвержденной.

Анализ структуры и содержания мотивации научной деятельности позволяет ответить на три поставленных исследовательских вопроса:

1. Ученые с различным индексом Хирша имеют схожую структуру мотивацию. Однако различные значения индекса Хирша сами по себе не являются факторами изменений

в структуре и содержании мотивации труда, а являются производными от профессионального статуса ученого (его ученой степени и научного звания), а также типа организации и отрасли занятости.

2. Кризиса мотивации в научной деятельности не произошло и не произойдет до тех пор, пока мотивы познания и самореализации не будут «вымыты» из ценностного ядра мотивов труда и возможностей их воплощения в повседневной профессиональной деятельности, пока будет наблюдаться пусть и слабая связь мотивов познания с показателями продуктивности.

3. Несомненно, что профессиональная группа ученых по числу лет, потраченных на образование, возможности профессии для реализации своих способностей представляет собой категорию людей с наивысшим уровнем развития человеческого капитала. Но только при явном доминировании нематериальных мотивов над материальными их мотивация имеет шанс оставаться надежной компонентой человеческого капитала, что и показало настоящее исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердян А.Г. Кадровый взлет и спад в послевоенный период советской науки (на примере физико-математических наук, 1950–1980-е гг.) // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 4. С. 61–70.
- Бердашкевич А.П. Российская наука: состояние и перспективы // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 118–125.
- Володарская Е.А., Киселева В.В. Оплата труда ученых и мотивация научной деятельности // Мотивация и оплата труда. 2012. № 2. С. 154–167.
- Гвоздева Г.П. Работа в науке: чем она привлекает молодежь? // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 24–41.
- Долженко Р.А., Карпилянский В.А., Хади Р.А., Диденко А.С. Мотивация молодых ученых к научно-исследовательской деятельности в российских региональных вузах // Образование и наука. 2019. № 9. С. 122–153.
- Душина С.А., Николаенко Г.А., Евсикова Е.В. Время работать в России? Молодые ученые в условиях институциональных изменений // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 3. С. 28–50.
- Зезина М.Р. Материальное стимулирование научного труда в СССР (1945–1985) // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 1. С. 20–27.
- Левинсон К.А. Рабочее время советских ученых послевоенного периода // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2019. Вып. 52. С. 75–110. DOI: 10.15382/sturlV201952.75–110.
- Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е издание. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2016.
- Разина Т.В. Познавательная мотивация в структуре мотивации научной деятельности // Психология обучения. 2017. № 9. С. 95–106.
- Ракин В.И. Открытая наука в России или принуждение к научному творчеству // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 4. С. 13–24. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.4.1; EDN: RSYNGW.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., коммент. и ст. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000.
- Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности. Сб. науч. трудов / Под ред. В.А. Ядова, Д.Д. Райковой. М.: Наука, 1990.
- Татаринов Ю.Б. Проблемы оценки эффективности фундаментальных исследований: логико-методологические аспекты / Отв. ред. В.А. Жамин; АН СССР, ИИЕТ. М.: Наука, 1986.
- Черныш М.Ф. Как быть в текущей ситуации? // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 2. С. 12–18. DOI: 10.19181/sntp.2023.5.2.1; EDN: GAYISH.
- Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых // Форсайт. 2017. № 2. С. 54–66.
- Шматко Н.А. Научный капитал как драйвер социальной мобильности ученых // Форсайт. 2011. Т. 5. № 3. С. 18–32.
- Шупер В.А. Научное сообщество между растерянностью и реакционностью // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 171–188. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.12; EDN: JELRYK
- Ядов В.А. (ред.) Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 1979.

- Horodnic I.A, Zait A. Motivation and research productivity in a university system undergoing transition // *Research Evaluation*. 2015. Vol. 24. Iss. 3. P. 282–292. DOI: 10.1093/reseval/rvv010.
- Merton R. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968. Vol. 5. No. 159. P. 56–63.
- Ryan J.C. The work motivation of research scientists and its effect on research performance // *R&D Management*. 2014. Vol. 44. Iss. 4. P. 355–369. DOI: 10.1111/radm.12063.

Статья поступила: 01.11.23. Финальный вариант: 22.01.24. Принята к публикации: 11.03.24.

RUSSIAN SCIENTISTS' MOTIVATION AND RESEARCH PERFORMANCE ISSUE

TEMNITSKIY A.L.

MGIMO University, Russia

Alexander L. TEMNITSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., the Sociological Department of the MGIMO University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (taleksandr@list.ru).

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

Abstract. The paper deals with the problem of uncovering the motivation structure of Russian scientists' research, assessing the role learning and self-fulfillment motives play in it and the way those motives are connected to their performance indicators. In order to do that, we propose a model of connection between needs and priority motives characteristic for scientists, uncover a hierarchy of research motives and the level of their fulfillment on the job, define a motivational core and explain its factor structure. We used data from an online survey of Russian scientists ($N = 551$) taken in the second half of 2022 as a database for our study. We have discovered two main motives for doing research: pleasure gained from one's work and work independence. They are typical for more than a half of scientists. We found that the work independence motive had a substantial impact on performance. We estimated that out of independent variables used for the analysis, the variations in the academic degree, research field and organization type where scientists were employed had the most differentiating effect on the motivation structure. The factor analysis of motives manifesting in research enabled us to find a single factor propped up by learning values *per se*, unrelated to tangible, pragmatic or prestige concerns. Links to that factor yielded characteristics typical for increased productivity. Our conclusion is that motivation has a chance to remain a reliable element of scientific human capital only when intangible motives clearly dominate tangible ones.

Keywords: motivation structure, research performance, motivation core, factor analysis, regression analysis, Hirsh Index, Russian scientists.

REFERENCES

- Allahverdyan A.G. (2014) Personnel rise and decline in the post-war period of Soviet science (on the example of physical and mathematical sciences, 1950–1980s). *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of science and technology]. Vol. 5. No. 4: 61–70. (In Russ.)
- Berdashkevich A.P. (2000) Russian science: state and prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 118–125. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2023) How To Be in the Current Situation? *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice]. Vol. 5. No. 2: 12–18. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.1. (In Russ.)
- Dolzhenko R. A., Karpilyansky, V. A., Khadi, R. A., Didenko, A. (2019). Motivation of young scientists for research activities in Russian regional universities. *Obrazovaniye i nauka* [Education and science]. No. 9: 122–153. (In Russ.)
- Dushina S.A., Nikolaenko G.A., Evsikova E.V. (2016). Time to work in Russia? Young scientists in the context of institutional changes *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of science and technology]. Vol. 7. No. 3: 28–50. (In Russ.)
- Gvozdeva G.P. (2010) Work in science: is the youth interested? *Vestnik NGU. Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki* [Bulletin of NSU. Ser.: Socio-economic sciences]. 2010. Vol. 10. Iss. 2: 24–41. (In Russ.)
- Horodnic I.A, Zait A. (2015) Motivation and research productivity in a university system undergoing transition. *Research Evaluation*. Vol. 24. Iss. 3: 282–292. DOI: 10.1093/reseval/rvv010.

- Levinson K.A. (2019) Working hours of Soviet scientists of the post-war period *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of PSTGU. Ser. IV: Pedagogy. Psychology]. Vol. 52: 75–110. DOI: 10.15382/sturlV201952.75-110. (In Russ.)
- Maslou A. (2016) *Motivation and personality*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Merton R. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*. Vol. 5. No. 159: 56–63.
- Rakin V.I. (2022) Open Science in Russia or the Enforcement of Scientific Creativity. *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice]. Vol. 4. No. 4: 13–24. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.4.1. (In Russ.)
- Razina T.V. (2017) Cognitive motivation in the structure of motivation for scientific activity *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of learning]. No. 9: 95–106. (In Russ.)
- Ryan J.C. (2014) The work motivation of research scientists and its effect on research performance. *R&D Management*. Vol. 44. Iss. 4: 355–369. DOI: 10.1111/radm.12063.
- Shmatko N., Volkova G. (2017) Service or Devotion? Motivation Patterns of Russian Researchers. *Forsayt* [Foresight]. Vol. 11. No 2: 54–66. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66. (In Russ.)
- Shmatko N.A. (2011) Scientific capital as a driver of social mobility of scientists. *Forsayt* [Foresight]. Vol. 5. No. 3: 18–32. (In Russ.)
- Shuper, V.A. (2022) The Scientific Community between Confusion and Reactionarity. *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice]. Vol. 4, No. 3: 171–188. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.12. (In Russ.)
- Social problems and factors of intensification of scientific activity*. (1990) Ed. V.A. Yadov, D.D. Raikova. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2000) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. St. Petersburg: RKhGI. (In Russ.)
- Tatarinov Yu.B. (1986) *Problems of assessing the effectiveness of fundamental research: logical and methodological aspects*. Ed. V.A. Zhamin. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Volodarskaya E.A., Kiseleva V.V. (2012) Remuneration of scientists and motivation of scientific activity. *Motivatsiya i oplata truda* [Motivation and remuneration of labor]. No. 2: 154–167. (In Russ.)
- Yadov V.A. (ed.) (1979) *Self-regulation and prediction of social behavior of the individual*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Zeina M.R. (1997) Material incentives for scientific work in the USSR (1945–1985) *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 67. No.1: 20–27. (In Russ.)

Received: 01.11.23. Final version: 22.01.24. Accepted: 25.03.24.

А.Ю. ЧЕПУРЕНКО, М.В. ЧЕРНЫШЕВА

РЫНОК АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В РОССИИ (по данным экспертного опроса)

ЧЕПУРЕНКО Александр Юльевич – доктор экономических наук, профессор (achepurenko@hse.ru);
ЧЕРНЫШЕВА Марина Вячеславовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель
(mchernysheva@hse.ru). Оба – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. В России существует неформальный рынок, на котором осуществляется купля-продажа академических текстов – от студенческих квалификационных работ до научных статей и диссертаций. Хотя его существование противоречит формальным нормам и ценностям научного сообщества, он устойчиво функционирует. Авторы анализируют сложившиеся практики написания на заказ академических текстов (с акцентом на изучение социального поведения исполнителей заказов) как часть специфического организационного поля, своеобразного рынка. Исследование основано на полуструктурированных интервью с шестью так называемыми скрипторами (или гострайтерами – «писателями-призраками») и с четырьмя экспертами, представляющими НКО в сфере науки и высшего образования. Деструктивное предпринимательство в сфере высшего образования и науки характеризуется как сложная система, акторами которой выступают не только неформально «самозанятые» скрипторы, но и формальные организации, обеспечивающие контакт между заказчиками и исполнителями академических работ. Устойчивость рынка квазинаучных текстов в России связана на макроуровне с высоким спросом на высшее образование и на научную степень как на статусный атрибут, а также с существенным предложением со стороны научно-педагогических работников, компенсирующих неформальным деструктивным предпринимательством ограниченность возможностей для легального академического предпринимательства. На мезоуровне институциональными условиями являются ригидность российских вузов, продолжающих оставаться сугубо учебными заведениями, где легальное академическое предпринимательство инновационного типа может развиваться лишь в ограниченном масштабе, и низкие заработные платы научно-педагогических работников. На микроуровне стимулом стала попытка насаждения публикационной активности как главного критерия академической успешности в условиях, когда значительная часть работников вузов воспринимают себя как преподавателей, а не исследователей, и не стремятся (или не имеют возможности) изменить такое положение.

Ключевые слова: рынок академических текстов • научные институции • система высшего образования • неформальная экономическая деятельность • деструктивное предпринимательство • Россия

DOI: 10.31857/S0132162524030047

В последние десятилетия активно обсуждается необходимость развивать в современных университетах академическое предпринимательство как способ повысить доходы научно-педагогических работников (НПР). Однако при этом не всегда учитывается широкое развитие среди российских НПР теневого «повседневного предпринимательства», связанного с написанием академических текстов на заказ и с оказанием сопутствующих платных услуг. Хотя его размеры в связи с цифровизацией стремительно в последние годы выросли, изучение подобных теневых практик затруднено тем, что «рынок теневого академического предпринимательства является закрытым, очень законспирированным, жестким, высококонкурентным» [Юрасов и др., 2021].

Статья подготовлена в рамках гранта Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, предоставленного для поддержки проекта «Стратегии адаптации российских малых предпринимателей к шоковым изменениям в экономике и обществе» (2023).

Не следует думать, будто это встречается только в постсоциалистических странах. Социальное явление систематического написания академических текстов за деньги получило широкое отражение и в зарубежной литературе. Оно рассматривается в основном как нарушение академической этики со стороны как заказчиков, так и исполнителей – скрипторов, как обозначают их часто в российской литературе, или гострайтеров, согласно англоязычному обозначению такой деятельности (см., напр., [Knapp, Hulbert, 2017; Henning et al., 2019; Svirina, Anand, 2022; Padillah, 2023]). В российской научной литературе эта тема была впервые поднята Е. Балацким [2008], который сформулировал понятие «диссертационной ловушки» как одного из видов институциональных ловушек, куда может попадать общество, находящееся в состоянии системного перехода. Г. Горланов [2013] указал на причины возникновения и воспроизводства рынка соответствующих услуг, связанные с «люмпенизацией» научного сообщества и с наличием слоя состоятельных заказчиков (политиков, бизнесменов и государственных служащих), стремящихся таким образом «купить» повышение своего социального статуса. Детальный анализ практик заказного написания академических текстов выполнен в ряде работ Т. Калимуллина [2005; 2011; 2013]. Важным вкладом стало рассмотрение того, как развитие современных электронных коммуникаций повлияло на широкое распространение информации о платных услугах по написанию диссертаций, а также на принятие решений акторами этого рынка [Брумштейн, Снежинская, 2018]. Практически все указанные работы посвящены написанию диссертаций, хотя в изучаемом виде теневой деятельности существуют и другие сектора: наряду с сегментом студенческих работ и диссертаций в нем есть, например, сегмент купли-продажи статей для публикации в рейтингуемых журналах.

Методика и ограничения исследования. Ранее уже был дан подробный анализ, как работают российские скрипторы, на регулярной основе занимающиеся написанием академических текстов на заказ [Давыдов, Абрамов, 2021]. Авторы хотели бы рассмотреть данное явление под другим углом зрения – как тип «деструктивного предпринимательства» [Baumol, 1990], вокруг которого сформировался своего рода рынок. Речь идет об интерпретации деятельности «писателей-призраков» как способности находить новые пути увеличения их личного благосостояния, которые, однако, не увеличивают благосостояние общества, а снижают его.

Основные исследовательские вопросы были следующими: (1) какие институциональные предпосылки способствуют развитию рынка услуг по купле-продаже академических текстов, (2) каковы сегменты этого рынка и основные типы его участников. При этом авторами предпринята попытка трактовать наличие данного рынка не столько как проявления системной аномии, сколько как формы реализации предпринимательской активности в специфическом контексте, сложившемся в России [Welter, 2011; Zahra et al., 2014]. Такими контекстами для данного рынка выступают, с одной стороны, российская система учреждений высшего образования и науки с присущими ей институциональными особенностями, а с другой – сложившаяся в России специфическая модель рыночной экономики.

Для сбора информации авторами в 2022–2023 гг. проводилось интервьюирование двух разных групп экспертов: непосредственных участников изучаемого неформального рынка (инсайдеров) и лиц, обладающих экспертными знаниями в изучаемых вопросах, но лично не занимающихся написанием/продажей заказных текстов (аутсайдеров). Первоначально ожидалось, учитывая резонанс темы¹, что она не будет представляться

¹ Например, в профильных сообществах в социальных сетях активно обсуждался скандал, возникший в связи с подачей в суд жалобы от соискательницы докторской степени в области медицинских наук за то, что ответчица, подрядившись выполнить заказ на написание докторской диссертации, исполнила его недолжным образом (см., напр.: Котляр П. «Спрос выше, халтуры больше». Как уролог из «МЕДСИ» заказала докторскую диссертацию и засудила исполнителя. Уролог из Москвы отсудила компенсацию за некачественный «макет диссертации» // RTVI. 20.11.2023. URL: <https://rtvi.com/news/spros-vyshe-haltury-bolshe-kak-moskovskij-urolog-zakazala-doktorskuyu-dissertaciyu-i-zasudila-ispolnitelya/>).

Таблица 1

Основные характеристики экспертов

Шифр	Характеристики
<i>Академические эксперты (аутсайдеры)</i>	
№ 1	Опыт работы в редакциях ряда журналов РАН и участия в общественных инициативах в академической среде
№ 2	Сотрудник института РАН в Москве, специалист в области науковедения
№ 3	Собственный опыт скриптуры, в последнее время отошел от этой деятельности, участвует в деятельности НКО
№ 4	Участница общественного проекта по борьбе с академической нечестностью
<i>Эксперты-скрипторы (инсайдеры)</i>	
№ 1	Выпускница вуза, с первого курса занималась написанием эссе/рефератов для студентов своего университета
№ 2	Выпускница вуза, с первого курса писала работы для студентов своего университета; был опыт написания дипломов, глав диссертаций, авторефератов и статей на заказ
№ 3	Главный научный сотрудник статистического центра в университете, преподаватель, писала как главы диссертации, так и работы «под ключ»
№ 4	Врач с большим опытом научной работы, делает и описывает статистические расчеты для кандидатских и докторских диссертаций
№ 5	Консультант, имеет опыт написания на заказ кандидатской диссертации
№ 6	Доцент вуза, до этого 12 лет занимался скриптурой в качестве основной занятости

посредникам и самим гострайтерам/скрипторам табуированной, однако авторы столкнулись с большими трудностями. В итоге удалось взять полуструктурированные интервью² у шести скрипторов и четырех экспертов из различных НКО, которые в силу специфики своей деятельности хорошо представляют себе масштабы и структуру организационного поля купли-продажи текстов вокруг вузов (причем один из экспертов ранее имел опыт скриптуры). Экспертами стали пять мужчин и пять женщин в возрасте 35–50 лет с высшим образованием, из них четверо с кандидатской степенью и один с докторской (табл. 1). Скрипторы представляли разные регионы, все эксперты – столичные жители.

Ограничениями исследования являются малый охват целевой группы (в связи с чем существует вероятность того, что не было достигнуто максимальное насыщение при формировании выборки), который во многом объясняется сензитивностью темы. Даже скрипторы, которые занимаются этой деятельностью на регулярной основе, отказывались отвечать на вопросы, не говоря уже о заказчиках. Со стороны ряда вузовских преподавателей, к которым авторы обращались как к посредникам с просьбой вывести на заказчиков академических текстов, высказывались сетования (возможно, не всегда искренние) на то, что они с проблемой «не знакомы». Что касается институциональных посредников, то, например, редактор одного журнала и заместитель председателя диссертационного совета, судя по всему, хорошо знакомые с практиками «академического продвижения», косвенно это признав, разговаривать отказались наотрез. С учетом ограниченности выборки экспертов выводы данной статьи следует рассматривать как предварительные, а сам проект – как пилотный.

Как скрипторы ищут заказы. Рынок заказных академических работ сегментирован по типам работ и заказчиков. В разных сегментах действуют существенно разные «правила игры»: в одних они наиболее близки к «классически»-рыночным, в других они ближе к более примитивным отношениям обмена. Главное отличие этой теневой купли-продажи от обычного рынка связано с тем, что прямые контакты потенциального покупателя

² Далее в тексте статьи приведены цитаты из интервью, которые подвергались стилистическому редактированию без изменения смыслов.

(заказчика) и потенциального продавца (скриптора) очень затруднены, из-за чего велики транзакционные издержки (поиска информации, переговоров и т.д.).

При написании студенческих эссе и рефератов устойчивый поток клиентов достигается через поиск скрипторами информации в социальных сетях студентов: «Я стал осваивать социальные сети: ...подписался на крупные паблики, на студенческие паблики, каким-то образом мне получалось проникнуть в сети первокурсников... это и было ключевым фактором успеха в то время» (инсайдер № 6). Поиск заказов от студентов осуществляется также на анонимных биржах и агрегаторах, что может, однако, привести к непредвиденным последствиям: «У меня была подруга, которая училась в другом университете. Ее одноклассник решил писать работы [на заказ. – Прим. авт.] и в какой-то момент подумал: а что, если найти на агрегаторе человека, который бы писал работы за маленькую стоимость, и продавать их за высокую. Он нашел там своего преподавателя. Закончилось все тем, что он покупал у преподавателя дешево, продавал своим одноклассникам дороже, а они шли сдавать тому же преподавателю. В какой-то момент это все раскрылось. А никого не накажешь. [...] Преподаватель продолжил писать, но стал внимательнее смотреть, кто у него покупает» (инсайдер № 1). Сотрудники вузов могут писать работы для своих студентов, принуждая их заказывать им такие работы за плату, но в крупных вузах такие практики не являются распространенными: «Существуют коррупционные расследования, правоохранительные органы легко это переквалифицируют как взятку, злоупотребление должностным положением» (инсайдер № 6).

Заказы на более сложные тексты скрипторы получают обычно через неформальные сети знакомых. Часть скрипторов пробовали найти заказы на формальных ресурсах в Интернете, но сталкивались там с высокими требованиями к тексту, с жесткими сроками, с постоянным контролем со стороны посредников: «Я была на третьем курсе, когда там [на сайте фрилансеров. – Прим. авт.] нашла мальчика, которому нужна была первая глава диссертации по психологии. Я взялась, не совсем понимая, во что ввязываюсь. Подумала, ну обзор литературы, только большой. Но ...пришлось сделать обзор 100 статей, причем очень подробно читать эти статьи на английском, чтобы понять, какие там эксперименты были сделаны. Я сделала [главу] в конце концов, ...но после этого я не стала так больше делать, лучше я [найду заказчика] по знакомым» (инсайдер № 2).

Более формальные источники поиска исполнителей не очень востребованы и самими заказчиками. Обращение на сайты, предлагающие написание работ на заказ, может привести к получению некачественной работы с низким уровнем оригинальности текста, так что предпочтительным исполнителем становится скриптор, имеющий хорошие рекомендации от личных знакомых: «Я постоянно слышала, что кто-то покупает работы, ищет авторов на агрегатах и очень этому недоволен. Мой друг, по этой причине его отчислили, сдал [купленную. – Прим. авт.] курсовую работу, а процент оригинальности оказался низкий, лишь 8%» (инсайдер № 1).

Существуют разные критерии выбора типа работ, которые скрипторы готовы выполнять. Кто-то исходит в первую очередь из самооценки уровня своих знаний и умений: «Философия для студентов рекламы – о'кей, но философия для философов – нет. Это связано с моей уверенностью в моих знаниях и возможностях» (инсайдер № 1). Более уверенные в своих силах скрипторы берутся и за работы, тематика которых для них не близка, если умеют быстро адаптировать свои профессиональные знания и умения под необходимую задачу: «Первый заказ как раз и был – докторская по медицине. [...] Я почитала медицинскую статистику. Конечно, профессионалом в медицине я не стала, но... у них используются методы довольно известные, хотя есть специфика их применения. Приходилось комплекс факторов искать, не совсем те же модели применимы, что в экономике. Но в принципе это все преодолимо» (инсайдер № 3).

Скрипторы предпочитают выбирать клиентов, которые заказывают работы заблаговременно, ведь исполнителю необходимо одновременно трудиться над разными заказами. За срочные заказы берутся лишь в критических случаях – если либо просят «хорошие»

знакомые, либо заказчики готовы доплатить за срочность: «Я часто отказывала, если писали, например, что нужно через три дня сдать первую главу. Типа садись и пиши 24 часа в сутки. Я отказывала или говорила, что сделаю только за **ОЧЕНЬ** большие деньги. Я искала нормальных клиентов, которые заказывали заранее» (инсайдер № 2).

Скрипторы стремятся к гибкости: часто лучше работать над небольшими «проектами», чем брать более дорогой и крупный (например, диссертацию «под ключ»). Сложность проекта – также один из критериев выбора заказа. Далеко не все возьмутся за такие работы как, например, статья в международный журнал: «*На английском – это **ОЧЕНЬ** сложно. Я публиковала пару статей на английском [для себя. – Прим. авт.], всю душу вытрясли, это был кошмар, жуть. Нет гарантии, что возьмут, постоянно нужно всё переделывать*» (инсайдер № 2).

Мотивы занятия скриптурой и основания самолегитимации. Первоначальными мотивами скрипторов становятся стремление к дополнительному доходу либо желание помочь (или неудобство отказать), если запрос на написание поступает от родственников и хороших знакомых: «Ну, во-первых, знакомые попросили, во-вторых, это хороший заработок. [...] Но если совсем бы не оплачивалось, тогда не знаю, а поскольку коллега попросила, я в любом бы случае пошла бы ей навстречу» (инсайдер № 3). Так работник вуза открывает для себя новый тип занятости, в котором находит применение своим профессиональным навыкам.

Скриптура становится обычно формой гибридного предпринимательства, поскольку неформальное производство текстов чаще всего сочетается с основной занятостью в академической сфере. Помимо заработка, она дает возможность и для саморазвития в новых интересных направлениях и областях знания, для оттачивания методов работы с научными базами и текстами, что положительно влияет на основное занятие – учебу или академическую работу: «В этой области я много чего узнала сама, я же [раньше] не занималась ни внутренней, ни международной миграцией. Оказывается, там много интересных вещей. [...] То есть я сама над собой немного выросла» (инсайдер № 3).

Конечно, скрипторы понимают сомнительную моральность своей деятельности и стараются самолегитимировать ее – через критику системы образования, нормативных ожиданий общества в отношении образования: «У меня муж все порицал, что это неэтично. А я ему говорила, ...что не все учатся в университете, чтобы потом работать в научной сфере. Поэтому навыки такого типа работы не всем и понадобятся [после учебы]. Учатся [нередко], чтобы потом работать секретарем, например» (инсайдер № 2). «Есть большой пласт людей, которым просто нужно закончить университет, потому что иначе, например, родители будут недовольны... Большинство идет в университет, потому что в их схеме жизни нет выбора не идти в университет» (инсайдер № 1).

По мнению опрошенных скрипторов, востребованность их деятельности связана с тем, что в российской науке сохранились «советские» подходы к признанию научным вкладом только сугубо академических интеллектуальных достижений. Между тем у современных представителей ряда статусных групп (предпринимателей, высших госчиновников) есть запрос на признание реально ими сделанного и практически апробированного интеллектуального вклада, но им некогда и часто просто невозможно соблюдать все формальные этапы на пути к искомой степени: «Если есть у человека из бизнеса повод и основания часть своих интеллектуальных достижений доказать как вклад в науку, такая возможность должна быть. При этом должно быть и соответствующее отношение к этому человеку. Нужно дать этому человеку в том числе право делегировать что-то другим сделать» (инсайдер № 5). Скрипторы отмечали, что их заказчик мог бы и сам выполнить данный тип работ, если бы имел достаточно времени: «Я бы никогда не взялась писать работу для человека, который вообще не в теме, “нулевой”: ты ему написал, а он защитился, вообще не приложив к этому ничего. Вот это, я считаю, – неправильно. Он не должен иметь степень, если ему просто кто-то написал. Другая ситуация, например, если люди

работают... [...] У людей в бизнесе, на госслужбе, ...нет времени, чтобы это всё оформить на 150 страниц. Здесь, думаю, это допустимо» (инсайдер № 3).

Скрипторы, совмещающие написание заказных работ с основной деятельностью в вузе, склонны определять себя как «помощников». Такая самоидентификация обосновывается рассуждениями о том, что возникновение и существование рынка заказных работ порождены самой академической практикой. Речь идет о частом возникновении в процессе учебы своего рода бытовых горлышек, либо о наложении друг на друга срочных требований вуза в отношении выполнения некоторых видов учебных работ и стресса, связанного с тем, что многие обучающиеся одновременно работают. Совпадение сроков сдачи учебных работ по разным предметам, проблемы или новые возможности на работе в моменты написания этих работ – всё это причины, по которым иногда даже хорошие студенты вынуждены заказывать работы скрипторам. В таких условиях возникает солидарность, желание помочь «нуждающимся», отсутствие порицания таких практик: «У меня были случаи, когда люди принципиальные, которые никогда не покупали учебные работы... если у них на работе резко ставили командировку и она была очень важна для их профессионального развития, – им приходится на свои принципы закрыть глаза» (инсайдер № 1).

Скрипторы, которые описывают свою деятельность как «помощь» и «консультирование», стремятся таким подходом также снизить переживания клиентов по поводу неэтичности их поведения и тем самым снять психологические барьеры для обращения за услугами скрипторов: «Стыдно обращаться к человеку, чтобы он за тебя написал какую-то работу. Я по пути построения своего бренда пошел извилистым путем: создал псевдоним и на аватарку разместил милого котика. Одно дело, если ты заказываешь у реального человека, а когда заказываешь у котика – воспринимаешь, как будто тебе помогли. Чтобы снизить градус стыда у заказчика, я позиционировал эти услуги как научное консультирование» (инсайдер № 6).

Следует подчеркнуть, что заниматься скриптурой может далеко не каждый преподаватель или научный сотрудник, желающий подзаработать. Чтобы быть востребованным на этом своеобразном рынке, необходимо уметь предлагать пакеты услуг, а также обеспечивать качество (как минимум гарантировать отсутствие плагиата в работах), работать «под ключ», включая доработку с учетом исправлений научного руководителя студенческой работы или диссертации, оказывать научное консультирование. Порой с запросами к скрипторам обращаются коллеги, которые ранее могли оценить качество их работы. В этих случаях от кандидатов требуется успешный опыт написания собственной диссертации, высокое качество академической и аналитической работы на основной работе: «Он [коллега. – Прим. авт.] знал, что у меня тогда было время... и что по своим компетенциям я могу это сделать. [...] У нас был вместе опыт работы в консалтинге, он видел мои работы, как я писал отчеты» (инсайдер № 5).

Расценки на заказные работы иногда формируются исходя из понимания, сколько за это время можно заработать на основной работе: «Диплом у меня занимает где-то месяц и стоит, как моя месячная зарплата» (инсайдер № 2). Другой подход к ценообразованию – исходя из сложившейся рыночной конъюнктуры. Скрипторы для определения цены на свои услуги интересуются примерными расценками на похожие работы у знакомых или же изучают цены на сайтах работ на заказ: «Цены как таковые я назначал, исходя из сложившейся рыночной конъюнктуры (со слов заказчиков, знакомых и сайтов бирж работ). Разумеется, чем больше объем, тем выше цена. Например, эссе с 80% уникальностью – 1 тыс., а диплом – уже 30 тыс. рублей. Всё упирается в трудоемкость, которая складывается из сложности задачи и часов, на нее потраченных» (инсайдер № 6).

Никто из респондентов не говорил о стремлении превратить свой «бизнес» в основное занятие на всю жизнь. Причины – не только в наличии у них основных научных проектов, разрыв между жизнью «на свету» и «в тени», но и необходимость для

профессионального «автора-призрака» обладать такими навыками и мышлением предпринимателя, которые чаще всего отсутствуют у академического работника.

Сегментация рынка заказных академических текстов. По мнению экспертов, достаточно плотный **рынок платных услуг для студентов** существует в силу того, что последние часто либо ленятся выполнять учебные задания, либо занимаются собственным бизнесом или работают по найму, а поэтому не заинтересованы (не имеют времени) выполнять академические требования к своим курсовым или выпускным работам. В таких случаях они обычно заказывают подготовку статьи либо своим однокурсникам, работающим за гонорар, либо посторонним скрипторам. По мнению аутсайдера № 3, это очень распространенная практика в российских вузах, однако затем, по мере накопления некоторого опыта, пути таких «помощников» начинают отличаться: *«кто-то может написать пару курсовых работ [во время учебы в университете] и забыть об этом, а у кого-то жизнь складывается так, что он зарабатывает 3–5 лет только этой деятельностью».* Единственным ограничением является *«умение писать академические тексты – то есть человек должен иметь полное высшее образование, сам писать свои курсовые работы, диплом, и ему это должно нравиться, становиться своего рода наркотиком».* Такая способность не часто встречается среди студентов. Подобный вид деятельности иногда может становиться профессией или даже семейным бизнесом: *«Есть люди, которые пришли ко всему этому в 1990-х и до сих пор пишут. Одна женщина уже подключила к этому своих сыновей»* (аутсайдер № 3). Но в целом на этом сегменте рынка доминируют физические лица, которые ведут такой нелегальный бизнес в течение двух-трех лет и затем уходят с этого рынка. Студенты терпимо относятся к таким практикам, что связано с общим «прохладным» отношением к высшему образованию со стороны современных российских студентов, которые часто воспринимают его как чисто формальное требование, не имеющее никакого отношения к их будущему карьерному пути и возможностям: *«Ну да, нужно получить какое-то образование, но никто не воспринимает это всерьез...»* (аутсайдер № 1).

Совсем другой сегмент составляет **рынок статей для научных журналов**: *«Статьями для преподавателей вузов, скорее всего, будет заниматься кто-то, кто ближе к академической среде. [...] Их отличает способность делать оригинальный продукт и институциональная близость к каким-то академическим структурам»* (аутсайдер № 3). Эти люди работают либо как самозанятые, либо как индивидуальные предприниматели, использующие специальные биржи в Даркнете для получения нового заказа, либо как сотрудники неформально существующих или даже формализованных фирм. *«Эти люди не остались работать в университетах, хотя по своему потенциалу они могли бы... потому что там очень маленькая зарплата и много бюрократии... [...] В то же время они не видят широкого рынка для [легального] интеллектуального труда... И тогда скриптура оказывается хорошим выходом. Пишут спокойно, в своем режиме, за нормальные деньги. Оплата разная, в зависимости от региона, но если в вашем регионе зарплата в 30 тыс. руб. считается нормальной, то вы спокойно заработаете на скриптуре 60 тыс.»* (аутсайдер № 1).

Кроме того, бизнес в этом сегменте рынка ведут достаточно крупные фирмы с профессиональным разделением труда между менеджерами, юристами, рекламистами и сценаристами, работающие на договорной основе, как некоторые издательства, выпускающие по несколько «хищнических» журналов, или квазиакадемические журналы, существующие при учреждениях высшего образования. Разница между ними заключается в уровне формализации: издательства как крупные промоутеры существуют вполне формально, в то время как деятельность журналов, продающих места или «помогающих управлять подачей», носит частично неформальный характер: прибыль при этом получает узкий круг лиц, принимающих решения, в лице главного редактора или администраторов финансирующего вуза. *«Есть журналы, которые намеренно пытаются войти в международные базы данных, чтобы потом на этом заработать. То есть пару лет ведут себя прилично, а потом резко меняют стратегию: [например] у них уже не 20 статей в одном номере, а 150. Кроме того, на сайте начинают предлагать такие услуги, как добавление в группу авторов*

Таблица 2

Типы участников трех основных сегментов рынка платных академических текстов

Основные виды платных академических текстов	Участники производства платных академических текстов					
	неформальные			формальные		
	фрилансеры (неформальный и формальный сектора)	группы скрипторов (неформальный сектор)	индивидуальные предприниматели (формальный сектор)	юридические лица, нанимающие скрипторов	редакторы журналов, нанимающие скрипторов	диссертационные советы, нанимающие скрипторов
Студенческие работы	+		+			
Академические статьи	+		+	+	+	+
Диссертации	+	+		+		+

определенной статьи, академическая подготовка статей для этого журнала и так далее» (аутсайдер № 1).

Третий сегмент – это **рынок диссертаций**: «есть диссертационные советы, которые занимаются “торговлей” диссертациями. Если бы какой-то ученый приехал туда защищаться [без согласования, по собственной инициативе], его работу просто... не приняли. Это не их работа. Они живут только этим [заказными диссертациями. – Прим. авт.], и ничто другое их не интересует». Защита «заказной» диссертации просто не может быть организована одним человеком, для этого требуется кооперация многих членов академического сообщества. Как сообщил один из академических экспертов, в одной области России есть институт РАН, сотрудники которого «занимались написанием диссертаций региональных политиков и влиятельных бизнесменов. Была такая система, когда дирекция приказывала выделять сотрудников [на работу] по главам. В какой-то момент сотрудникам не заплатили, и они публично рассказали о том, как всё было устроено, и это было опубликовано в местной газете и в социальных сетях» (эксперт № 2).

Таким образом, на рынке платных академических текстов присутствуют разные акторы, начиная с самозанятых-фрилансеров и заканчивая крупными структурированными предприятиями (табл. 2). На стороне предложения фактически есть две разные группы: с одной стороны, отдельные лица или команды, действующие в основном как неформальные самозанятые, с другой стороны, зарегистрированные (как индивидуальные предприниматели или юридические лица) организации, нанимающие профессионалов с академическими навыками.

Такое предпринимательство, производящее имитацию знаний и поддерживающее академическую нечестность, деструктивно по своей социальной природе. Здесь получение материального вознаграждения связано с передачей интеллектуального продукта, который либо не содержит научной новизны (фейковые тексты), либо их содержит, но не является результатом деятельности того лица, которое получает определенное признание за его создание. Это – *академическое деструктивное предпринимательство*.

Причины развития рынка заказных академических текстов. По мнению наших информаторов, есть несколько причин процветания таких негативных практик в современной России.

Первая причина – институциональная ловушка, которая возникла, когда в 2000-х гг. такие зарубежные практики, как количественная оценка формального качества научных работ, были перенесены в российскую среду с типичными для нее слабыми академическими институтами, скудным финансированием исследований и высшего образования, породив невыполнимые для большинства преподавателей нормативные требования к публикационной активности. «Университеты сами попадают в ловушку, потому что вузы

получают рейтинги от Министерства образования в зависимости от количества публикаций, индексируемых в Scopus, и т.д. Так что они тоже ужасно заинтересованы и поощряют эту публикационную инфляцию» (аутсайдер № 4). «Система сама вынуждает к такому поведению, в том числе и сами университеты. Чтобы получить больше финансирования от государства, они могут распорядиться, чтобы, например, каждый сотрудник публиковал не менее 10 журнальных статей в год, и каждая из них цитировалась в среднем 10 раз. Понятно, что нормальный человек на это не способен; вы тогда либо увольняетесь, либо вынуждены обращаться к скрипторам... Поэтому налицо провокация к преступлению как со стороны государства, так и со стороны вузов...» (аутсайдер № 1).

Вторая причина – высокая прибыльность затрат на научные публикации. «В одном университете в Москве доктор медицинских наук нашел оптимальное решение, когда публиковал статьи в платном журнале, который индексируется в международных базах данных, причем цена за статью небольшая, где-то 30 или 50 долл. А вознаграждение, которое его университет гарантирует за публикацию статьи в международном журнале, в семь раз больше. Такая прибыль в 600% – где вы такое найдете? Известен случай, когда человек, как из пулемета, всего за один год отправил в один и тот же журнал 150 статей. Ну, конечно, журнал специально создан для того, чтобы публиковать такие статьи» (аутсайдер № 2).

Эксперты называли и такую нетривиальную причину, как укорененность в российской культуре доминирования формы над содержанием. «Это – институциональная традиция, потому что такой рынок существовал еще в 1960-х годах. Это традиция, в которой формальные свойства текста воспринимаются как нечто более важное, чем живое творчество... В связи с появлением технических возможностей антиплагиата данная традиция только усилилась: требуется, чтобы текст был уникальным, но при этом о содержании самого текста нет и речи» (аутсайдер № 2).

Взаимодействие этих трех институциональных причин формирует условия для (возможно, расширенного) воспроизводства рынка услуг по заказному написанию академических текстов.

Выводы. Изучение организационного поля купли-продажи академических текстов именно как своеобразного рынка позволяет уйти от оценочных суждений с позиций морали. Безусловно, системная аномия, поразившая в России и академическую среду, является предпосылкой для формирования данного рынка. Но сократить масштабы этого явления станет возможно, только если удастся понять мотивы и интересы участников процесса.

Авторы рассматривают рынок академических текстов как поле, на котором деструктивное предпринимательство воспроизводится в силу, прежде всего, устойчивости спроса – начиная со студентов, которые хотят минимизировать затраты времени на освоение учебного контента, и заканчивая чиновниками, стремящимися получить академическое признание для укрепления статуса. Покупатели действуют вполне рационально, стремясь максимизировать полезность и сократить затраты, и точно так же рациональным является поведение гострайтеров/скрипторов, которые при предложении своих услуг и определении цены на них учитывают как свои прямые затраты, так и альтернативные возможности. Обе стороны легитимируют свою вовлеченность в него тоже вполне рационально – ссылками на систему сложившихся в академической среде и вокруг нее институтов, а также ограниченностью ресурсов (на стороне клиентов) или, напротив, наличием специфических ресурсов (на стороне исполнителей заказов).

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать институциональные условия, которые формируют контекст данного рынка и обуславливают рациональность поведения его участников. На макроуровне это, прежде всего, – спрос определенных слоев населения на высшее образование и на академическую степень как на статусные атрибуты. Высокое предложение связано с тем, что узкие возможности для развития «нормального» академического предпринимательства компенсируются уходом части НПР в деструктивное академическое предпринимательство. На мезоуровне институциональными факторами его развития являются низкие заработные платы, стимулирующие часть НПР

в качестве одной из стратегий компенсации писать академические тексты на заказ или уходить из вуза, становясь скрипторами [Давыдов, Абрамов, 2021], а также ригидность вузов, продолжающих оставаться сугубо учебными заведениями, где не может развиваться легальное академическое предпринимательство инновационного типа. На микроуровне важным стимулом стала институциональная ловушка – попытка насаждения публикационной активности как главного критерия академической успешности в негодных институциональных условиях, когда значительная часть работников вузов воспринимают себя как преподаватели, а не исследователи, и не стремятся (или не имеют возможности) изменить такое положение.

В данной работе мы находим подтверждения предложенной нами в предыдущей работе [Cherupenko et al., 2023] концепции двоякой (двойственной) смешанной укорененности социальных процессов, сформулированной в развитие концепции «смешанной укорененности» [Högberg, Mitchell, 2023]. Концепция смешанной укорененности акцентирует внимание на том, что социальные процессы и явления встроены в систему отношений микро-, мезо- и макроуровней. Мы добавляем к данному подходу также фактор темпоральности: процессы и явления развиваются во времени и в силу зависимости от предшествующего развития (*path dependency*) несут на себе отпечаток предшествующей системы институциональных форм и ментальных особенностей. В случае с рынком академических текстов в России таким фактором выступают традиции советской высшей школы как института, задачей которого было в основном образовывать, но не исследовать, а потому необходимость постоянно подтверждать свою академическую состоятельность через научные публикации воспринималась самими акторами высшей школы как неорганичная. В нарративах экспертов найдено подтверждение тому, что практика работы на заказ и приобретения соответствующих услуг работниками высшего образования и науки стала складываться еще в позднесоветский период. В 1970–1980-е гг. работа в академической сфере была престижной и мало обременительной, что привлекало в эту сферу лиц, не обладавших соответствующими навыками и способностями, но стремившихся к определенному статусу и располагавших ресурсами для «покупки» этого статуса. Массовая anomia начала – середины 1990-х гг. привела к закреплению девиантных форм поведения в вузовской среде, став условием для формирования «адской смеси» из накопленной институциональной инерции и институциональных ловушек, сформировавшихся уже в период постсоветского транзита.

Проведенный анализ позволяет типологизировать основные группы участников и охарактеризовать акторно-сетевую модель рынка академических текстов (рис.). Среди сегментов данного рынка выделяются вполне рыночные (продажа готовых текстов или авторства журналами; серийные услуги по написанию текстов и защите диссертаций «под ключ») и своего рода «ремесленные» (когда исполнитель работает на определенного заказчика, исходя из его специфического запроса). Но поскольку данное организационное поле в целом укоренено в системе валоризации академических достижений, при которой основным показателем успешности является не столько академическая репутация, сколько размер вознаграждения работника высшей школы, то мы полагаем правомерным рассматривать данное организационное поле как специфический рынок.

Как представляется, победить деструктивное предпринимательство в академической сфере невозможно ни путем призывов к этичному поведению, ни путем преследований административного или уголовного характера. Во-первых, мы имеем дело со сложившимся рынком, часть участников которого давно встроилась в существующее правовое поле и оказывает «интеллектуальные услуги» на законном основании, а другая часть настолько умело уходит в тень, что цена усилий по ее уничтожению может оказаться неприемлемо высокой для соответствующих государственных и общественных структур. Скорее, к позитивным сдвигам могут привести организационные изменения в самой научной среде. Самое главное – необходим учет специфики различных сегментов данного рынка и мотивации их акторов. Ряд мер и инструментов для минимизации выгод и максимизации издержек на обеих сторонах может способствовать тому, что «продавцы» и «покупатели» проведут переоценку рисков и издержек

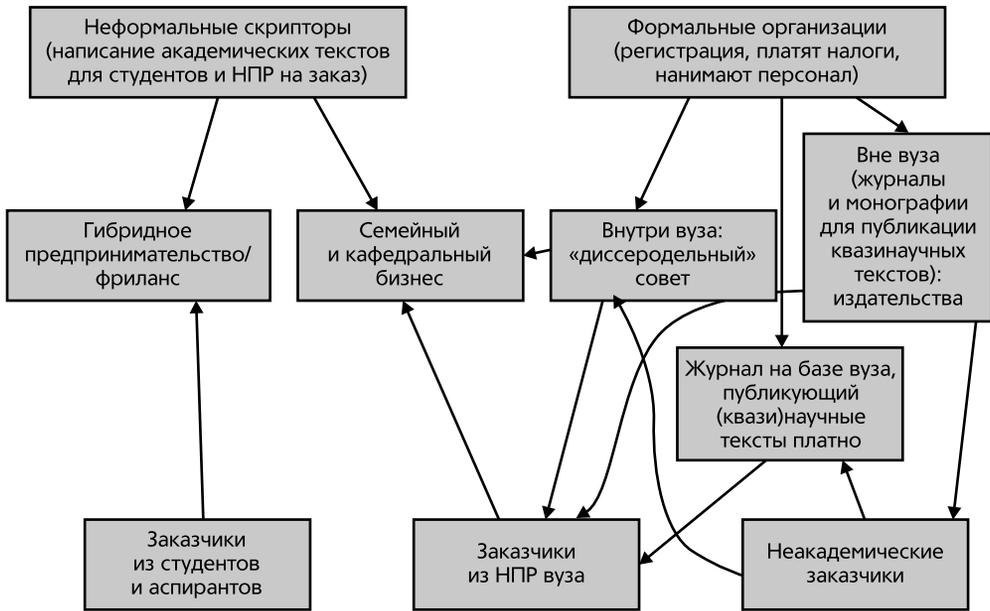

Рис. Актерно-сетевая модель российского рынка заказных академических текстов

по предложению и покупке соответствующих услуг. Если риски возрастут на обеих сторонах, а потенциальные выгоды значительно сократятся, это сделает такой бизнес нерациональным (по принципу «преступление не окупается»).

В качестве примера стратегии подобных действий приведем некоторые предложения по сокращению «студенческого» сектора рынка академических текстов:

(1) увеличивать в образовательном процессе долю устных форм контроля, при которых платная «помощь» практически невозможна; (2) внедрять в образовательный процесс легальное использование искусственного интеллекта для проведения подготовительной фазы студенческих и аспирантских работ (сбор и анализ литературы и т.п.), обучать студентов и аспирантов грамотному и этичному пользованию современными электронными технологиями для сокращения соответствующих рутинных операций; (3) расширять в учебном процессе практики коллективных (групповых) работ студентов, в которых взаимный контроль препятствует «отлыниванию»; (4) расширять практики академического признания научных публикаций научно-педагогических работников в соавторстве со студентами (например, статья в соавторстве научного руководителя и студента засчитывается как ВКР), чтобы усилить заинтересованность в реальной (а не имитирующей) научной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В. Формирование «диссертационной ловушки» // Экономика образования. 2008. № 4. С. 149–160.
- Брумштейн Ю.М., Снежинская Е.Ю. Российский рынок заказных диссертаций в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Евразийской науки. 2018. № 1. С. 1–21.
- Горланов Г.В. Предпосылки возникновения и расширенного воспроизводства теневого рынка диссертационных услуг // Государственная служба. 2013. № 3(83). С. 80–83.
- Давыдов А., Абрамов П. Этнография туфты. Кто и как пишет заказные учебные работы в России. М.: Common Place, 2021.

- Калимуллин Т.П. Российский рынок диссертационных услуг (начало) // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 4. С. 14–38.
- Калимуллин Т.П. Российский рынок диссертационных услуг // *Экономика образования*. 2013. № 2. С. 119–144.
- Калимуллин Т.П. Российский рынок диссертационных услуг // *Экономика образования*, 2011. № 1. С. 106–124.
- Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 347–356.
- Baumol W. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive// *Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. No. 5. P. 893–921.
- Chepurenko A., Butryumova N., Chernysheva M., Sutormina A. Entrepreneurship in and around academia: evidence from Russia // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2023. Henning M.A., Chen Y., Ram S., Malpas P. Describing the attributional nature of academic dishonesty // *Medical Science Educator*. 2019. Vol. 29. P. 577–581.
- Högberg L., Mitchell C. Mixed embeddedness and entrepreneurship beyond new venture creation: Opportunity tensions in the case of reregulated public markets // *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*. 2023. Vol. 41. No. 2. P. 121–151.
- Knapp J.C., Hulbert A.M. Academic dishonesty // *Ghostwriting and the ethics of authenticity*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 85–105.
- Padillah R. Ghostwriting: a reflection of academic dishonesty in the artificial intelligence era // *Journal of Public Health*. 2023. No. 1. P. e193-e194.
- Svirina A., Anand A. Dubious or decisive? Digging deeper into the uncharted path of academic ghostwriting // *Journal of Organizational Change Management*. 2022. Vol. 35. No. 1. P. 38–58.
- Welter F. Contextualizing entrepreneurship – conceptual challenges and ways forward // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2011. Vol. 35. No. 1. P. 165–184.
- Zahra S.A., Wright M., Abdelgawad S.G. Contextualization and the advancement of entrepreneurship research // *International Small Business Journal*. 2014. Vol. 32. No. 5. P. 479–500.

Статья поступила: 09.01.24. Финальная версия: 29.02.24. Принята к публикации: 29.02.24.

THE MARKET OF ACADEMIC TEXTS IN RUSSIA (according to a qualitative survey)

CHEPURENKO A. Yu., CHERNYSHEVA M.V.

HSE University, Russia

Alexander Yu. CHEPURENKO, Dr. Sci. (Econ.), Professor (achepurenko@hse.ru); Marina V. CHERNYSHEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor (mchernysheva@hse.ru). Both – HSE University, Moscow, Russia.

Abstract. In Russia, there exists a market where academic texts are sold and bought, from student qualification papers to scientific articles and dissertations. Although its existence violates the formal norms and values of the scientific community, it functions sustainably. The authors analyze the established practices of writing academic texts on demand (with an emphasis on the study of the social behavior of actors) as part of a specific organizational field, a kind of market. The study is based on semi-structured interviews with six direct actors, so-called scriptors (or ghostwriters) and four experts representing NGOs in the field of science and higher education. Destructive entrepreneurship in the system of higher education and science is characterized as a complex system, the actors of which are not only informally “self-employed” scriptors, but also formal organizations that provide contact between customers and performers of academic work. The stability of quasi-scientific texts market in Russia is associated at the macro level with the high demand for higher education and scientific degrees as a status attribute, as well as with a significant supply from scientific and pedagogical workers, thus compensating for the limited opportunities for legal academic entrepreneurship by informal destructive entrepreneurship. At the meso level, the institutional conditions are the rigidity of Russian universities, which continue to be primarily educational institutions, where legal academic entrepreneurship of an innovative type is developing very modestly, and low salaries of staff members. At the micro level, it is an attempt to impose publication activity as the main criterion of academic success in conditions where a significant part of university staff perceive themselves as teachers, not researchers, and do not seek (or do not have the opportunity) to change this situation.

Keywords: market of academic texts, scientific institutions, system of higher education, informal economic activity, destructive entrepreneurship, Russia.

REFERENCES

- Balatsky E.V. (2008) Formation of the "dissertation trap". *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of education]. No. 4: 149–160. (In Russ.)
- Baumol W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. *Journal of Political Economy*. Vol. 98. No. 5: 893–921.
- Brumshteyn Y.M., Snezhinskaya E.Y. (2018) The Russian market of custom theses in the conditions of information and telecommunication technologies development. *Vestnik Evrazijskoj nauki* [The Eurasian Scientific Journal]. Vol. 10. No.1: 1–21. (In Russ.)
- Chepurenko A., Butryumova N., Chernysheva M., Sutormina A. (2023) Entrepreneurship in and around academia: evidence from Russia. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 29: 577–581.
- Davydov A., Abramov P. (2021) *The Ethnography of the Bullshit. Who and how is writing paid educational papers in Russia*. Moscow: Common Place. (In Russ.)
- Gorlanov G.V. (2013) Preconditions of the formation and expanded reproduction of the shadow market of dissertation services. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service]. No. 3(83): 80–83. (In Russ.)
- Henning M.A., Chen Y., Ram S., Malpas P. (2019) Describing the attributional nature of academic dishonesty. *Medical Science Educator*. Vol. 29: 577–581.
- Högberg L., Mitchell C. (2022) Mixed embeddedness and entrepreneurship beyond new venture creation: Opportunity tensions in the case of reregulated public markets. *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*. Vol. 41. No. 2: 121–151.
- Kalimullin T.R. (2005) The Russian market of dissertation services (beginning). *Ekonomicheskaya soziologiya* [Economic sociology]. Vol. 6. No. 4: 14–38. (In Russ.)
- Kalimullin T.R. (2011) The Russian market of dissertation services. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of education]. No. 1: 106–124. (In Russ.)
- Kalimullin T.R. (2013) The Russian market of dissertation services. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of education]. No. 2: 119–144. (In Russ.)
- Knapp J.C., Hulbert A.M. (2017) Academic dishonesty. In: *Ghostwriting and the ethics of authenticity*. New York: Palgrave Macmillan: 85–105.
- Padillah R. (2023) Ghostwriting: a reflection of academic dishonesty in the artificial intelligence era. *Journal of Public Health*. No. 1. P. e193–e194.
- Svirina A., Anand A. (2022) Dubious or decisive? Digging deeper into the uncharted path of academic ghostwriting. *Journal of Organizational Change Management*. Vol. 35. No. 1: 38–58.
- Welter F. (2011) Contextualizing entrepreneurship – conceptual challenges and ways forward. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. Vol. 35. No.1: 165–184.
- Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. (2021) Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. Vol. 6. No. 3: 347–356. (In Russ.)
- Zahra S.A., Wright M., Abdelgawad S.G. (2014) Contextualization and the advancement of entrepreneurship research. *International Small Business Journal*. Vol. 32. No. 5: 479–500.

Received: 09.01.24. Final version: 29.02.24. Accepted: 29.02.24.

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

Г.А. БОРЩЕВСКИЙ

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКИ

БОРЩЕВСКИЙ Георгий Александрович – доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (borshchevskiy-ga@ranepa.ru).

Аннотация. В последние годы в России происходит поворот, нашедший отражение в 2022 г. в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Автором оценивается реальный уровень выраженности некоторых «традиционных ценностей» в современном российском обществе. Для этого использованы данные федерального статистического наблюдения, ведомственная статистика, материалы репрезентативных опросов 1990–2020-х гг. ведущих российских социологических организаций, результаты международных обследований. Ни один из показателей не характеризует ценности в полной мере, поэтому оценивалась согласованная динамика групп показателей. Анализ показал, что все «индивидуальные» (направленные на развитие личности) духовно-нравственные ценности, указанные в «Основах государственной политики...», фиксируются объективно, некоторые из них действительно широко распространены и усиливаются со временем. Наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, а также гуманизма и милосердия. Более противоречива ситуация с такими ценностями, как достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, справедливость.

Ключевые слова: традиционные ценности • духовно-нравственные ценности • общественное мнение

DOI: 10.31857/S0132162524030051

«Традиционные ценности» как объект политики и научного анализа. Наблюдаемый в России с 2010-х гг. «консервативный поворот» [Robinson, 2020] сопровождается активизацией обсуждения «традиционных ценностей». Эта тенденция выразилась в попытках нормативно зафиксировать так называемые традиционные российские духовно-нравственные ценности. Еще в 2015 г. в Стратегии развития воспитания в РФ был закреплен перечень из восьми «традиционных духовных ценностей»¹; в том же году в Стратегии национальной безопасности РФ перечислены другие шесть «российских духовно-нравственных ценностей»². В принятой в 2021 г. новой редакции Стратегии национальной безопасности РФ приводится перечень уже

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года».

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ».

из 17 ценностей³. На базе данного документа подведомственным Министерству культуры РФ Институтом наследия им. Д.С. Лихачева были разработаны «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы), в 2022 г. утвержденные указом Президента РФ⁴. В этом документе перечислены 17 ценностей (жизнь; достоинство; права и свободы человека; патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России), а также инструменты политики по их сохранению.

Публикация Основ вызвала дискуссию как по поводу самого факта нормативной фиксации духовно-нравственных ценностей, так и их набора. Уже появились разработки по объективной оценке «традиционных ценностей» [Шашкин и др., 2023]. Автор включается в эту дискуссию, фиксируя социологическими и статистическими средствами уровень выраженности (укорененности) некоторых «традиционных ценностей» в реальной российской действительности. Подобная задача должна была решаться еще на этапе подготовки Основ (возможно, это и было сделано), но результаты таких исследований не опубликованы, что побудило нас провести анализ *post factum*. Ведь отраженное в Основах политическое видение того, какие ценности традиционны для нашего общества, – это совсем не то же самое, что их идентификация в социальной реальности.

Наша гипотеза заключается в том, что каждая из зафиксированных в Основах ценностей действительно является «традиционной» в том смысле, что ее *высокая выраженность* объективно фиксируется и *имеет тенденцию к усилению* в последние десятилетия. В противном случае речь должна идти о духовно-нравственных ценностях, высокую приверженность россиянам которым еще только предстоит сформировать. Автором при этом не рассматривается вопрос, являются ли изучаемые ценности «традиционными» – типичными для российской цивилизации на протяжении веков, или же речь идет об относительно новой «традиции», сформировавшейся 30–40 лет назад.

Задачи и ограничения исследования. Структура статьи продиктована решением трех взаимосвязанных исследовательских задач. Прежде всего, определим наборы релевантных статистических и социологических показателей, характеризующих анализируемые духовно-нравственные ценности. Далее будет изучаться динамика этих показателей в 1990–2020-е гг., чтобы определить, насколько выражены в российском обществе фиксируемые ими ценности. Наконец, в заключении будут предложены концептуальные рекомендации по совершенствованию «ценностной политики».

Моральные ценности давно и прочно заняли место в обществоведческих исследованиях, начиная с социологии морали (Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Н. Луман), получившей дальнейшее развитие в экономике счастья (Д. Канеман, А. Дитон, Р. Истерли) и управлении по ценностям (К. Мейджер, С. Долан, Г. Хофстеде). Большой вклад в теорию ценностей внесли Р. Инглхарт, М. Рокич, Ш. Шварц, предложившие сравнительные методики кросс-национальных исследований. Другое богато фундированное направление изучения традиционных ценностей составляют теории консерватизма (традиционализма), восходящие к М. Веберу, Ш. Эйзенштадту, Э. Шилзу, Э. Хобсбауму, П. Штомпке, Э. Гидденсу, И. Ильину, К. Леонтьеву. Вместе с тем до настоящего времени не выработаны ни общепринятый набор «традиционных ценностей»⁵ (поэтому здесь и далее мы берем термин в кавычки), ни их конвенциональное определение.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ».

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁵ В рамках цивилизационной компаративистики (А. Тойнби, Ш. Эйзенштадт) принято считать, что у каждой цивилизации есть специфический набор ценностей, в то время как в рамках теорий модернизации (Э. Дюркгейм, С. Хантингтон) подчеркивается принципиальная общность культуры всех традиционных обществ, противопоставляемых обществам модерна.

Теоретическая неопределенность отражается и на официальном дискурсе: российская власть постулирует следование «традиционным ценностям», но не спешит раскрывать их содержание [Rousselet, 2020]. Это может обуславливаться стремлением сбалансировать идеологические течения так, чтобы ни одно из них не доминировало [Chebankova, 2020]. Имплементация «традиционных ценностей» на практике затруднена как внутриэлитными противоречиями [Robinson, 2020], так и сопротивлением российского общества попыткам навязывания духовно-нравственных ценностей извне⁶ [Stepanova, 2023].

Концепт «традиционных ценностей» изначально ориентирован на секьюритизацию [Yasaveev, 2021], не случайно Основы были приняты в развитие Стратегии национальной безопасности. Методики оценки эффективности государственной политики в этой сфере также ориентированы на защиту «традиционных ценностей» от угроз [Шашкин и др., 2023]. Однако в издании, направленном на разъяснение Основ, дается альтернативный набор ценностей, а их количественный анализ опирается на западные методики, не адаптированные к задачам Основ [Багдасарян, Иерусалимский, 2023]. Подобные методологические лакуны актуализируют проведение настоящего исследования.

Операционализация ценностей методологически трудна. Дефицит достоверных данных, позволяющих оценить реальное влияние «традиционных ценностей» на общество и количество россиян, разделяющих эти ценности [Stepanova, 2023], налагает на исследование ряд ограничений.

Ограничения объекта. Экспертные классификации ценностей очень вариативны. Наш анализ ограничен ценностями, зафиксированными в Основах, альтернативные наборы не рассматриваются. При этом ряд ценностей рассматриваются как тождественные («достоинство» и «права и свободы человека»; «высокие нравственные идеалы» и «приоритет духовного над материальным»; «гуманизм» и «милосердие»), что обеспечивает компактность анализа, хотя и игнорирует ряд смысловых нюансов.

Ограничения предмета. Духовно-нравственные ценности из Основ с долей условности можно разделить на «индивидуальные» (направленные на развитие личности) и «коллективные» (направленные на развитие общества и взаимодействия с другими людьми). К первой группе относятся следующие ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость. Далее рассмотрим только «индивидуальные» ценности, оставив «коллективные» для последующего изучения.

Ограничения метода. Однозначно соотнести ценности с одним или несколькими существующими показателями невозможно. Не поможет и предлагаемая рядом авторов [Шашкин и др., 2023] разработка новых статистических и опросных форм из-за смыслового плюрализма ценностей. Для оценки выраженности каждой из анализируемых ценностей далее используются существующие статистические данные и проводится вторичный анализ опросов ведущих социологических организаций. Полученные оценки следует рассматривать как «первое приближение», позволяющее формулировать только предварительные выводы.

Ограничения данных. Автор стремится рассмотреть максимально длительный период, учитывая медленность изменений в аксиологической сфере. Если в ряду данных есть пробелы, то в диапазоне до трех лет на них экстраполируются прошлые тенденции, в противном случае рассматриваются выборочные значения. При наличии данных нескольких сходных опросов использовались те, для которых представлены данные за большее количество лет. В результате рассматривается примерно 30-летний период 1990–2020-х гг.

Ограничения интерпретаций. В чувствительных для общества сферах опросные данные и статистика подвержены манипулированию. Кроме того, ценности являются глубоко личным

⁶ Действительно традиционные ценности по определению нельзя навязать, так как они уже доминируют. Но в политической практике за защитой традиционных ценностей может скрываться навязывание обществу таких ценностей, которые если и были когда-то доминирующими, то уже в значительной степени отжили, и их реставрация встречает неприятие большинства или значительной части населения.

и не всегда четко рефлексивным свойством человека, что обуславливает субъективизм результатов опросов. Поэтому при интерпретации выявленных тенденций надо быть осторожным, избегая категоричности суждений.

Инструменты для измерения ценностей. Степень распространенности и динамика изменений каждой ценности будут далее оцениваться с использованием статистических и социологических данных. Ни один из показателей не характеризует ценности в полной мере, поэтому оцениваться должна согласованная динамика групп показателей. Если они в совокупности отражают позитивную или негативную тенденцию, нужно делать вывод о направлении изменения анализируемой ценности.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении характеризует наличие условий для реализации права человека на жизнь, ценность жизни. Это – интегральный показатель, отражающий соотношение рождаемости и смертности, преобладающую модель контрацептивного поведения и суицидальные практики, наличие войн и конфликтов, состояние системы здравоохранения и т.д. Контрольными показателями можно считать количество убийств и самоубийств на 100 тыс. жителей, а также количество аборт. Такие характеристики отражают отношение человека к собственной (самоубийства) и чужой жизни (убийства, аборты), на наш взгляд, хорошо маркируя реальную ценность жизни в обществе. Данные о них получены из Единой межведомственной информационной статистической системы (ЕМИСС) за 1990–2022 гг. Социологические опросы характеризуют отношение россиян к жизни как ценности через оценки значимости конституционных прав, включая право на жизнь⁷.

Достоинство – одна из наиболее трудно интерпретируемых ценностей, поскольку нельзя измерить человеческое достоинство каким-либо одним индикатором. Эту ценность можно объединить с правами и свободами человека, поскольку именно уровень восприятия своих прав и свобод, осознание их ценности и готовность отстаивать характеризуют достоинство личности. Приближенную картину ее динамики дает судебная статистика – количество исков о защите чести, достоинства и деловой репутации (источником являются материалы Верховного Суда РФ – портал *sudstat.ru*, данные за 2014–2022 гг.)⁸, а также количество жалоб на нарушение прав (данные Уполномоченного по правам человека в РФ за 1998–2022 гг.)⁹. Доля удовлетворенных исков (жалоб) косвенно характеризует правозащитную политику государства. Также представляют интерес результаты репрезентативных опросов ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центра¹⁰ в 1998–2022 гг., в которых респондентам задавались вопросы «Как вы считаете, в целом права человека в современной России соблюдаются или нет?» и «Какие из основных прав и свобод, провозглашенных Конституцией, представляются наиболее важными для вас лично?» (вариант «Право на свободу и личную неприкосновенность»).

Высокие нравственные идеалы и приоритет духовного над материальным тоже не подлежат прямой количественной оценке, однако в ряде экспертных методик для этого

⁷ Конституция России: наши права и свободы // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rossii-menyat-ili-ne-menyat> (2000, 2002, 2009, 2012); <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=486> (2002, 2004, 2005, 2009, 2010, 2013, 2016); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-znaem-o-rossijskoj-konstituczii> (2003, 2005); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rf-nashi-prava-i-svobody> (2016, 2018); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-izmenit-ili-ostavit> (2017); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucionnye-popravki-rejting-predpochtenij-rossiyan> (2020); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/popravki-k-konstituczii-znachenie-i-otnoshenie> (2020); Россияне о конституции // Левада-центр (НКО-иноагент). URL: <https://www.levada.ru/2020/01/31/konstitutsiya/> (1997, 2002, 2003, 2005, 2007, 2008, 2010–2016, 2020); <https://www.levada.ru/2017/12/10/den-konstitutsii-2/> (2013, 2014, 2016, 2017); <https://www.levada.ru/2021/12/13/den-konstitutsii-4/> (2013, 2014, 2016–2018, 2020, 2021); Права человека в России // ФОМ (1998, 2012–2013). URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10873> (дата обращения: 22.01.2024).

⁸ Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2024>; Портал «Судебная статистика РФ». URL: <https://sudstat.ru/?ysclid=Iropd8ttx293007471> (дата обращения: 22.01.2024).

⁹ Сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhгодnye-doklady> (дата обращения: 19.01.2024).

¹⁰ Включен в реестр иноагентов РФ.

используются интегральные статистические данные. В частности, А.В. Юревичем разработан индекс нравственности на основе четырех показателей: количество убийств на 100 тыс. жителей; общая численность воспитанников в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; индекс Джини (по ЕМИСС); восприятие коррупции (по *Transparency International*)¹¹. Индекс нравственности рассчитывается как усредненный процент прироста перечисленных показателей к базовому (1996) году. Авторы индекса получили его значения за 1990–2016 гг. [Юревич, 2019], для настоящего исследования по той же методике его значения рассчитаны по 2022 г.

Для понимания ценности нравственных идеалов можно использовать также ряд опросов, в частности, об отношении к моральным нормам (Левада-центр, 1989–2022 гг., согласие с утверждением «Каждый человек несет моральную ответственность за происходящие в стране события»¹²).

Также представляют важность данные о степени религиозности респондентов (Левада-центр*, 1991–2022 гг., отнесение себя к какому-либо вероисповеданию; посещение церковных служб хотя бы один раз в год; вера в жизнь после смерти¹³), поскольку религиозное мировоззрение имманентно основано на представлении о примате духовного над материальным.

Волны Всемирного исследования ценностей (WVS), проводимого по методике Р. Инглхарта, отражают изменение уровня эмансипации, секулярности, автономии, постматериализма¹⁴. Приверженность нравственным идеалам может при такой методике характеризоваться низкой секулярностью (высокой ролью религии) и высокой значимостью постматериалистических ценностей (приоритетом духовного над материальным).

Гуманизм и милосердие проявляются в первую очередь в помощи социально незащищенным людям. Маркером таких ценностей можно считать группу показателей, связанных с проблемой сиротства: темп роста числа семей, желающих принять ребенка на воспитание (в процентах к предыдущему году, 2007–2022); численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в отчетном году (1990–2022); доля детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, переданных под опеку (попечительство) и на усыновление (процентов от числа выявленных, 1990–2022). Все эти данные получены из ЕМИСС. Социологические исследования будут представлены оценкой россиянами значимости права на социальное обеспечение, а также показателями благотворительной деятельности – долей респондентов, помогающих незнакомым людям и жертвующих деньги на благотворительность (данные международного рейтинга, 2010–2022 гг.)¹⁵.

Для оценки выраженности ценности *справедливости* будут использованы показатели, позволяющие оценить справедливость как (желательно низкую) дифференциацию доходов (доля численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и индекс Джини, по ЕМИСС, 1992–2022). Для этого также будут использоваться ответы во время социологических опросов на вопросы «Считаете ли вы российское общество социально

¹¹ Сайт Transparency International (организация признана нежелательной в РФ). URL: <https://www.transparency.org/> (дата обращения: 22.01.2024).

¹² Зона моральной ответственности в 1989 и 2008 гг. // Левада-центр*. URL: <https://www.levada.ru/2010/02/01/zona-moralnoj-otvetstvennosti-v-1989-i-2008-godah/>; Бремя ответственности // Левада-центр*. 2014 г. URL: <https://www.levada.ru/2014/12/17/bremya-otvetstvennosti/>; Чувство ответственности // Левада-центр* (2006, 2009, 2012, 2014–2022 гг.). URL: <https://www.levada.ru/2023/01/13/chuvstvo-otvetstvennosti-i-vozmozhnosti-vliyat-na-situatsiyu/?ysclid=lrsvfgx5o716020100> (дата обращения: 22.01.2024).

¹³ Религиозные представления // Левада-центр* (1989–1991, 1993, 2003, 2007–2023 гг.). URL: <https://www.levada.ru/2023/05/16/religioznye-predstavleniya-2/?ysclid=lr0t70m4ae44365124>; Вера в сверхъестественное // Левада-центр (1991, 1998, 2008, 2011, 2015, 2017, 2020 гг.). URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/?ysclid=lr0tcbgrqkv386153729> (дата обращения: 22.01.2024).

¹⁴ Источники – отчеты Всемирного исследования ценностей (URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 31.05.2022)).

¹⁵ Мировой рейтинг частной благотворительности (World Giving Index) // Фонд благотворительной помощи (Charities Aid Foundation, 2010–2022 гг.). URL: <https://www.cafonline.org/about-us/research/caf-world-giving-index> (обращение: 22.01.2024).

справедливым?», «По вашему мнению, политика российских властей сегодня способствует или препятствует укреплению социальной справедливости в нашем обществе?» (по данным ВЦИОМ и ФОМ, 1993–2022)¹⁶.

Оценки ценности жизни. Рассмотрим динамику показателей, характеризующих ценность жизни для современных россиян (рис. 1).

Как видим, продолжительность жизни россиян в наблюдаемый период была минимальной в 1994 г. (63,9 года) и неуклонно повышалась с середины 2000-х гг., достигнув максимума (73,3 года) в 2019 г., после кратковременного спада из-за пандемии COVID-19 вновь наметился рост. Число абортс имеет обратную динамику: максимум (более 4,1 млн отмечен в 1990 г., а минимум (395 тыс.) – в 2022 г. Показатели количества самоубийств и убийств на 100 тыс. жителей менялись по перевернутой U-образной кривой с максимумами в 1994 и 2002–2003 гг., после чего был нисходящий тренд с минимумом в 2022 г. Оценка респондентами значимости права на жизнь изменялась противоречиво: в 1990-е гг. тренд был нисходящий, но затем он изменился, достигнув максимума (78%) в 2019 г.

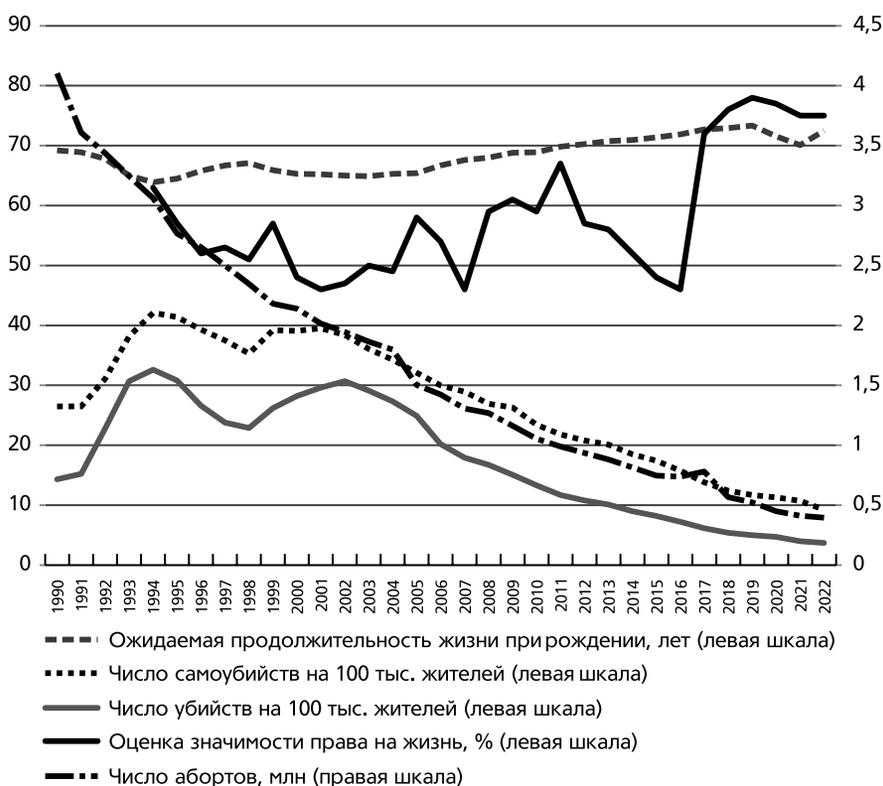

Рис. 1. Динамика показателей, характеризующих ценность жизни, 1990–2022 гг.

Источник: здесь и далее – составлено автором по указанным данным.

¹⁶ О справедливости и несправедливости в российском обществе // ФОМ (2001, 2007, 2011, 2014, 2017, 2018, 2020). URL: <https://fom.ru/TSennosti/13279>; Социальная справедливость в России // ВЦИОМ (2004, 2007, 2009, 2013). URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>; https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Schaste-i-blagopoluchie_july-2021.pdf; Общество в поисках справедливости // ВЦИОМ (2007, 2009, 2013, 2018–2023). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti>?ysclid=lrwca7xlv661096748 (дата обращения: 22.01.2024).

Итак, в анализируемые годы позитивные показатели продолжительности жизни и значимости права на жизнь имели тенденцию к росту, а негативные (аборты, самоубийства, убийства), наоборот, снижались. Это правомерно интерпретировать так, что статистика и опросы согласованно фиксируют тренд на повышение ценности жизни в России. При этом предполагается, что жизнь больше ценится не когда она в дефиците, а напротив, рост ее длительности отражает заботу о жизни как высшей ценности.

Оценки ценности достоинства, прав и свобод человека. Характеристики этой группы ценностей демонстрируют в сравнении с ценностью жизни менее однозначную динамику (рис. 2).

Количество жалоб Уполномоченному по правам человека имеет устойчивую тенденцию к росту, особенно после 2013 г., что может объясняться цифровизацией подачи обращений. За 24 года количество жалоб увеличилось в 11 раз. Однако доля восстановленных прав колеблется ежегодно в основном в пределах 5%, только один раз (в 2007 г.) она достигала двузначного (12,9%) значения, что может свидетельствовать об относительной неэффективности данного института.

Количество поданных исков о защите чести, достоинства и деловой репутации сократилось как по искам в отношении СМИ (в 2,3 раза), так и по искам против физических и юридических лиц (в 1,3 раза). При этом доля удовлетворенных исковых требований в первом случае

Рис. 2. Динамика показателей, характеризующих ценности достоинства, прав и свобод человека, 1998–2022 гг.

возросла с 40,1 до 44,3%, во втором – с 36 до 48,8%. Это можно интерпретировать так, что ужесточение законодательства о клевете в 2020 г. способствовало снижению числа исков, но сопровождалось повышением их обоснованности. Например, в 2022 г. суды удовлетворили почти половину всех исков к физическим и юридическим лицам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Доля граждан, отмечающих приоритетную значимость конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, возросла на 12 п.п. за анализируемый период, достигнув максимального значения (56%) в 2021 г. Аналогичная тенденция наблюдается с оценками соблюдения прав человека в России: если в 1998 г. считали, что права человека в целом соблюдаются, только 17%, то в 2022 г. уже 52%, большинство россиян.

Можно сделать вывод, что ценности достоинства личности и прав человека в России укрепляются, но есть очень большие резервы для улучшений. Между долей граждан, считающих, что права человека в РФ соблюдаются, и количеством жалоб Уполномоченному по правам человека выявлена значимая корреляция по Пирсону (коэффициент 0,94 при $p < 0,001$). Это интерпретируется как показатель доверия граждан к российской правозащитной системе, который существенно вырос за последнюю четверть века. В то же время связь этих показателей с динамикой восстановленных прав граждан отрицательная. Это свидетельствует, что правозащитная практика пока отстает от ожиданий общества. Поэтому напрашивается вывод о противоречивости динамики данной ценности в современной России.

Оценки ценности высоких нравственных идеалов и приоритета духовного над материальным. Эти оценки тоже изменялись неоднозначно, хотя и с преобладанием в последние 20 лет восходящих тенденций (рис. 3).

Значение индекса нравственности в 1990–2020-х менялось по U-образной кривой, достигнув минимума (90%) в 2001–2002 гг. В дальнейшем этот индекс рос, достигнув уровня 168% в 2020–2022 г., хотя вернуться на уровень позднесоветского максимума (193% в 1990 г.) ему не удалось.

Доля россиян, считающих, что несут моральную ответственность за события в стране, снижалась с 20% в 1989 г. до 2% в 2006, 2009 и 2014 гг., но к концу периода вернулась на уровень начала наблюдений. В то же время доля придерживающихся обратного мнения, что граждане не несут моральную ответственность за страну, возросла с 21% в 1989 г. до 54% в 2019 г. (большинство россиян). Это дает основания говорить о неустойчивости нравственных идеалов и слабой выраженности данной «традиционной ценности» в реальном российском социуме, поскольку трудно считать высоконравственными людей, отказавшихся от активной гражданской позиции.

Духовность до известной степени можно соотнести с религиозностью (по крайней мере, в рамках доминирующего сейчас в России дискурса «традиционных ценностей»). Демонстрируемая религиозность действительно за анализируемый период возросла: в последние годы во время опросов более 3/4 респондентов относят себя к какой-либо конфессии, хотя в начале 1990-х таких было лишь порядка 40–50%. В то же время доля людей, посещающих храм своей конфессии хотя бы раз в год, примерно на 10 п.п. ниже доли верующих и тоже в последние годы снижается. Наконец, доля россиян, верящих в загробную жизнь (это ключевой элемент всех традиционных религий), во всех замерах не превышает 30%, т.е. в разы меньше считающих себя верующими. Поэтому есть веские основания предположить, что в современном российском обществе религия скорее удовлетворяет запрос на принадлежность к традиции в смысле самоидентификации и внешнего соблюдения обрядов, чем отражает приоритет духовных ценностей над материальными.

Мониторинг Всемирного исследования ценностей (WVS) позволяет дать еще один ряд оценок духовности – секулярности и постматериализма россиян (табл. 1).

Как видим, доля россиян с низкой секулярностью (высокой ценностью религии) в целом за 1990–2017 гг. практически не изменилась, держась на уровне 20%, хотя в отдельные годы снижалась до 12%; абсолютно доминируют (всегда составляют более 60%) россияне со средней секулярностью. В то же время россияне с высокой значимостью нематериалистических

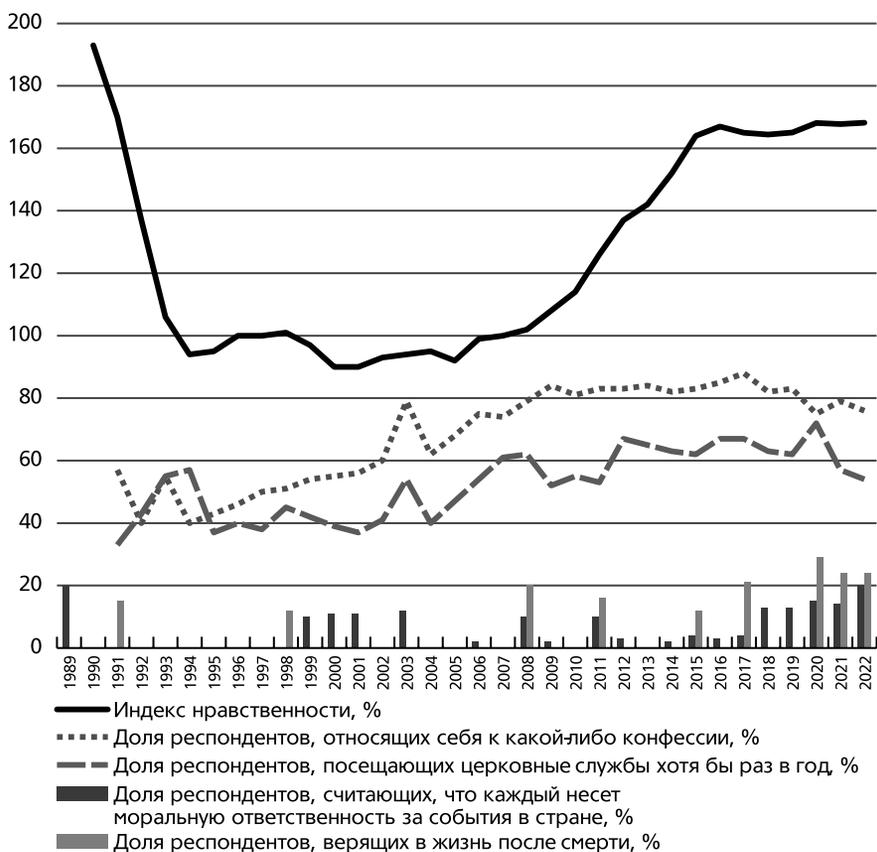

Рис. 3. Динамика показателей, характеризующих ценности высоких нравственных идеалов и приоритета духовного над материальным, 1989–2022 гг.

ценностей на протяжении всех 1990–2010-х гг. составляли не более 6%, почти во всех волнах опросов доминировали (более 50%) люди с низким постматериализмом.

Рассмотренные данные позволяют сделать вывод о постепенном улучшении в последние десятилетия нравственного состояния российского общества, но при этом нет доказательств преобладания ценностей духовности. Большинство россиян не чувствуют ответственности

Таблица 1

Распространенность в РФ секулярности и постматериализма, по данным пяти волн WVS в России, %

Степень выраженности	1990	1995	2006	2011	2017
<i>Секулярность</i>					
Высокая	12,5	21,8	17,6	25,0	18,0
Средняя	65,5	64,3	63,6	61,2	61,5
Низкая	20,0	12,1	17,3	12,0	19,7
<i>Постматериализм</i>					
Высокий	5,9	1,6	1,8	2,1	3,5
Средний	45,8	42,2	41,7	41,8	41,7
Низкий	38,9	54,5	53,9	52,7	51,8

Примечание. Сумма в каждой группе меньше 100%, поскольку были неопределившиеся респонденты.

за дела в стране и демонстрируют, по методике WVS, преобладание материальных, а не пост-материальных ценностей. По сравнению с началом 1990-х гг. выросла религиозная самотождественность, но это больше отражает постсоветские социально-культурные установки, нежели реальные религиозные взгляды на жизнь. В этой связи в научной литературе уже отмечалось, что и сами ценности Основ в большей степени ориентированы на нормы светской этики, чем на постулаты традиционных конфессий [Борщевский, 2023].

Оценки ценности гуманизма и милосердия. Масштабы проблемы сиротства, характеризующие гуманизм и милосердие в обществе, отмечены ростом числа семей, желающих принять на воспитание детей-сирот, достигшее максимума (21,3%) накануне пандемии COVID-19. Это сопровождалось сокращением количества вновь выявляемых сирот: пиковое значение было в 2005 г., минимум – в 2020 г. (рис. 4). Более тревожно выглядит тенденция к снижению доли детей-сирот, переданных в опеку, попечительство, на усыновление: она была максимальной (81,5%) в 1991 г., а потом сильно снизилась и в последние годы лишь чуть превышает 50%. Таким образом, гуманное намерение усыновить ребенка встречает немалые трудности.

Среди опрошенных россиян доля тех, кто оказывает помощь незнакомым людям, выросла с 29% в 2010 г. до 71% в 2022 г., как и доля тех, кто жертвует свои средства на благотворительность (с 6 до 42%). Очевидный рост обоих показателей (они коррелируют с коэффициентом 0,91) указывает на широкое распространение ценности милосердия в нашем обществе в последние годы, хотя большинство россиян в благотворительности пока не участвуют.

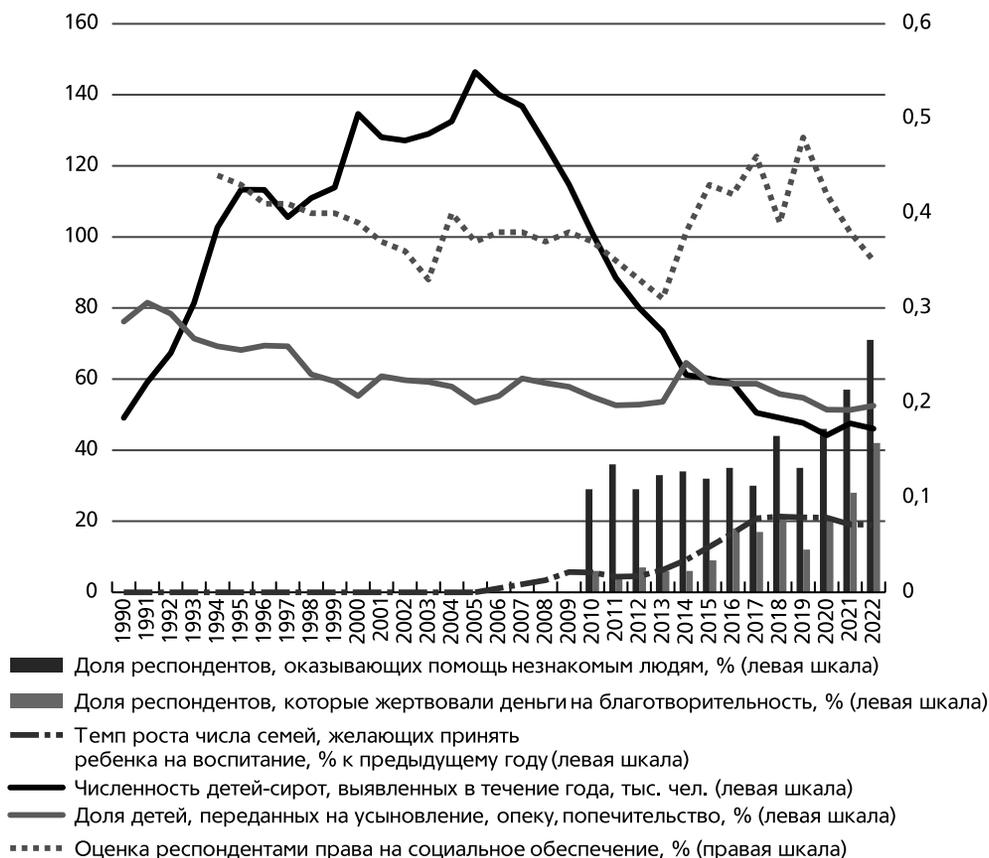

Рис. 4. Динамика показателей, характеризующих ценности гуманизма и милосердия, 1990–2022 гг.

Восприятие россиянами значимости конституционного права на социальное обеспечение оставалось относительно стабильным, колеблясь в диапазоне от 31 в 2013 г. до 48% в 2019 г.

Перечисленные тренды указывают как на относительно устойчивую гуманистическую ориентацию россиян, так и на стабильные социально-экономические условия в стране, позволяющие всё большей доле россиян не только заботиться о личном достатке, но и помогать ближним.

Оценки ценности справедливости. Понять, как россияне представляют себе справедливость, помогают опросы ВЦИОМ. Так, в 2023 г., отвечая на соответствующий вопрос, 36% назвали равенство перед законом, 20% – зависимость положения от результатов труда, 19% – равенство уровня жизни, 8% – возможности для развития способностей, 6% – гарантии для социально незащищенных. Из этого можно сделать вывод, что большинство россиян понимают социальную справедливость скорее как равенство условий жизненной конкуренции, чем как равенство ее результатов.

Динамика обоснованных ранее индикаторов социальной справедливости противоречива (рис. 5).

С одной стороны, по отдельным показателям есть позитивная динамика. Так, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2022 г. достигла минимума (10,5%), а доля респондентов, считающих наше общество социально справедливым, существенно в сравнении с 1990-ми гг. повысилась (до максимума в 24% в 2020 г.). Втрое по сравнению с 1990-ми

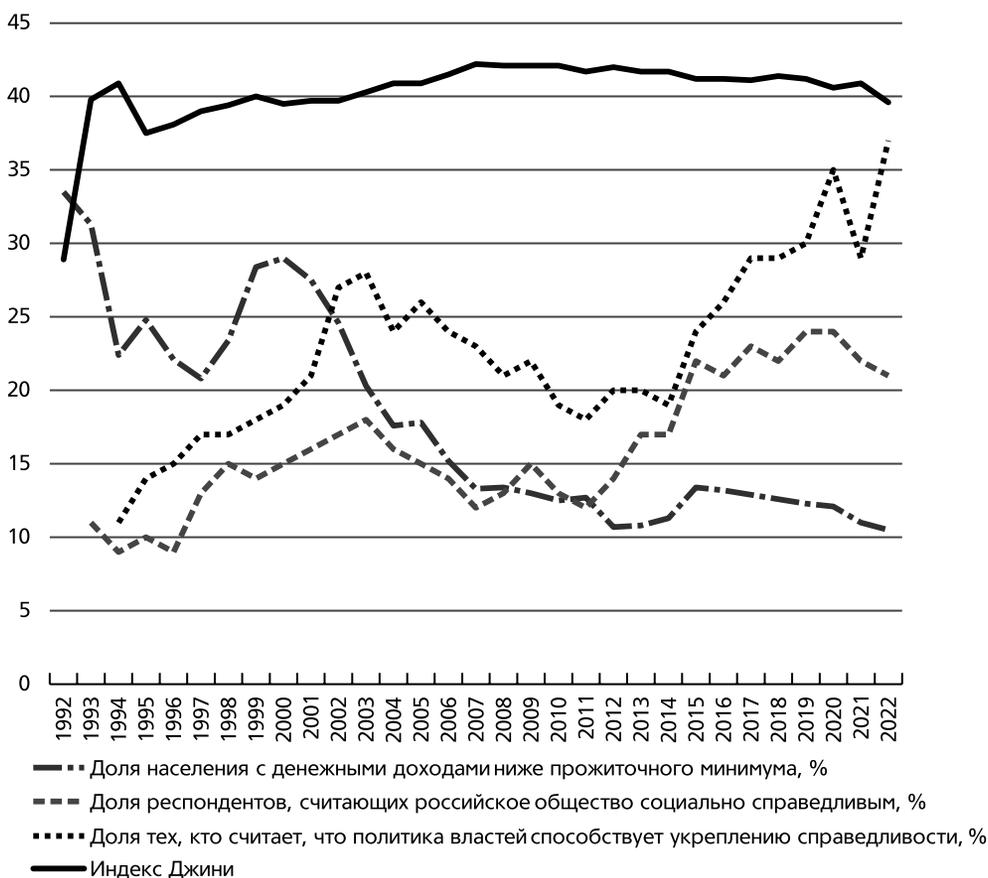

Рис. 5. Динамика показателей, характеризующих ценность справедливости, 1992–2022 гг.

Таблица 2

**Эмпирическая проверка выраженности у россиян
«индивидуальных» духовно-нравственных «традиционных ценностей»**

Ценности	Показатели	Динамика показателей
Жизнь	Ожидаемая продолжительность жизни	Растет с 2000-х за исключением спада во время ковид-пандемии
	Уровень самоубийств	Снижается с 2000-х
	Уровень убийств	Снижается с 2000-х
	Число аборт	Непрерывно снижается
	Оценка значимости права на жизнь	Волнообразные колебания, с 2000-х восходящий тренд, до примерно 2/3 россиян
Достоинства, права и свободы человека	Рассмотрение судебных исков о защите чести и достоинства	Примерно на одном уровне в 2014–2022 гг.
	Доля удовлетворенных исков	Возрастает, но остается менее 1/2
	Жалобы Уполномоченному по правам человека	Рост в 11 раз в 1998–2022 гг.
	Доля восстановленных прав	Почти не меняется, остается ниже 10%
	Оценка права на свободу и личную неприкосновенность	Волнообразные колебания, в среднем меньше 1/2 россиян кроме отдельных лет
Высокие нравственные идеалы и приоритет духовного над материальным	Оценка соблюдения прав человека	Неустойчивый рост с 1990-х, выше 1/2 россиян только в 2022 г.
	Индекс нравственности	Растет с 2000-х, но остается ниже уровня 1990 г.
	Ответственность за дела в стране	Неустойчивая динамика с тенденцией к росту с конца 2010-х, меньше 1/5 россиян
	Самоидентификация как верующих	Рост с 1990-х, снижение с конца 2010-х, у более чем 2/3 россиян
	Вера в жизнь после смерти	Неустойчивая динамика, менее чем у 1/4 россиян
Гуманизм и милосердие	Посещение храмов	Неустойчивая динамика, до 2/3 россиян
	Помощь незнакомым людям	Рост с 2010-х, превысило 1/2 россиян в 2021 г.
	Участие в благотворительности	Рост с 2010-х, ниже чем у 1/2 россиян
	Желание усыновить сироту	Рост до 2018 г., менее чем у 1/4 россиян
	Количество детей-сирот	Снижение с 2005 г., минимум в 2020 г.
	Доля усыновленных детей	Снижение с 1991 г.
Справедливость	Оценка значимости права на социальное обеспечение	С 1990-х не превышает 2/5 россиян
	Индекс Джини	Улучшение с 2007 г., но остается выше уровня 1992 г.
	Доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума	Общая тенденция к снижению с 2000-х
	Доля считающих общество справедливым	Неустойчивый рост с 1990-х, максимум – менее 1/4 россиян
	Доля считающих политику властей справедливой	Неустойчивый рост, максимум – менее 2/5 россиян

увеличилась и доля считающих, что политика властей способствует социальной справедливости; в 2022 г. достигнут максимум в 37%.

С другой стороны, индекс Джини, характеризующий неравенство доходов, после скачка в начале 1990-х почти не изменялся. Подавляющее большинство (более 3/4) россиян не считают устройство нашего общества справедливым, хотя их доля за последние 30 лет снизилась примерно на 15 п.п. При этом динамика доли населения с доходами ниже прожиточного минимума противоположна динамике оценок уровня справедливости общества (коэффициент корреляции по Пирсону –0,44). Очевидно, существование «вопиющей» бедности считается нарушением российских представлений о социальной справедливости. Хотя власти добиваются снижения бедности, однако большинство (около 2/3) россиян не считают политику властей способствующей социальной справедливости.

Как видим, в целом запрос россиян на ценность справедливости нельзя считать удовлетворенным, а тенденции в этой сфере – однозначными.

Итак, мы проверили гипотезу, что закрепленные в Основах духовно-нравственные ценности объективно фиксируются в российском обществе как широко распространенные и имеющие тенденцию к усилению. Общая сводка результатов анализа такова (табл. 2).

Выводы. Таким образом, наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, гуманизма и милосердия. Все показатели, характеризующие ценность жизни, явно выражены и имеют после 1990-х гг. позитивную динамику. Индикаторы ценностей гуманизма и милосердия в основном имеют положительную динамику, хотя уровень их выраженности в обществе не всегда высок. Ценности достоинства личности и прав человека в России укрепляются, доверие к правозащитной системе за последнюю четверть века выросло, но практика восстановления нарушенных прав пока далека от ожидаемой. Часть показателей демонстрируют волнообразные колебания и неустойчивый рост. Постепенно улучшается нравственное состояние российского общества, однако при этом большинство россиян все еще составляют те, кто не чувствует своей ответственности за дела в стране. Духовность стала аморфным понятием, не совсем светским и не совсем религиозным, что перекликается с выводами предыдущих исследований [Rousselet, 2020]. Что касается справедливости, то ее восприятие сильно фрагментировано, в то время как фактическое неравенство доходов в 2022 г. было сильнее, чем в 1992 г. Полученные результаты позволяют сформулировать концептуальные практические рекомендации.

В настоящее время даже в публикациях, направленных на разъяснение Основ, используются конкурирующие наборы ценностей [Багдасарян, Иерусалимский, 2023], что противоречит целям политики по их укреплению и защите. Представляется, что содержание защищаемых «традиционных ценностей» целесообразно конкретизировать и, возможно, объединить их в укрупненные группы. При этом выработка набора этих ценностей и их конвенционального толкования должна вестись максимально открыто. Ведь современная Россия характеризуется большим разнообразием моральных дискурсов, которые, как отмечают исследователи (см., напр., [Stepanova, 2023]), вступают в конфликт практически по всем социально значимым вопросам.

Поставленная цель по защите «традиционных ценностей» диктует необходимость сравнения результатов политики с ситуацией до начала ее реализации, без чего невозможно будет оценить ее результативность и эффективность. Предлагаемые методики оценки [Шашкин и др., 2023], на наш взгляд, не отвечают подобным требованиям. При создании измерительных инструментов для мониторинга «традиционных ценностей», на наш взгляд, стоит уделить приоритетное внимание разработке корректного инструментария оценки выраженности каждой из этих ценностей. Для обеспечения действенного применения Основ как стратегического документа государственной политики методика оценки ценностей должна быть проработана в экспертном сообществе, чтобы затем по ней проводился мониторинг с обязательным условием сопоставимости данных. Новые методики (типа индекса нравственности) должны по возможности основываться на ранее зафиксированных показателях для возможности ретроспективной оценки.

Происходящая в связи с президентскими выборами в марте 2024 г. корректировка национальных целей развития открывает «окно возможностей» для взаимной увязки новых целей развития России до 2030 г. с конкретными «традиционными ценностями». Это позволит системно подойти к реализации политики в области ценностей и придать всей государственной деятельности аксиологическое измерение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю. Ценности российской цивилизации: методическое пособие для вузов. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. [Bagdasaryan V.E., Jerusalemky Yu. Yu. (2023) *Values of Russian civilization*. Yaroslavl: IPK "Indigo". (In Russ.)]
- Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. 2023. № 4. С. 67–93. [Borshchevsky G.A. (2023) Traditional Russian values: institutional analysis. *Politiya. Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki* [Politeia. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics]. No. 4: 67–93. (In Russ.)]
- Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. М.: Ин-т Наследия, 2023. [Shashkin P.A., Rudakov A.B., Volobuev S.G. (2023) *Indicators of the effectiveness of state policy in the field of protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory*. Moscow: In-t Naslediya. (In Russ.)]
- Юревич А.В. Макропсихология современного российского общества. М.: ИП РАН, 2019. [Yurevich A.V. (2019) *Macropsychology of modern Russian society*. Moscow: IP RAN. (In Russ.)]
- Chebankova E. (2020) *Political ideologies in contemporary Russia*. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's university press.
- Robinson P. (2020) Russia's emergence as an international conservative power. *Russia in global affairs*. Vol. 18(1): 10–37.
- Rousselet K. (2020) Dukhovnost' in Russia's politics. *Religion, state and society*. Vol. 48(1): 38–55.
- Stepanova E.A. (2023) Everything good against everything bad: traditional values in the search for new Russian national idea. *Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik*. Vol. 7: 97–118.
- Yasaveev I. (2021) 'Threat', 'protection', 'traditional values' and 'patriotism': Russian authorities' discourse on youth. In: Omelchenko E. (ed.). *Youth in Putin's Russia*. Cham, Palgrave Macmillan: 189–207.

Статья поступила: 29.01.24. Финальная версия: 20.02.24. Принята к публикации: 26.02.24.

EMPIRICAL STUDY OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES AND SOCIAL PRACTICES

BORSHCHEVSKIY G.A.

RANEPА, Russia

George A. BORSHCHEVSKIY, Dr. Sci (Polit.), Full Professor, RANEPА, Moscow Russia (borshchevskiy-ga@ranepa.ru).

Abstract. In recent years, Russia has seen a turn towards conservative values reflected in the presidential decree on year 2022 about the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. We assess the level of expression of some "traditional values" in Russian society. Data from federal statistical observation and departmental (including judicial) statistics were used, and secondary data from representative surveys of leading Russian sociological centers from the early 1990s to 2022, as well as individual results of international surveys (for example, World Values Survey). None indicator fully characterizes values, so the consistent dynamics of groups of indicators was assessed. The hypothesis that the values are indeed traditionales partially confirmed, that is, they recorded objectively and strengthen over time. The most positive trends noted in the implementation of the values of life, humanism and mercy. The situation is contradictory with the values of dignity, human rights and freedoms, high moral ideals, the priority of the spiritual over the material, and justice.

Keywords: traditional values, spiritual and moral values, public opinion.

Received: 29.01.24. Final version: 20.02.24. Accepted: 26.02.24.

ВИДЫ КАПИТАЛОВ В ПОЛЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВОЛОНТЕРСТВА»

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ «Высшая школа экономики», Москва (eiarskaia@hse.ru); [ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна] – доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного центра мониторинговых исследований СГУ имени Гагарина Ю.А., Саратов; КОНОНЕНКО Ростислав Вадимович – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии НИУ «Высшая школа экономики», Москва (rkononenko@hse.ru). Все – Россия.

Аннотация. На материалах интервью рассматриваются особенности социального капитала пожилых волонтеров в рамках подхода П. Бурдьё: показаны неравенство ресурсов и способы конвертации различных видов капитала в поле серебряного волонтерства. Исследование позволяет увидеть проблему формирования социального капитала пожилыми добровольцами через динамические взаимодействия, сложную работу по созданию солидарности и переопределению себя. Показано, что, находясь в авангарде политики активного долголетия и в поле зрения третьего сектора, движение серебряных волонтеров вносит вклад в реализацию неолиберального проекта здорового образа жизни пожилых людей. Идея серебряного волонтерства инклюзивна – пожилые люди получают возможность участвовать в общественной жизни, развиваться, ощущать свою нужность. Реальные практики реализации этой идеи богаты примерами раскрытия человеческого потенциала, создания сплоченных сообществ, воплощения ярких и важных задумок не только прямой социальной помощи, но и социальных изменений. Опыт волонтерства становится инструментом повышения конкурентоспособности в поле с неравным распределением ресурсов.

Ключевые слова: активное долголетие • пожилые • серебряное волонтерство • социальный капитал • интервью

DOI: 10.31857/S0132162524030067

Введение. Вовлечение старшего поколения в добровольчество постулируется в международном плане действий по проблемам старения (ООН, 2002)¹ как способ повышения активного социального участия пожилых, более полного использования их потенциала и опыта, преодоления изоляции. Пожилые люди стали объединяться в России 1990-е гг. для поддержки друг друга, отстаивания собственных интересов и прав. Создавались организации, группы самопомощи – низовыми инициативами и силами учреждений социального обслуживания [Щукина, 2003]. В 2013 г. пожилые волонтеры совместно с молодежью помогали в организации и проведении Универсиады в Казани, где и появился термин «серебряный волонтер».

В последние годы проведены исследования общественного вклада «серебряных» волонтеров (далее – СВ), в частности, понимания их роли на социетальном уровне, где СВ

Авторы признательны коллегам, помогавшим в проведении интервью, а также рецензентам и редакторам журнала «Социологические исследования» за ценные замечания и рекомендации.

Статья подготовлена по результатам проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

¹ Political Declaration and International Plan of Action on Ageing. UN, Madrid, 8–12.04.2002. URL: <https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/MIPAA/political-declaration-en.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

предоставляют услуги, которое государство не может или не желает предоставлять, а рынок не делает их доступнее [Dean, 2014: 146]. Рассмотренное как пространство развития и самореализации старшего поколения волонтерство предстает одной из социальных технологий расширения возможностей (empowerment) людей старшего возраста [Киенко и др., 2022: 210–211], поскольку решает экзистенциальные, социальные, политические, межпоколенческие и иные проблемы личности, социальных общностей и общества в целом [Амбарова, Зборовский, 2017]. На индивидуальном уровне добровольческая активность значима в аспектах удовлетворенности жизнью, субъективной оценки здоровья. Участие пожилых в общественных делах интерпретируется в триаде «здоровье – труд – знания» в терминах концепции «либерализации старения», которая поощряет самостоятельность в поиске ресурсов и средств реализации собственных идей и целей [Рогозин, 2016: 66].

Организация серебряного волонтерства стала задачей государства, муниципальных социальных служб, негосударственных акторов в сфере социальных услуг. Отечественные муниципальные и некоммерческие организации, вузы, молодежные объединения, пенсионные фонды начали объединять пожилых людей для участия в мероприятиях, создавать добровольческие группы и отряды [Розанов и др., 2018]. Объем научной и методической литературы по теме активного долголетия и развития добровольчества пожилых людей в России растет. Вместе с тем вовлеченность пожилых в различные формы общественной деятельности в масштабах страны не высока. На решения пожилых граждан стать волонтерами может влиять их биографическая ситуация, социальная, политическая и экономическая структура, характер символических репрезентаций и общий уровень доверия к третьему сектору. Можно говорить и об особенностях культуры старения, которые формируются историческими, культурными и экономическими условиями, уровнем доверия в обществе, структурой социальных связей, широтой и характером социальных контактов, ресурсами, которыми располагают пожилые люди.

В странах с низким уровнем социальной защищенности риторика активного участия пожилых людей расходится с их потребностями и реалиями неравенства и может стать способом угнетения маргинализированных и находящихся в неблагоприятном положении пожилых людей [Foster, Walker, 2021]. Социальные процессы старения структурированы неравенством в условиях жизни, доступности благ и услуг, а также разнообразием потребностей, неравномерностью возможностей их удовлетворения [Григорьева, Богданова, 2020] и эйджизмом. В развитых странах доля участвующих в добровольчестве пожилых составляет 30–40%. Но при этом среди волонтеров старше 55 лет с большей вероятностью оказываются жители Северной Европы, чем пожилые греки или итальянцы [Angerman, 2011]. Причины этих национальных различий исследователи усматривают в режимах благосостояния, моделях семьи и социальной среде [Salamon et al., 2017]. Исследователи убеждены: волонтерство больше развито в странах с более щедрыми системами социального обеспечения [Ackermann et al., 2023].

Усилия по поддержанию и расширению добровольческой деятельности часто основаны на предположении, что третий сектор, по сравнению с образованием или рынком труда, является ареной равенства и справедливости. Но факты и актуальные контексты указывают, что в сфере волонтерства воспроизводится социальное неравенство. Концепт волонтерства укоренен в представлениях среднего класса о необходимости помогать более уязвимым группам [Hustinx et al., 2022]. Не во всех семьях и сообществах существует традиция волонтерства, не всем одинаково легко воспринять эту идею [Pavelek, 2013: 1077]. Активное участие в общественной работе принимают люди, обладающие большим объемом ресурсов по сравнению с теми, кто не включен в добровольческую деятельность. Однако волонтеры в богатых странах не ощущают такого эффекта от участия в общественно полезных делах, как в бедных.

В 2016 г. 3,2% пожилых россиян были членами общественных организаций, 0,4% принимали участие в их работе². Характерное для менеджериальной точки зрения определение волонтерства как предоставления услуг через формальные организации исключает из поля зрения неструктурированную помощь друзьям, соседям или сообществу, которую чаще оказывают женщины, люди с мигрантским опытом или представители этнических меньшинств, люди с низким уровнем образования и другие группы, нередко подвергаемые дискриминации [Boneham, Sixsmith, 2003; Dean, 2021]. Между тем репертуар общественной активности и участия представителей социальных групп, в частности, пожилых людей намного шире, чем может охватить формальное определение волонтерства или индекс активного долголетия [Парфенова, Галкин, 2023].

Производство знания о СВ нередко осуществляется с точки зрения необходимости управления процессами активизации пожилых людей, на фоне чего складываются неолиберальные и патерналистские мифы и практики [Низамова, 2020; Prisiazhniuk, Holavins, 2023]. Рассматривая СВ как динамичное социокультурное взаимодействие и дискурсивный конструкт, можно попытаться раскрыть это явление на уровне индивидуального опыта [Brown et al., 2010], в аспектах ресурсов и иерархий [Hustinx et al., 2022], в том числе с применением подхода П. Бурдые [Eimhjellen, 2023], релевантность которого показана в изучении неравенства внутри пожилой когорты и в третьем секторе. В частности, показано, что в пожилом возрасте различные формы капитала вносят вклад в формирование «культуры старения», которая становится измерением стратификации [Gilleard, 2020].

Из исследований известно, что чем выше статус социальных групп, тем активнее они в волонтерстве, при этом наиболее последовательным предиктором волонтерства является образовательный статус [Musick, Wilson, 2007], а разные области третьего сектора иерархизированы, в том числе по экономическим, культурным и социальным измерениям [Meyer, Rameder, 2022]. Значит вслед за П. Бурдые волонтерство можно видеть полем, структурированным распределением капитала и неравновесными эффектами от его действия.

Нас заинтересовал взгляд пожилых людей на участие в волонтерстве в контексте самооценки объема и значимости ресурсов, которые аккумулируют и которыми обмениваются СВ. Способы аккумулирования и конвертации видов капитала показаны на основе анализа результатов серии глубинных интервью с пожилыми волонтерами ($N = 18$). Интервью проведены летом 2023 г., проинтервьюировано двое мужчин и шестнадцать женщин от 58 до 76 лет в городах Поволжья: Казани, Самаре, Саратове и Энгельсе. Наибольший стаж серебряного волонтерства у одной из казанских информанток – с 2013 г. Наименьший – с 2021 г. Многие информанты пришли в добровольческие группы через учреждения социального обслуживания населения, некоторые – через благотворительные фонды, ветеранские организации. Интервью проводились с применением тематического гайда, транскрипты подвергнуты процедуре открытого, осевого и выборочного кодирования. Теоретическая перспектива исследования очерчивается концептуальным аппаратом социального капитала по П. Бурдые.

Экономический капитал и неравенство. Экономический капитал информантов – это их личный доход и собственность [Бурдые, 2002: 60], богатство и власть [Musick, Wilson, 2007]. Из интервью вырисовывается картина относительно стабильного экономического положения информантов: до начала волонтерства они были активны, многие продолжали работать, не испытывали сильной материальной нужды. Например, к началу ее волонтерской карьеры одной нашей собеседнице было 73 года, она работала, ощущала себя здоровой, материально обеспеченной, «все-все у меня нормально» (И7)³. Многие упоминают наличие дачи, у некоторых есть автомобиль.

² Комплексное обследование условий жизни населения в 2016 г. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=Комплексное+обследование+условий+жизни+населения#+v+2016+> (дата обращения: 23.02.2024).

³ Здесь и далее шифрами И 1 – И 18 обозначен порядковый номер информанта, сведения об информантах представлены в разделе «Описание полевых данных».

Несмотря на общий позитивный настрой, наши информанты критически оценивают условия жизни пенсионеров, распознают существующее в стране неравенство. Они зачастую ощущают ограниченность своих ресурсов: «...некоторые живут за гранью бедности. Я, например, считаю, что заработала себе пенсию своим трудом, но эти 10 тысяч, знаете, ни о чем» (И5). Некоторые пережили утрату близкого человека и депрессию, другие имеют заболевания и инвалидность. И все же они вкладывают личные ресурсы, организуя других волонтеров, конвертируя экономический капитал в социальный: «я и благодарю их, и поздравляю с какими-то праздниками, и там подарочек куплю на свои деньги ... реальная работа возможна там, где есть определенные отношения» (И1). На экономическом капитале в конечном итоге основаны культурные и социальные ресурсы, которые по этой причине вносят вклад в воспроизводство статусной иерархии [Musick, Wilson, 2007]. Высоко оценивается экономическая независимость, а также капитализируемые характеристики здоровья и ресурсы свободного времени, являясь элементами неолиберальной модели реструктуризации государства всеобщего благоденствия. В бурдьевистской традиции капитал здоровья определяется как совокупность ресурсов, объединяющая элементы всех видов капитала, которые могут быть использованы для сохранения здоровья и совладания с болезнями [Shneider-Kamp, 2021]. Материальная обеспеченность, компетенции и мотивы, прочные социальные связи влияют на жизненные стили и возможности людей в сфере здоровья. Однако указанные активы распределены неравномерно среди пожилой когорты, и в рассматриваемом поле оказываются ее наиболее ресурсные представители.

Неравенство в культурном капитале. Информанты владеют культурными ресурсами в форме знаний, навыков, вкусов, ценностей и предпочтений, которые иерархически структурированы, в том числе в силу специфики поля серебряного волонтерства. Здесь больше ценятся эффективность и лидерство, навыки, востребованные в проектной деятельности, конкурентоспособность индивидов и групп.

Накопление культурного капитала требует усилий по освоению новых форм деятельности и времени, свободного от экономической необходимости [Бурдьё, 2002]. После выхода на пенсию у пожилых людей высвобождается временной ресурс, который они могут конвертировать в значимые для общности блага [Амбарова, Зборовский, 2017: 41]. Информанты рассказывают о приобретении навыков видеосъемки и монтажа, моделирования, шитья одежды, актерского мастерства, учатся готовить проектные заявки, изучают иностранные языки. Бурдьё это называет инкорпорированием или культивированием, связывая с наращиванием «культурной мускулатуры», приобретением культурных свойств [Бурдьё, 2002: 60]. Такая работа требует самоотречения: «замечая за нашими СВ такую особенность. Когда надо – они встали и пошли, и болячки отступают» (И4); «быть очень ответственным и помогать людям, не о себе думать, а больше о людях» (И3).

Многие пожилые женщины, считает другая собеседница, уделяют слишком много времени семье, мужу, внукам, «впадая в жертвенность», поэтому время для нее – это «вопрос цели» (И10). Тема баланса в рассказах информантов соединяется с планированием расписания и достижением договоренностей. И хотя они часто ставят в приоритет волонтерские задачи, а «личные предпочтения отодвигают на задний план» (И9), насыщенность времени делами рассматривается как шанс удовлетворения своих желаний: «если будет интересно, то время найдешь и для себя любимой» (И8). Между тем связь, устанавливаемая между экономическим и культурным капиталом, опосредуется временем, необходимым на их приобретение, а временные ресурсы во многом определяются семейной структурой. Отметим, что в России в 2007 г. около 87% бабушек помогали в воспитании внуков [Синявская, Гладникова, 2007], а в монородительских семьях их помощь востребована еще больше. И чем ниже ее социально-экономический статус, тем больше женщина вовлечена в занятия с внуками [Краснова, 2000].

В наших полевых данных представлены разные случаи. У одних внуков нет, у других – они выросли или живут далеко. Третьим удается все совмещать, получая от жизни

удовольствие: «Ну просто летать охота» (И7). В бурдьевистском смысле обмен капиталом зависит от того, насколько хорошо человек знает ценности и правила обмена, и того, насколько он способен использовать эту систему для дальнейшего накопления капитала [Kukkonen, 2021]. Говорили о межпоколенческих договоренностях, перекройке расписания, навыках планирования, что позволяет сбалансировать функции бабушек и дедушек с задачами участников или руководителей мероприятий.

В фокусе внимания волонтеров всегда менее ресурсные группы. Практики помощи или социокультурные проекты, осуществляемые информантами, не только отражают векторы перераспределения экономического капитала – в том числе из внешних источников (доноров) и от более ресурсных пожилых людей из числа волонтеров к социально уязвимым и слабым, но и пополняют культурный капитал участников движения. Активность СВ в их работе с одинокими немощными людьми, поездки в интернаты к детям-сиротам и в дома престарелых, судя по рассказам информантов и публикациям [Парфенова, 2020], повышают социальную включенность как «подопечных», так и пожилых добровольцев. В этих отношениях проявляется и социальное неравенство, в том числе пожилых людей: адресаты помощи и те, кто навещает их с акциями доброй воли, находятся на разных этапах общественной структуры. Некоторые информанты впервые познают эту огромную социальную дистанцию. Говоря о причинах неучастия других пожилых в волонтерской деятельности, одна из наших собеседниц обнажает глубокие разрывы социальной ткани и травмирующий характер собственного прозрения: «может, брезгают, никто не хочет этим заниматься, ездить в этот вот дом милосердия. Когда я пришла, представляете, я никогда не знала, что есть бомжи. Они грязные, попрошайничают... да, с человеком может случиться несчастье, он может сам где-то оплошать, унизиться до этого, может быть, тюрьму прошел... Господи, вот когда ты приходишь туда, вы знаете, я в шоке была: ты видишь их искалеченных и без ног, и без рук...» (И17). К париям относятся бывшие заключенные, бездомные, люди с ментальными расстройствами, заболеваниями, имобилизованные, и наши информанты убеждены, что для них важно: «в первую очередь не быть обузой для родственников, чтоб в здравом уме, на ногах, не превратиться в бабульку такую» (И14).

«Серебряное волонтерство» в перспективе дискурса активного долголетия и «управленитета». Лейтмотив «не быть обузой» характерен для дискурса долголетия, включающего волонтерство пожилых как способ снизить уровень рисков, продлить активную независимую жизнь [Pavelek, 2013: 1077; Розанов и др., 2018]. В некоторых рассказах делается акцент на принятии образа пожилых людей их молодыми детьми, которые «видят: чем дольше родители будут жить активной жизнью, тем меньше забот они им добавляют» (И6).

Волонтерство часто обсуждают в инструментальном ключе как способ решить личные и социальные проблемы. Такой дискурс становится частью «управленитета» [Фуко, 2011], т.е. отношений, которые связывают управляемых и управляющих, включенных в режимы практик, дискурсов и технологий формирования субъектов [Кларк, 2003: 77] так, чтобы они укрепляли, а не разрушали существующий социальный порядок. В проектах продвижения добровольчества есть элемент неолиберального управленитета, при котором представителей некоторых социальных групп поощряют брать на себя ответственность за свое индивидуальное и коллективное благополучие [Dean, 2014] в ходе реструктуризации государства всеобщего благоденствия [Hemment, 2015: 49].

По убеждению некоторых информантов, важно пересмотреть господствующее представление о пожилых людях исключительно как о «получателях услуг». Альтернативный образ – участники, инициаторы и лидеры мероприятий и проектов – предполагает высокое качество жизни, человеческий потенциал, альтруистическую и инструментальную мотивацию [Anheier, Salamon, 1999]. Эти акторы соответствуют принципам красивого, продуктивного, активного долголетия [Prisiazhniuk, Holavins, 2023]. Скепсис в духе Бурдьё по поводу концепции активного долголетия обусловлен подозрениями, что универсальные позитивные ценности прикрывают интересы и расчеты власть имущих: например,

развивать активность и самодостаточность пожилых необходимо, чтобы сократить расходы на их поддержку [Siisiäinen, 2003: 197].

Пожилым возрастом часто выступает как ограничение. Но в сообществе СВ – это ресурс, символическая ценность, ядро габитуса. Однако формальная организация может не допускать СВ к выполнению задач, которые были бы для них посильны и органичны в их естественной среде: *«подали заявку, а тебя не приглашают. Сказали, возраст... вестибулярный аппарат... Я говорю: да вроде у меня ... нормально все, высоты не боюсь»* (И16). Формализация добровольчества направляет и ограничивает репертуар действий СВ, иногда это ведет к делегитимации субъектности СВ.

Автопортреты наших собеседников создаются скорее в красках бодрости, интереса к жизни и альтруистической этики: *«я всегда активная была»* (И10), *«я по жизни такая энергичная, куда-то все стремлюсь, кому-то мне хочется помочь»* (И3). *«А есть люди, которым ничего не нужно, даже среди молодых, которые будут вот на диване лежать перед телевизором и все»* (И4). У всех индивидуальные причины – у одних *«бывает конечно, и здоровье, конечно, но в основном мне кажется, вот какая-то лень или неохота»* (И14), а другие *«себя заставляют встать и пойти»* (И4).

Однако далеко не все пожилые имеют возможность воплотить принципы активно-долголетия. Здоровье, независимость, достаток, развитость инфраструктуры в разных населенных пунктах опосредуют шансы людей на «продуктивную» или «красивую» старость [Prisiazhniuk, Holavins, 2023], на социальную активность [Осьмук, Незамаева, 2021]. Мотив слабого здоровья как причины неучастия в волонтерстве озвучивается в интервью не напрямую, а в контексте мотивации к преодолению «болячек» и «лени». Хорошее физическое и ментальное здоровье по умолчанию принимается как условие участия, неподходящим представляется потребительское отношение к жизни и социуму: *«Если человек был потребителем пожизненно, он останется хроническим получателем услуг... А тот человек, который сохраняет активность, другим людям раньше помогал – значит, найдешь возможности в пожилом возрасте»* (И1). В этой цитате звучит дихотомия между «успешным участием» и «безуспешной пассивностью» [Katz, Calasanti, 2015], характерная для неолиберальных идеалов активного долголетия [Низамова, 2020].

Конвертация ресурсов в социальный капитал. Нередки были примеры, как пожилые волонтеры выходили с инициативами мероприятий и проектов, и практически во всех интервью один из ключевых лейтмотивов – лидерство. Не имея опыта руководящей работы, пожилые люди отмечают у себя рост менеджерских навыков и качеств: *«мне было сложно руководить людьми, которые имеют такой опыт и по возрасту старше меня, и я стала учиться у них. Сама стала очень организованной. Научилась»* (И9). *«Мне кажется, я справляюсь, уверенность появилась, что я смогла»* (И14). Культурная компетенция – руководить группой, писать проекты – имеет дефицитную ценность и приносит обладателю выгоду. В ряде интервью информанты рассказывали об участии в тренингах по написанию грантовых заявок, своих навыках и успешном опыте подготовки проектов. Однако культурных компетенций недостаточно, нужен и социальный капитал в виде принадлежности к сети контактов, группе, организации.

Становясь частью личности, габитуса, культурный капитал позволяет серебряным волонтерам распознавать, понимать друг друга, увеличивая социальный капитал: *«говоришь: девочки, завтра надо то-то сделать. ... всегда найдутся такие люди, которые говорят: да-да, давайте пойдём, сделаем»* (И4). Волонтеры ощущают востребованность и желание передать свои знания, остаться в памяти людей, что позволяет конвертировать культурный капитал в социальный. Трансляция умений поощряется одобрительным откликом аудитори, получая экспертную оценку: *«Опытный человек отдает свои наработки другим, получает удовольствие от того, что кто-то это принимает, видит результат по благодарности... а отдаленные результаты... видит уже специалист»* (И1). Взаимообмены эмоционально окрашены: *«есть желание вкладываться в других, а если дефицит энергии, – чувствуешь, что необходимо, чтоб в тебя кто-то вложил»* (И1). Эти отношения могут существовать

только в форме работы по установлению социальных связей, непрерывного материального и/или символического обмена, в ходе которых утверждается и подтверждается признание [Бурдые, 2002: 66]. Солидарность делает обмены капиталом возможными и взаимовыгодными. При этом, несмотря на складывающиеся дружеские отношения между волонтерами, часто речь идет о формализованном членстве в группе. В интервью звучали понятия организации, оценки, лидерства, команды, сплоченности и отбора ответственных людей: «если человек не очень, его не берут... сложилась десятка (членов команды), все делаем вместе» (И5).

Признание – не единственная реакция окружающих, с которой сталкиваются наши собеседники. Встречается непонимание, например, при информировании населения о новых услугах: «проводили акцию – и женщина в киоске начала на нас кричать, ругаться: «Что вы здесь ходите, людей заманиваете, такие-сякие!» Телефон доверия – не приняли люди, неправильно воспринимают, даже всячески обзывают» (И3). Рассказывали и о конфликтах, дефиците социальных связей и неприятии. Конкуренция не всегда выигрывается СВ, особенно, если они в одиночку вступают в социальную борьбу в поле, где ресурсы распределены не в их пользу, как произошло с одной из информанток. Будучи главной по дому, она стала инициатором сноса гаражей во дворе для строительства детской площадки. И хотя на момент интервью двор был уже благоустроен, в период конфликта женщина перенесла физическое насилие, а соседи не защитили ее: «У меня нет соседок-подружек. У меня есть те, которые присутствовали при моем избиении. Я с ними даже не здороваюсь с некоторыми... они изображали, что ничего не произошло» (И2).

Многие говорили о положительной репутации движения. Одна из наших собеседниц организовала социальный магазин, и незнакомая женщина принесла ей стул для удобства: «Просто до того тепло стало на душе... Вот думаешь, люди так относятся к тебе – как к волонтеру» (И1). Объем социального капитала растет у всего движения СВ, символические ресурсы увеличиваются признанием волонтерства в обществе.

Исследование самоорганизации людей старшего возраста в трех российских регионах [Киенко и др., 2022], не обнаружило выраженных региональных различий форм самоорганизации СВ. Успешность таких инициатив, согласно выводам исследователей, обусловлено мотивацией, общностью интересов и социальным капиталом объединяющихся пенсионеров. Поддержка ближайшего круга, муниципальных, некоммерческих и частных организаций создают каркас и способствуют увеличению социального капитала СВ за счет солидаризации, а также росту положительной общественной репутации. Пожилые активисты и их сообщества помогают нуждающимся, выявляют тех, кого не замечали, не признавали таковыми, разрабатывают проекты и привлекают ресурсы, тем самым участвуя в решении социальных проблем и снижении социального неравенства [там же: 211].

Как и в других странах с сильным участием государства в социальной сфере, в России волонтерство стало формой гражданской вовлеченности и элементом управления, войдя в систему показателей эффективности чиновников, служб, проектов и самих волонтеров, если они получают статус участников официальных проектов. Ценность волонтерства для пожилых людей – в участии, а для менеджеров – в эффективности, измеряемой количеством участников и грантов. Для получения финансирования организации должны прикладывать к проектам список участников-волонтеров с паспортными данными и подписями. А волонтеры, став членами проектов, должны регистрироваться (например, на портале dobro.ru) и привлекать к участию других, чтобы те стали «полноправными волонтерами», а «ряды множились» (И17). И хотя многим удается присоединиться к акциям, например, вязать носки для отправки в учреждения или в армию, но не все при этом соглашаются регистрироваться на портале, тем самым затрудняется требуемый прирост показателей (И16). В результате применения неоменеджериалистского подхода вокруг участия пожилых волонтеров складывается ситуация дефицита, возникают конкурентные отношения и борьба за эффективность.

Выводы. Поскольку СВ – часть государственной глобальной политики в отношении старшего поколения, этой группе свойственны черты тех, кто участвует в программах активного долголетия, – инициативность, интерес к жизни и самопознанию. Здесь нет формальных ограничений. Практики отбора отдают приоритет наиболее активным и благополучным, здоровым и ответственным. В концепт серебряного волонтерства встроены неоменеджериалистские ориентиры, предполагающие оценку результативности и обращение к экспертному знанию. Практика СВ, таким образом, отвечает идеалам проектной культуры с акцентом на доказательности, планировании и подотчетности. Ценится и развивается лидерство, а опыт волонтерства становится инструментом различения и повышения конкурентоспособности. Образ пожилого волонтера восполняет ценностный дефицит неолиберального идеала – независимого, заботящегося о себе индивида, демонстрируя альтруистическую траекторию старения. Формирование габитуса СВ через инкорпорирование культурных свойств требует усилий, времени, самоограничения. В нарративах о социальном признании появляются коды личного достоинства, востребованности, известности и престижных контактов как легитимных компетенций, означающих узнаваемость субъектов. Соревновательные отношения институционализированы в формате отборочных мероприятий, опосредуются негласными требованиями, связями и неформальными договоренностями. Такие ресурсы в глазах пожилых добровольцев обладают высокой социальной ценностью еще и потому, что вокруг участия в них формируется ситуация конкуренции и дефицита.

Инклюзивная концепция серебряного волонтерства, согласно которой пожилые люди получают возможность развития и самореализации, общественного участия и признания, оформляется неолиберальными ориентирами ответственности и патерналистской логикой помощи нуждающимся. А поскольку к проектам удастся подключить наиболее ресурсных представителей старшего поколения, в самом СВ воспроизводятся статусные иерархии, наделяемые смыслами новой культуры старения, где к образу бодрого и независимого активного долгожителя добавляются просоциальные ориентиры. Символический капитал СВ объединяет в себе элементы проектной культуры с характерными для нее акцентами на управляемости и эффективности, но при этом дополняет ее ценностями альтруизма и коллективизма.

Пожилые люди высоко ценят свое участие в добровольчестве, ощущая полноту и краски жизни, забывая о невзгодах, субъективно выше оценивая свое здоровье. Они делятся своей мудростью, получают новые знания и умения, обретают новые статусы и роли. Многие из них получают выгоды, прежде всего морального плана, их интерес к жизни растет, а их статусы и роли становятся более разнообразными. Накоплено множество примеров раскрытия человеческого потенциала, формирования сообществ, оказания прямой поддержки и реализации социальных изменений. Стоило бы отказаться от бинарного представления об активных и пассивных, пересмотреть определение активности и добрых дел, когда они сведены к формальному участию в группах и программах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание полевых данных

- И1. Самара, ж. 60 лет, организатор СВ в системе социальной защиты более 10 лет, стаж СВ 6 лет, СВ при социальной защите.
- И2. Самара, ж. 65 лет, стаж СВ 7 лет, активист по дому и СВ при социальной защите.
- И3. Самара, ж. 67 лет, стаж СВ 1 год, СВ при социальной защите.
- И4. Самара, ж. 63 года, стаж 3 года, СВ при социальной защите.
- И5. Самара, ж. 76 лет, стаж 3 года, СВ при социальной защите.
- И6. Энгельс, м. 66 лет, стаж 6 лет, СВ при социальной защите.
- И7. Энгельс, ж. 73, стаж 2 года, СВ при социальной защите.
- И8. Энгельс, ж. 60 лет, стаж 4 года, СВ при социальной защите.
- И9. Энгельс, ж. 62 года, стаж 4 года, СВ при социальной защите.

- I10. Энгельс, ж, 58 лет, стаж 3 года, СВ при социальной защите.
I11. Саратов, ж, 76 лет, стаж 3 года, СВ при социальной защите.
I12. Саратов, м, 72 года, стаж 5 лет, СВ при социальной защите.
I13. Саратов, ж, 74 года, стаж 2 года, СВ при социальной защите.
I14. Саратов, ж, 58 лет, стаж 3 года, СВ при социальной защите.
I15. Саратов, ж, 71 год, стаж 5 лет, активист по дому и в экологических городских инициативах, СВ при социальной защите.
I16. Казань ж., 72 года, стаж 10 лет, СВ при социальной защите, в проектах благотворительного фонда, городских сообществ.
I17. Казань, ж, 66 лет, стаж 6 лет, активист благотворительного фонда, инициатив городских сообществ.
I18. Казань, ж, 70 лет, стаж 3 года, активист ветеранской организации, инициатив городских сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбаров П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 35–47. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.3.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 3(5). С. 60–74.
- Григорьева И.А., Богданова Е.А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2020. № 12(2). С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
- Киенко Т.С., Певняя М.В., Телпаева Д.Ф. и др. Практики самоорганизации и активности людей старшего возраста в трех российских регионах // Расширение возможностей (empowerment) людей старшего возраста в практиках самоорганизации и активности / Под ред. Т.С. Киенко. Ростов н/Д.: ФНО, 2022. С. 176–215.
- Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1(1). С. 69–88.
- Краснова О.В. Бабушка в семье // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 108–116.
- Низамова А. Нормативность и личность в старшем возрасте: медиадискурс об «активном долголетии» в современной России // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2020. № 12(1). С. 45–67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67.
- Осьмук Л.А., Незамаева О.Б. Социальная активность пожилых людей, проживающих в крупном городе: возможности и проблемы // Вестник ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 102–110. DOI: 10.17223/1998863X/62/9.
- Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии 2023. № 25(1). С. 200–223. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8.
- Парфенова О.А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580.
- Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: ИС РАН, 2016. С. 8–41.
- Розанов В.А., Мальцева Ю.С., Царанов К.Н. Методическое пособие «серебряное» волонтерство: ключевые аспекты развития. Ассоциация волонтерских центров, 2018. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2018/10/22/Method%20posobie%20serebytyanie%20volonteri.pdf> (дата обращения: 03.12.2023).
- Синявская О., Гладникова Е. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов // Демоскоп Weekly. 2007. № 287. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0287/index.php> (дата обращения: 03.12.2023).
- Фуко М. Безопасность, территории, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 161–162.
- Щукина Н.П. Институт взаимопомощи в социальной поддержке пожилых людей. М.: Дашков и К, 2003.
- Ackermann K., Erhardt J., Freitag M. Crafting Social Integration? Welfare State and Volunteering Across Social Groups and Policy Areas in 23 European Countries // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2023. Vol. 75. P. 283–304. DOI: 10.1007/s11577-023-00881-8.
- Angermann A. Senior Citizens and Volunteering in the European Union. Observatory for Sociopolitical Developments in Europe, November 2011. URL: https://www.sociopolitical-observatory.eu/uploads/tx_

- aebgppublications/Backgroundpaper_Senior_Citizens_Volunteering_11_2011_BEO.pdf (дата обращения: 23.02.2024).
- Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in and the concept of social capital // *Social Sciences: Journal Articles*. Paper 4. URL: http://digitalcommons.bolton.ac.uk/socsci_journalspr/4 (дата обращения: 23.02.2024).
- Boneham M., Sixsmith J. (2003) Volunteering and the concept of social capital // *Social Sciences: Journal Articles*. Paper 4. URL: http://digitalcommons.bolton.ac.uk/socsci_journalspr/4 (дата обращения: 23.02.2024).
- Brown J.W., Chen S.L., Mefford L. et al. Becoming an older volunteer: a grounded theory study // *Nursing Research and Practice*. 2011. DOI: 10.1155/2011/361250.
- Dean J. How structural factors promote instrumental motivations within youth volunteering: A qualitative analysis of volunteer brokerage // *Voluntary Sector Review*. 2014. No. 5(2). P. 231–247. DOI: 10.1332/204080514X14013591527611.
- Dean J. Informal volunteering, inequality, and illegitimacy // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2021. No. 51(3). P. 527–544. DOI: 10.1177/08997640211034580.
- Eimhjellen I. Capital, Inequality, and Volunteering. A Bourdieusian Perspective // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2023. No. 34. P. 654–669. DOI: 10.1007/s11266-022-00501-7.
- Gil-Lacruz M., Saz-Gil M.I., Gil-Lacruz A.I. Benefits of Older Volunteering on Wellbeing: An International Comparison // *Frontiers in Psychology, Section Organizational Psychology*. 2019. No.10. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02647.
- Gilleard Ch. Bourdieu's forms of capital and the stratification of later life // *Journal of Aging Studies*. 2020. Vol. 53. DOI: 10.1016/j.jaging.2020.100851. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol62/iss4/3> (дата обращения: 03.12.2023).
- Haski-Leventhal D. Elderly volunteering and well-being: A cross-European comparison based on SHARE data // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2009. No. 20. P. 388–404.
- Hemment J. *Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs*. Bloomington: Indiana University Press, 2015.
- Hustinx L., Grubb A., Rameder P., Shachar I.Y. Inequality in Volunteering: Building a New Research Front. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2022. No. 33. P. 1–17. DOI: 10.1007/s11266-022-00455-w.
- Katz S., Calasanti T. Critical perspectives on successful aging: does it “appeal more than it illuminates”? // *Gerontologist*. 2015. No. 55(1). P. 26–33. DOI:10.1093/geront/gnu027.
- Kukkonen I. Physical Appearance as a Form of Capital: Key Problems and Tensions // *Sarpila O., Kukkonen I., Pajunen T., Åberg E. (eds) Appearance as Capital*. Leeds: Emerald Publishing. 2021. P. 23–37. DOI: 10.1108/978-1-80043-708-120210002.
- Meyer M., Rameder P. Who Is in Charge? Social Inequality in Different Fields of Volunteering // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2022. No. 33. P. 18–32. DOI: 10.1007/s11266-020-00313-7.
- Musick M.A., Wilson J. *Volunteers. A Social Profile*. Bloomington: Indiana University Press, 2007.
- Pavelek L. Senior Volunteering in the Context of Active Ageing // *World Applied Sciences Journal*. 2013. No. 26(8). P. 1070–1078. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.26.08.1708.
- Prisiazhniuk D., Holavins A. Active Ageing and Social Services: The Paradox of Empowerment in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2023. No. 75(2). P. 309–329. DOI: 10.1080/09668136.2022.2094341.
- Russell A., Nyame-Mensah A., De Wit A., Handy F. Volunteering and Wellbeing Among Ageing Adults: A Longitudinal Analysis // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2018. No. 30(2). P. 115–128. DOI: 10.1007/s11266-018-0041-8.
- Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. *Explaining civil society development: A social origins approach*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2017.
- Schneider-Kamp A. Health capital: toward a conceptual framework for understanding the construction of individual health // *Social Theory and Health*. 2021. No. 19. P. 205–219. DOI: 10.1057/s41285-020-00145-x.
- Siisiäinen M. Two Concepts of Social Capital: Bourdieu vs. Putnam // *International Journal of Contemporary Sociology*. 2003. No. 40. P. 183–204.

Статья поступила: 14.09.23 Финальная версия: 26.02.24. Статья принята к публикации: 06.03.24.

TYPES OF CAPITAL IN THE FIELD OF "SILVER VOLUNTEERING"

*IARSKAIA-SMIRNOVA E.R., **YARSKAYA-SMIRNOVA V.N., * KONONENKO R.V.

*University HSE, Russia; **Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of International Laboratory for Social Integration Research, HSE University, Moscow, Russia (eiaraskaia@hse.ru); [Valentina N. YARSKAYA-SMIRNOVA], Dr. Sci. (Philos.), Prof., Director of the Scientific and Educational Center for Monitoring Research, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia; Rostislav V. KONONENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assos. Prof. of the Department of General Sociology, HSE University, Moscow, Russia (rkononenko@hse.ru).

Acknowledgements. The article is based on the results of a study within the Basic Research Program of the University HSE.

Abstract. The article examines the features of the social capital of elderly volunteers through the prism of the Bourdieusian approach: the inequality of resources is shown and ways of converting various types of capital into the field of volunteering are presented. The temporal aspects of the formation of a volunteer's habitus are revealed. The research makes it possible to see the problem of capital formation by the senior age volunteers through their dynamic interactions, painstaking and difficult work to create solidarity and redefine themselves. Being at the forefront of the policy of active longevity and in the field of view of the third sector, the movement of 'silver' volunteers contributes to the implementation of the neoliberal project of a healthy lifestyle of the elderly. An idea of silver volunteering is inclusive because people in the senior age as a socially vulnerable group get an opportunity to participate in public life, develop, and feel their need. The real practices of implementing this idea are rich in examples of human potential disclosure, the creation of cohesive communities, the embodiment of bright and important ideas not only of direct social assistance, but also of social change. At the same time, the experience of volunteering becomes a tool for distinguishing and increasing competitiveness in a field with an unequal distribution of resources.

Keywords: active aging, elderly, silver volunteering, social capital, interview.

REFERENCES

- Ackermann K., Erhardt J., Freitag, M. (2023) Crafting Social Integration? Welfare State and Volunteering Across Social Groups and Policy Areas in 23 European Countries. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 75: 83–304. DOI: 10.1007/s11577-023-00881-8.
- Ambarova P., Zborovski G. (2017) Volunteers of the 'silver' age: regulating of temporal strategies of behavior of the age group. *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki* [Herald of PNIPU. Socio economic studies]. No. 4: 35–47. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.3. (In Russ.)
- Angermann A. (2011) Senior Citizens and Volunteering in the European Union. *Observatory for Sociopolitical Developments in Europe, November 2011*. URL: https://www.sociopolitical-observatory.eu/uploads/tx_aebgppublications/Backgroundpaper_Senior_Citizens_Volunteering_11_2011_BEO.pdf (accessed 23.02.2024).
- Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in and the concept of social capital. *Social Sciences: Journal Articles*. Paper 4. URL: http://digitalcommons.bolton.ac.uk/socsci_journalspr/4 (accessed 23.02.2024).
- Boneham M., Sixsmith J. (2003) Volunteering and the concept of social capital // *Social Sciences: Journal Articles*. Paper 4. URL: http://digitalcommons.bolton.ac.uk/socsci_journalspr/4 (accessed 23.02.2024)
- Bourdieu P. (2002) Forms of capital. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. No. 3(5): 60–74. (In Russ.)
- Brown J.W., Chen S.L., Mefford L. et al. (2011) Becoming an older volunteer: a grounded theory study. *Nursing Research and Practice*. DOI: 10.1155/2011/361250.
- Clarke J. (2003) Unstable States: The Transformation of Welfare Systems. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 1(1): 69–88.
- Dean J. (2014) How structural factors promote instrumental motivations within youth volunteering: A qualitative analysis of volunteer brokerage. *Voluntary Sector Review*. Vol. 5. No. 2: 231–247. DOI: 10.1332/204080514X14013591527611.
- Dean J. (2021) Informal volunteering, inequality, and illegitimacy. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. No. 51(3): 527–544. DOI: 10.1177/08997640211034580.
- Eimhjellen I. (2023) Capital, Inequality, and Volunteering. A Bourdieusian Perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. No. 34: 654–669. DOI: 10.1007/s11266–022–00501–7.
- Foucault M. (2011) *Security, territories, population*. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year. St. Petersburg: Nauka: 161–162. (In Russ.)
- Gil-Lacruz M., Saz-Gil M.I., Gil-Lacruz A.I. (2019) Benefits of Older Volunteering on Wellbeing: An International Comparison. *Frontiers in Psychology, Section Organizational Psychology*. No. 10. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02647.
- Gilleard Ch. (2020) Bourdieu's forms of capital and the stratification of later life. *Journal of Aging Studies*. Vol. 53. DOI: 10.1016/j.jaging.2020.100851. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol62/iss4/3> (accessed 03.12.2023).

- Grigorieva I.A., Bogdanova E.A. (2020) The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic. *Laboratorium: Zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Journal of Social Research]. No. 12(2): 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-21. (In Russ.)
- Haski-Leventhal D. (2009) Elderly volunteering and well-being: A cross-European comparison based on SHARE data. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. No. 20: 388–404.
- Hemment J. (2015) *Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs*. Bloomington: Indiana University Press.
- Hustinx L., Grubb A., Rameder P., Shachar I.Y. (2022) Inequality in Volunteering: Building a New Research Front. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. No. 33: 1–17. DOI: 10.1007/s11266-022-00455-w.
- Katz S., Calasanti T. (2015) Critical perspectives on successful aging: does it “appeal more than it illuminates”? *Gerontologist*. No. 55(1): 26–33. DOI: 10.1093/geront/gnu027.
- Kienko T., Pevnaia M., Telepaeva D., Ptitsyna N., Kaigorodova L. (2022) Practices of self-organizing and activities of people of senior age in three Russian regions. In: *Widening opportunities (empowerment) of people of senior age in practices of self-organizing and activity*. Ed. by T. Kienko. Rostov-on-Don: FNO: 176–215. (In Russ.)
- Krasnova O.V. (2000) Grandmother in the family. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 108–116. (In Russ.)
- Kukkonen I. (2021) Physical Appearance as a Form of Capital: Key Problems and Tensions. In: Sarpila O., Kukkonen I., Pajunen T., Åberg E. (eds) *Appearance as Capital*. Leeds: Emerald Publishing: 23–37. DOI: 10.1108/978-1-80043-708-120210002.
- Meyer M., Rameder P. (2022) Who Is in Charge? Social Inequality in Different Fields of Volunteering. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. No. 33: 18–32. DOI: 10.1007/s11266-020-00313-7.
- Musick M.A., Wilson J. (2007) *Volunteers. A Social Profile*. Bloomington: Indiana University Press.
- Nizamova A. (2020) Normativity and personality in old age: a media discourse on “Active longevity” in modern Russia. *Laboratorium: Zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Journal of Social Research]. No. 12 (2): 45–67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67 (In Russ.)
- Osmuk L.A., Nezamaeva O.V. (2021) Social activity of elderly people living in a large city: opportunities and problems. *Vestnik TomGU. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 62: 102–110. DOI: 10.17223/1998863X/62/9. (In Russ.)
- Parfenova O.A. (2020) Involvement of the elderly in volunteer and civic activity as a tool to overcome social exclusion. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 4: 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580. (In Russ.)
- Parfenova O.A., Galkin K.A. (2023) Social activity and participation of elderly Russians in the context of active longevity. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 26(1): 200–223. (In Russ.)
- Pavelek L. (2013) Senior Volunteering in the Context of Active Ageing. *World Applied Sciences Journal*. No. 26(8): 1070–1078. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.26.08.1708.
- Prisiazhniuk D., Holavins A. (2023) Active Ageing and Social Services: The Paradox of Empowerment in Russia. *Europe-Asia Studies*. No. 75(2): 309–329. DOI: 10.1080/09668136.2022.2094341.
- Rogozin D.M. (2016) Liberalization of aging, or labour, knowledge and health in senior age. In: *Old people belong here: social interpretation of aging*. Ed. by D. Rogozin, A. Ipatova. Moscow: IS RAN: 8–41. (In Russ.)
- Rozanov V.A., Maltseva Yu.S., Tsaranov K.N. (2018) *Methodological manual “silver” volunteering: key aspects of development. Association of Volunteer Centers*. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2018/10/22/Method%20posobie%20serebryanie%20volonteri.pdf> (accessed 03.12.2023).
- Russell A., Nyame-Mensah A., De Wit A., Handy F. (2018) Volunteering and Wellbeing Among Ageing Adults: A Longitudinal Analysis. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. No. 30(2): 115–128. DOI: 10.1007/s11266-018-0041-8.
- Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (2017) *Explaining civil society development: A social origins approach*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Schneider-Kamp A. (2021) Health capital: toward a conceptual framework for understanding the construction of individual health. *Social Theory and Health*. No. 19: 205–219. DOI: 10.1057/s41285-020-00145-x
- Shchukina N.P. (2003) *Institute of Mutual Assistance in social support of the elderly*. Moscow: Dashkov and K. (In Russ.)
- Siisiäinen M. (2003) Two Concepts of Social Capital: Bourdieu vs. Putnam. *International Journal of Contemporary Sociology*. No. 40: 183–204.
- Sinyavskaya O., Gladnikova E. (2007) Adult children and their parents: intensity of contacts. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. No. 287. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0287/index.php> (accessed 03.12.2023). (In Russ.)

Е.А. ЦАЦУРА, А.А. ОСАВОЛЮК

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОПЫТА БЕЗДОМНОСТИ СРЕДИ РОССИЯН (ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ОПРОСА)

ЦАЦУРА Елена Алексеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (tsatsura-ea@ranepa.ru); ОСАВОЛЮК Александра Андреевна – младший научный сотрудник (osavolyuk-aa@ranepa.ru). Обе – Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИГЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.

Аннотация. На основе базы данных репрезентативного обследования «Человек, семья, общество – 2023» (N = 9508 человек) выявлено, что в течение жизни 4,6% взрослого населения России имели опыт уличной бездомности. Со скрытой бездомностью сталкивались 13,5% россиян. Стаж бездомности более 1 года в течение жизни был у 4,8% опрошенных, в том числе 2,5% имели стаж более 3 лет. Уличная бездомность имеет преимущественно мужское лицо, в то время как скрытая бездомность высока и среди женщин. Частое потребление крепкого алкоголя значимо повышает вероятность опыта уличной бездомности. Такие характеристики респондентов как мужской пол, низкий среднедушевой доход, курение повышают вероятность наличия опыта бездомности за последние 10 лет, в то время как брак, высшее образование, наличие детей до 18 лет ее снижают. Распространенность опыта бездомности не дифференцирована между федеральными округами, городской и сельской местностью. У имевших в прошлом опыт бездомности в настоящем чаще сохраняется нестабильная жилищная ситуация, они чаще живут в коммунальных квартирах или в общежитиях, в съемном жилье. Опыт бездомности связан с отсутствием жилья в собственности человека или его семьи. Он также тесно связан с ощущением одиночества, конфликтами в семье, неудовлетворенностью жизнью. По сравнению с рядом западных стран в России выше доля населения, имевшего опыт бездомности в течение жизни, и дольше средний срок нахождения в таких ситуациях.

Ключевые слова: бездомность • опыт бездомности • стаж бездомности • риски бездомности

DOI: 10.31857/S0132162524030077

Опыт бездомности как объект анализа. Численность бездомных людей является важным индикатором масштабов социального исключения в обществе [Coumans et al., 2017]. Знание о количестве затронутых проблемой бездомности может сыграть ключевую роль в том, попадет ли данный вопрос в повестку социальной политики и будет ли на него выделено необходимое бюджетное финансирование [Amore et al., 2011].

Ретроспективные вопросы об опыте бездомности в выборочных опросах населения – один из подходов для оценки масштабов бездомности на страновом уровне. Такой метод позволяет узнать, сколько людей столкнулось хотя бы с одним эпизодом бездомности в течение определенного периода (в течение всей предшествующей жизни, за последние 10 лет, в последний год) [Fitzpatrick et al., 2000]. Однако такими опросами можно охватить только бывших бездомных, у которых стабилизировалась жилищная ситуация. Те, кто умер во время бездомности, либо живет в момент опроса на улице или в различных типах учреждений, не будут охвачены, так что этот метод не дает возможности оценить численность бездомных людей в настоящий момент [Meयर et al., 2021].

Исследователи подчеркивают также, что в ретроспективных исследованиях недостаточно представлены люди с длительным опытом бездомности, у которых меньше шансов быть опрошенными [Brousse, 2004]. На основе полученных оценок можно говорить только о нижней границе численности людей, столкнувшихся с опытом бездомности.

Ретроспективные опросы дают возможность исследовать не только уличную, но и скрытую бездомность (вынужденное проживание в квартире друзей, постоянное проживание в хостелах и т.п.). Ведь уличная бездомность – только часть более крупной динамичной проблемы жилищной и финансовой депривации и неблагополучия. Основной канал предотвращения и реагирования на бездомность – межличностные сети общения и поддержки. Хотя ночевки у друзей и родственников часто не рассматриваются в качестве формы бездомности, именно такой вариант временного проживания используют большинство людей, попадающих в ситуацию бездомности. Этот этап является важной поворотной точкой для людей, попадающих на улицы и в приюты [O'Donnell, 2021]. Узкие определения, концентрирующиеся только на уличной бездомности, сосредотачивают внимание на людях, требующих специализированной поддержки в связи с зависимостями, психическими нарушениями, опытом нахождения в местах лишения свободы и т.д. Более широкие определения, включающие в себя и скрытых бездомных (например, ютящихся у знакомых, в хостелах и т.п.), позволяют увидеть экономические причины бездомности, ее связь с бедностью, неравенством, провалами рынков жилья, потерей работы, недостатками системы социальной защиты, системы здравоохранения [Burt, 2001; Bramley, Fitzpatrick, 2018].

Есть много примеров исследований, в которых задавались ретроспективные вопросы об опыте бездомности, – в США [Link et al. 1995; Tompsett et al. 2006; Fusaro et al. 2018; Tsai, 2018], Великобритании [Pickering et al., 2003; Bramley, Fitzpatrick, 2018], Австралии [ABS, 2014; Chamberlain, Johnson, 2015], Канаде [Dionne et al., 2023], странах Европы [Brousse, 2004; Toro et al., 2007; Taylor et al., 2019; Develtere, 2022]. В России таких оценок ранее не проводилось. Изучение бездомности российскими авторами в последние годы было связано с анализом социальной исключенности бездомных людей [Коваленко, 2011, Цацура, 2014], количественным [Цацура, Клюева, 2022; Орешина и др., 2019] и качественным [Кузинер, 2020] анализом характеристик уличных бездомных. В 2022 г. в исследовании ВЦИОМ по заказу «Ночлежки» отмечалось, что почти треть россиян (28%) сталкивались с рисками бездомности за последние 2–3 года, в том числе тратили более половины дохода семьи на оплату жилья (14%), долго жили у родственников и знакомых на основе гостеприимства (6%), не знали, где будут жить в следующем месяце (3%)¹.

Методология анализа. Исследовательские вопросы, поставленные в рамках данной работы, – это не только оценка распространенности опыта бездомности среди населения России, но и анализ длительности стажа бездомности, выявление групп с высоким риском бездомности. Для поиска ответов на них в 2023 г. в репрезентативный общероссийский телефонный опрос ИНСАП РАНХиГС «Человек, семья, общество» были включены вопросы об опыте скрытой бездомности, уличной бездомности, а также о давности и сроке нахождения в таких ситуациях. Большая выборка обследования – 9508 человек – позволяет комплексно проанализировать положение этой узкой социальной группы.

Исследование проводилось по распространенной в современном мире методологии для оценки доли населения, сталкивавшегося с ситуацией бездомности в течение предшествующей жизни (lifetime prevalence of homelessness), а также за последние годовой, 5- и 10-летний периоды (past-year, 5-year, 10-year prevalence of homelessness). В ходе исследования проверялись следующие гипотезы:

– в ситуациях бездомности чаще оказываются на небольшой период в жизни (до 1 года);

¹ ВЦИОМ и Ночлежка: около трети россиян – в риске бездомности // Ночлежка. 27 октября 2022 г. URL: https://homeless.ru/news/vtsiom_i_nochlezhka_okolo_treti_rossiyan_v_riske_bezdomnosti/ (дата обращения: 10.01.2024).

- бездомность тесно связана как с социально-демографическими факторами (пол, возраст, брачный статус, наличие детей, образование, бедность, жилищные условия), так и с поведенческими (курение, потребление алкоголя, одиночество, конфликтность);
- бездомность – это проблема городского населения;
- у сталкивавшихся с бездомностью сохраняются риски повторения и продолжения данного опыта.

Четвертая волна опроса «Человек, семья, общество», давшая материал для проверки этих гипотез, проводилась с 23 марта по 3 мая 2023 г. Данные репрезентировали население России 18–72 лет. Опрос проводился методом телефонного интервью с электронным заполнением опросника. Формирование выборки происходило с помощью случайной систематической стратификации по номерам мобильных телефонов. Распределение выборочной совокупности по территориальным стратам осуществлялось пропорционально численности населения в целевом возрастном диапазоне, проживающего на территории, которая рассчитывалась по данным Росстата на 1 января 2022 г. Половозрастная структура выборки опроса отличалась от данных Росстата лишь на 1–2 п.п., поэтому ее взвешивание не проводилось.

Опыт скрытой бездомности был операционализирован в опросе формулировкой «Приходилось ли вам в жизни продолжительное время, более двух месяцев, жить вне дома, у друзей, в хостелах, гостиницах, каких-либо учреждениях не из-за учебы или работы, а потому что больше нигде было жить?». Опыт уличной бездомности операционализировался как «Приходилось ли вам в жизни несколько ночей подряд ночевать в подъезде, в нежилых помещениях, на улице (кроме туризма)?». Респондентам предлагалось выбрать из двух вариантов ответов – «да, приходилось» и «нет, не приходилось».

Результаты опроса показали, что целых 15,0% современных россиян имели какой-то опыт бездомности. При этом в течение жизни обладали опытом скрытой бездомности 13,5% опрошенных, в том числе за последние 10 лет – 6,5%. Опыт уличной бездомности в течение жизни имели 4,6%, в том числе за последние 10 лет – 2,0%. Таким образом, размеры подвыборок достаточны для статистического анализа. Ограничением исследования является то, что вопросы про давность опыта бездомности и длительность опыта бездомности задавались про *любой* опыт, а не отдельно про опыт скрытой бездомности и опыт уличной бездомности.

Чтобы проанализировать вклад факторов в повышение вероятности опыта бездомности, была построена эконометрическая модель. В качестве эмпирической стратегии выбрана логит-модель со стандартными робастными ошибками. Зависимой переменной выступает бинарный показатель, равный 1, если у человека есть опыт скрытой бездомности за последние 10 лет (в модели 1), уличной бездомности за последние 10 лет (в модели 2) и любой бездомности за последние 10 лет (уличной и скрытой) (в модели 3). Среди объясняющих переменных были выбраны различные социально-демографические детерминанты: пол респондента (1 – мужской), возраст и возраст в квадрате, наличие высшего образования (1 – если респондент имеет диплом о высшем образовании), брачный статус (1 – если человек находится в официальном или фактическом браке), тип населенного пункта (1 – если человек проживает в городе), бедность (1 – если среднедушевой доход домохозяйства ниже одного прожиточного минимума в 2023 г.), вредные привычки (курение, употребление крепких алкогольных напитков раз в неделю и чаще), статус безработного и число детей до 18 лет в домохозяйстве. Ненаблюдаемые различия характеристик регионов контролировались с помощью сета бинарных переменных по регионам проживания респондента. Для проверки значимости различий между группами проводился тест Стьюдента на равенство средних для двух независимых выборок: описанные далее различия являются значимыми на 1-процентном уровне значимости.

Результаты анализа. По результатам опроса «Человек, семья, общество – 2023», в целом опыт уличной или скрытой бездомности в течение всей жизни имели 15,0% опрошенных. Если же учесть, как давно в последний раз респонденты оказывались в ситуации

бездомности, то за последний год сталкивались с каким-либо опытом бездомности 2,0%, в течение предшествующих пяти лет – 4,7%, в течение последних 10 лет – 7,0%.

Для оценки масштабов проблемы бездомности важное значение имеет длительность ситуаций бездомности. Большинство имевших опыт бездомности, как и ожидалось, попадали в ситуации бездомности на срок не более года. Если говорить о доле взрослого населения, имеющего длительный стаж бездомности (а значит, с большой вероятностью нуждающегося в дополнительной социальной и психологической поддержке со стороны государства), то это – 4,8% (со стажем уличной или скрытой бездомности более одного года), в том числе 2,5% со стажем более трех лет в течение жизни.

Согласно результатам моделирования, мужчина имеет опыт скрытой бездомности с вероятностью на 1,6 п.п. выше, чем женщина. В то же время опыт уличной бездомности среди мужчин встречается чаще на 2,8 п.п. относительно женщин. В целом по выборке среди мужчин 7,8%, а среди женщин только 1,8% сталкивались с ситуациями, когда приходилось несколько ночей подряд ночевать в подъезде, в нежилых помещениях, на улице. С ситуациями, когда приходилось продолжительное время (более двух месяцев) жить вне дома (у друзей, в хостелах, гостиницах, каких-либо учреждениях) не из-за учебы или работы, а потому что больше нигде было жить, сталкивались 16,8% мужчин и 10,7% женщин.

Если человек сейчас находится в официальном или фактическом браке, то вероятность иметь в прошлом опыт бездомности у него ниже на 3,2 п.п. по сравнению с незамужними людьми. При этом вероятность у женатого человека снижается как для уличной бездомности (на 1,6 п.п.), так и для скрытой бездомности (на 3,0 п.п.). Важным фактором, связанным с опытом бездомности в прошлом, является также наличие детей. Для людей с опытом скрытой бездомности наличие несовершеннолетних детей в домохозяйстве на 1 п.п. снижает вероятность опыта бездомности. В то же время этот фактор оказывается незначимым, когда речь идет об уличной бездомности.

Похожий и значимый эффект наблюдается и от высшего образования: люди с высшим образованием имеют опыт бездомности в прошлом с вероятностью ниже в среднем на 1–2 п.п. относительно людей без высшего образования.

Возраст также оказался значимым фактором, причем имеет место нелинейность зависимости (полином 2-й степени также оказался значимым на уровне значимости 1%). Чаще всего сообщали об опыте скрытой бездомности люди в возрасте 31,2 года, а об опыте уличной бездомности – в возрасте 34,9 лет.

Данные показывают, что попадание в ситуации бездомности (как скрытой, так и уличной) в основном происходит до 60 лет. Это также может свидетельствовать о том, что при возникновении ситуации бездомности после 60 лет люди с меньшей вероятностью возвращаются обратно в общество, а чаще погибают или доживают в приютах и государственных социальных учреждениях.

Бездомность в России считается исключительно городским феноменом. Однако тип населенного пункта оказался незначим, т.е. опыт бездомности одинаково распространен среди городских и сельских жителей. Можно предположить, что, несмотря на проживание на момент опроса в селе, сам опыт ситуаций бездомности мог быть получен при временном проживании в городах, но текущее исследование не дает возможности проверить такую гипотезу. Не значимыми оказались и различия по доле имевших опыт бездомности между федеральными округами. Практически во всех федеральных округах доля имевших опыт скрытой бездомности за последние 10 лет не отличается от выборки в целом; эта доля чуть меньше в Северо-Западном ФО (5,3%) и чуть больше в Дальневосточном ФО (8,4%). Доля же имевших опыт уличной бездомности во всех федеральных округах составляет 4–5%, выделяется лишь Дальневосточный ФО (6,5%).

Подтвердилось ожидание, что финансовая уязвимость играет важную роль с точки зрения опыта бездомности: принадлежность человека к группе людей с доходом ниже прожиточного минимума повышает вероятность опыта скрытой бездомности на 3,4 п.п., а уличной бездомности – на 1,4 п.п. Опыт бездомности, таким образом, однозначно

связан с плохим материальным положением и с низкой финансовой грамотностью. Так, опыт бездомности за последние 10 лет существенно выше среди тех, кто выплачивает микрозаймы (13,4% таких заемщиков имели опыт скрытой бездомности, а 8,6% – уличной бездомности), задерживал выплаты по кредитам на два и более месяцев из-за нехватки средств (20,3% таковых имели опыт скрытой бездомности и 8,9% – опыт уличной бездомности, в то время как среди всех опрошенных их было, напомним, 6,5% и 2,0%).

Отсутствие работы оказалось незначимой переменной. Следовательно, согласно нашим результатам, безработица в настоящее время мало связана с опытом бездомности за прошедшие 10 лет.

Значимым фактором оказалось курение: курящие люди чаще имели опыт бездомности (на 1,9–2,2 п.п. выше). В то же время частое потребление крепкого алкоголя (не реже чем 1 раз в неделю) оказалось значимо только для опыта уличной бездомности (оно повышает вероятность опыта уличной бездомности на 1,3 п.п.). Однако для скрытой бездомности в данном аспекте нет значимых различий.

Итак, большинство проверяемых факторов оказались значимо связаны с опытом скрытой и уличной бездомности, эти результаты устойчивы при применении разных спецификаций (табл. 1).

Дополнительно рассмотрим ряд других параметров, которые также могут свидетельствовать о большей уязвимости к бездомности.

Отмечено, что у людей, имевших опыт бездомности, более нестабильная жилищная ситуация. Опыт бездомности в прошлом тесно связан с ощущением рисков потери жилья в течение следующего года. Среди тех, кто оценивает как высокий свой риск оказаться без жилья в следующем году, 27,1% уже имели опыт скрытой бездомности до 10 лет назад и 22,6% уже имели опыт уличной бездомности в течение жизни.

Опыт бездомности также связан с худшими жилищными условиями и ожиданием их ухудшения в скорой перспективе. Среди тех, кто ожидает в ближайшие три года ухудшения своих жилищных условий, 15,3% уже имели опыт скрытой бездомности за последние 10 лет. Среди тех, кто оценивает свои жилищные условия как «плохие», 14,7% (а среди оценивающих жилищные условия как «очень плохие» – даже 21,8%) уже имели опыт скрытой бездомности до 10 лет назад (по сравнению с 6,5% среди всех опрошенных). Опыт уличной бездомности в течение жизни имели 9,4% живущих в плохих жилищных условиях и 19,5% живущих в очень плохих жилищных условиях (по сравнению с 4,6% среди всех респондентов).

Коммунальные квартиры, комнаты, общежития и другие виды жилья низкого качества аккумулируют людей с опытом бездомности, становясь доступным вариантом решения жилищных проблем по крайней мере на время. Так, среди проживающих на момент опроса в таком жилье в 3,5 раза выше доля имевших уличный опыт бездомности до 10 лет назад (7,1%) и 2,4 раза выше доля имевших опыт скрытой бездомности до 10 лет назад (15,7%).

Намного выше риски опыта бездомности и у тех, кто живет в арендованном жилье или в «служебном», принадлежащем государству либо предприятию. Среди живущих в арендованном жилье оказалась в 4 раза выше доля имевших опыт скрытой бездомности до 10 лет назад (16,4%) и почти в 7 раз выше доля имевших уличный опыт бездомности до 10 лет назад (6,2%) по сравнению с теми, кто живет в своем собственном жилье.

Кроме того, опыт бездомности тесно связан с одиночеством и ощущением неудовлетворенности жизнью. В частности, в 2,7 раза выше доля имевших опыт скрытой бездомности до 10 лет назад (14,6%), и в 6,7 раза выше доля имевших опыт уличной бездомности до 10 лет назад (10,0%) среди тех, кто совсем не удовлетворен жизнью, по сравнению с удовлетворенными жизнью (5,5% и 1,5% соответственно). Также чем более одинокими чувствуют себя люди, тем выше среди них доля имевших опыт бездомности до 10 лет назад. Среди тех, кто почти всегда чувствовал себя одиноким, в 3,9 раза выше доля имевших опыт скрытой бездомности (19,8%) и в 9 раз выше доля имевших опыт уличной

Таблица 1

Логит-модель, оценивающая связь факторов с опытом бездомности

Переменные	1		2		3	
	скрытая бездомность	предельные эффекты	уличная бездомность	предельные эффекты	любая бездомность	предельные эффекты
Пол (1-мужской)	0,266*** (0,0947)	0,0156*** (0,00558)	1,373*** (0,216)	0,0282*** (0,00479)	0,339*** (0,0914)	0,0212*** (0,00576)
В браке	-0,506*** (0,0982)	-0,0297*** (0,00581)	-0,770*** (0,180)	-0,0158*** (0,00380)	-0,519*** (0,0948)	-0,0325*** (0,00598)
Есть высшее образова- ние	-0,346*** (0,0968)	-0,0203*** (0,00570)	-0,494*** (0,177)	-0,0102*** (0,00370)	-0,364*** (0,0934)	-0,0228*** (0,00586)
Возраст	0,0885*** (0,0215)	0,00520*** (0,00127)	0,167*** (0,0397)	0,00343*** (0,000839)	0,0889*** (0,0207)	0,00557*** (0,00130)
Возраст в квадрате	-0,00142*** (0,000257)	-8,36e-05*** (1,52e-05)	-0,00239*** (0,000483)	-4,91e-05*** (1,03e-05)	-0,00144*** (0,000248)	-9,00e-05*** (1,57e-05)
Живет в городе	0,177 (0,120)	0,0104 (0,00703)	-0,192 (0,190)	-0,00394 (0,00391)	0,157 (0,115)	0,00983 (0,00723)
Доход ниже 1 ПМ	0,583*** (0,105)	0,0342*** (0,00627)	0,665*** (0,179)	0,0137*** (0,00378)	0,566*** (0,103)	0,0355*** (0,00650)
Курит	0,319*** (0,0931)	0,0187*** (0,00549)	0,759*** (0,176)	0,0156*** (0,00373)	0,370*** (0,0895)	0,0232*** (0,00563)
Пьет алкоголь раз в неде- лю и чаще	0,194 (0,136)	0,0114 (0,00798)	0,621*** (0,199)	0,0128*** (0,00411)	0,206 (0,130)	0,0129 (0,00813)
Безработный	0,182 (0,133)	0,0107 (0,00784)	0,278 (0,213)	0,00573 (0,00438)	0,211* (0,128)	0,0132* (0,00802)
Число детей в домохо- зяйстве	-0,165*** (0,0589)	-0,00969*** (0,00347)	-0,0841 (0,0993)	-0,00173 (0,00205)	-0,163*** (0,0564)	-0,0102*** (0,00354)
Фиксирован- ные эффек- ты региона	Да		Да		Да	
Константа	Да		Да		Да	
Число наблюдений	9,210	9,210	8,338	8,338	9,210	9,210

Примечания. Зависимая переменная – есть/нет опыт бездомности в прошлом (модель 1 – скрытой, модель 2 – уличной, модель 3 – любой из двух). Метод оценки – логит-модель со стандартными робастными ошибками. В каждом столбце слева посчитаны коэффициенты регрессии, справа – предельные эффекты. В круглых скобках указаны стандартные робастные ошибки. * – переменная значима на уровне 10%, *** – переменная значима на уровне 1%.

бездомности (11,7%) по сравнению с теми, кто почти никогда не чувствует себя одиноким (5,1% и 1,3% соответственно). Также по сравнению со средним по выборке в 2,4 раза выше была доля имевших опыт скрытой (15,5%), и в 3,7 раза выше доля имевших опыт уличной бездомности (7,3%) у тех, кто за последний год часто или очень часто имел серьезные ссоры и конфликты с членами семьи (табл. 2).

Таблица 2

Доля имеющих опыт бездомности в зависимости от типа жилья, удовлетворенности жизнью, чувства одиночества, частоты серьезных конфликтов с членами семьи

	Опыт скрытой бездомности до 10 лет назад	Опыт уличной бездомности до 10 лет назад
Жилье принадлежит лично респонденту	4,2	0,9
Арендованное жилье	16,4	6,2
Удовлетворены жизнью	5,5	1,5
Полностью не удовлетворены	14,6	10,0
Почти никогда не чувствуют себя одиноко	5,1	1,3
Почти всегда чувствуют себя одиноко	19,8	11,7
Никогда нет серьезных конфликтов с членами семьи	5,0	1,4
Часто и очень часто серьезные конфликты с членами семьи	15,5	7,3
Респонденты в целом	6,5	2,0

Примечания. По ответам на вопрос «Ваше жилье принадлежит вам лично, членам вашей семьи, это арендованное, съемное жилье или что-то другое?». Допускались варианты ответов: 1. Вам лично (в т.ч. ипотечное), 2. членам вашей семьи (в т.ч. ипотечное), 3. арендованное, съемное жилье, 4. другое (государству, предприятию); «Насколько вы сейчас удовлетворены своей жизнью в целом: полностью удовлетворены, скорее удовлетворены, скорее не удовлетворены, полностью не удовлетворены?»; «В последнее время вы почти всегда, часто, редко или почти никогда чувствовали себя одиноко?»; «Как часто за последний год между вами и членами вашей семьи случались серьезные ссоры, конфликты – очень часто, часто, редко, очень редко или никогда?»; t-критерий для равенства средних (p-value) везде $p < 0,001$.

Сравнение ситуации в России с другими странами. Сравнить получившиеся результаты с другими исследованиями напрямую невозможно из-за различий в подходах к формулировкам вопросов, определяющих опыт бездомности. В частности, в обследовании по России ситуация временного вынужденного проживания у родственников не была перечислена в вопросе о скрытой бездомности (указывалось лишь временное проживание у друзей), тогда как в обследованиях в «индивидуалистических» странах Запада (Европе, Австралии, Канаде) проживание у родственников также считается опытом бездомности. В части оценок уличной бездомности вопросы тоже несколько различаются: в российском опросе включены ситуации исключительно уличного опыта (ночевки в подъезде, на улице и нежилых помещениях), а в зарубежных исследованиях также включен опыт проживания в специализированных учреждениях для бездомных людей.

Несмотря на указанные различия, можно примерно сопоставить распространенность опыта бездомности в России и других странах. По данным исследования Евростата 2018 г. по 12 странам Европы, лишь порядка 4,0% опрошенных хотя бы один раз попадали в ситуацию бездомности в течение предшествующей жизни (в разных странах ситуация варьируется от 1 до 10%) [Develtere, 2022], тогда как по данным нашего опроса в России такой опыт имели целых 15,0% опрошенных. В европейских странах вынужденно временно жили у родственников или друзей 3,0%, а 1,0% имели опыт жизни на улице, в общественных местах или специализированных учреждениях для бездомных людей. Почти четверть среди имевших опыт бездомности находились в такой ситуации более 12 месяцев (11,5% от 12 до 24 месяцев, 12,0% более 24 месяцев) [Develtere, 2022]. В России находились в такой ситуации более года треть среди имевших опыт бездомности (15,0% от 1 до 3 лет, 16,8% более 3 лет).

В других западных странах масштабы бездомности более сравнимы с Россией. Так, в Австралии, по данным опроса GSS 2010 г., 13% опрошенных имели опыт бездомности в какой-то период своей жизни [O'Donnell, 2020]. Опыт бездомности при этом операционализирован как попадание в ряд ситуаций – жили у родственников, жили в доме друзей, жили в доме на колесах, жили в пансионате/общежитии/хостеле, ночевали в ночном приюте, жили в приюте для бездомных, жили в убежище (например, приюте для женщин), жили в заброшенном здании, спали вне жилых помещений (на улице, в машине, в палатке и т.п.) – по причинам, которые не связаны с личным решением человека. А в Канаде, по данным жилищного обследования 2021 г. [Dionne et al., 2023], 10,5% опрошенных попадали в ситуации скрытой бездомности (вынуждены временно жить у родственников или друзей), а 2,5% имели опыт уличной бездомности в течение жизни. Напомним, что в России опыт скрытой бездомности в течение жизни (без учета вынужденного проживания у родственников) имели 13,5% опрошенных, а опыт уличной бездомности 4,6%. При учете проживания у родственников в качестве скрытой бездомности данные по России могли бы быть значительно выше.

Принимая во внимание ограничения сопоставимости из-за разницы в формулировках вопросов, можно сделать вывод, что в России по сравнению с экономически высоко развитыми странами выше доля взрослого населения, сталкивавшегося с ситуациями бездомности в течение жизни, а также в среднем дольше срок нахождения в ситуациях бездомности.

Выводы. У каждого подхода к учету и оценке численности бездомных людей есть свои сильные и слабые стороны, и ретроспективные выборочные опросы – не исключение. В частности, ретроспективные опросы домохозяйств занижают численность длительно бездомных людей, а также не позволяют дать ответ о том, сколько людей находятся в ситуации бездомности в конкретный момент. Кроме того, требуются большие выборки, чтобы выявить достаточное для анализа число имевших опыт бездомности в прошлом [Brousse, 2004]. Тем не менее такой метод позволяет оценивать масштабы проблемы бездомности на страновом уровне.

Как показал наш анализ по данным обследования «Человек, семья, общество – 2023», опыт скрытой бездомности обнаруживается почти у каждого 6-го мужчины и у каждой 9-й женщины в России. Более тяжелый опыт уличной бездомности имеет каждый 13-й мужчина и каждая 50-я женщина. Итак, в масштабах страны около 5,4 млн чел. имели опыт уличной бездомности в течение своей жизни, в то время как 15,7 млн чел. сталкивались со скрытой бездомностью. Кроме того, за год, предшествующий опросу, в ситуациях какой-либо бездомности оказывались порядка 2 млн чел². Таким образом, хотя кризисные 1990-е остались далеко позади, проблема бездомности все еще имеет существенные масштабы. Около трети имевших опыт бездомности находились в таких ситуациях более 1 года.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Бездомность – это процесс с чередой этапов домашней-бездомной жизни, не всегда являющийся финальной частью жизни. Бездомность – не только постоянное проживание «на улице», для большинства – это чередование уличного опыта и проживания в чужом жилье, у кого-то из знакомых или в каких-то учреждениях (хостелах, рабочих домах, государственных и негосударственных учреждениях для бездомных людей). Бездомность – не постоянная характеристика человека, а ситуация, в которую он может попасть и потом из нее выйти. Через опыт бездомности проходят миллионы людей, и эти люди – часть обычного общества. Для большинства – это короткий разовый эпизод трудной жизненной ситуации, для других – череда более и менее стабильных жилищных ситуаций, для третьих – длительные сложности, которые могут закончиться как гибелью, так и стабилизацией ситуации. Уличная бездомность имеет мужское лицо, но риски скрытой бездомности высоки и среди

² Для оценки взята среднегодовая численность населения в возрасте 18 лет и старше по данным Росстата за 2022 г. (116,5 млн чел.) за 2022 г.

женщин. Аналогичные результаты показаны и в зарубежных исследованиях [Please, 2016; Bretherton, 2017]. Попадание в ситуации бездомности более распространено для молодых и средних возрастов как среди мужчин, так и среди женщин. У имевших опыт какой-либо бездомности в дальнейшем сохраняется нестабильная жилищная ситуация с высокой вероятностью повторения ситуации бездомности и ожиданием ухудшения жилищных условий. Они чаще живут в коммунальных квартирах, общежитиях, однокомнатных квартирах, а также в съемном жилье.

Высокий риск бездомности связан с низким уровнем образования, низким уровнем материальной обеспеченности и низким уровнем финансовой грамотности (используют микрозаймы, имеют задолженности по кредитам), высокой конфликтностью и одиночеством. При этом бездомность нельзя назвать проблемой только городского населения: среди сельского населения не меньше доля имевших опыт и скрытой, и уличной бездомности. Кроме того, доля имевших опыт бездомности по стране практически не различается между федеральными округами.

Всё это говорит о важности государственной политики в области жилищного рынка и социальной защиты. Проанализированные данные подтверждают выводы, что в причинах бездомности играют роль не только множественные личные проблемы (низкое образование, вредные привычки), но также бедность [Please, Hermans, 2020]. Между тем в современной России нет мер поддержки, целевым образом направленных именно на профилактику бездомности (например, программ субсидирования арендных платежей, медиации внутрисемейных конфликтов, поддержки тех, кто живет в коммунальных квартирах, комнатах и общежитиях, пользуется микрозаймами и нуждается в реструктуризации долгов или банкротстве).

Представленное исследование – первая попытка оценить распространенность опыта бездомности среди населения России. Результаты исследования свидетельствуют о возможности использования данного инструмента для оценки масштабов и остроты проблемы бездомности. Выявлено, что особую уязвимость имеют те 4,8% взрослого населения России, которые имеют опыт уличной или скрытой бездомности более 1 года. Включение вопросов об опыте бездомности в Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата позволит в дальнейшем при анализе качества жизни оценить риск бездомности наряду с оценкой жилищной обеспеченности, доступности социальной инфраструктуры и различных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Коваленко Е.А. Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 4. С. 519–536. [Kovalenko E.A. (2011) The homelessness funnel and the limitation of potential opportunities. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 4: 519–536. (In Russ.)]
- Кузинер Е.Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298. [Kuziner E.N. (2020) 'I will go home', with 'home' meaning 'basement': homeless women's daily practices and coping strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 273–298. (In Russ.)]
- Орешина Д., Елагина В., Врублевская П., Крихтова Т. Бездомные российского мегаполиса: социально-демографический портрет, каналы попадания на улицу и отношение к помощи благотворительных организаций: аналитический отчет по результатам анкетирования посетителей Ангара спасения. 2019. URL: <http://socrel.pstgu.ru/grants/homeless> (дата обращения: 10.01.2024). [Oreshina D., Elagian V., Vrublevskaia P., Krihtova T. (2019) *Homeless people of the Russian megacity: socio-demographic portrait, channels of getting on the street and attitude to the help of charitable organizations: an analytical report based on the results of the questionnaire survey of visitors to Angara Salvation*. (In Russ.)]

- Цацура Е.А. Социальное исключение в государственной системе работы с бездомными людьми // Отечественный журнал социальной работы. 2014. № 3(58). С. 162–175. [Tsatsura E.A. (2014) Social exclusion in the Russian state system of tackling homelessness. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty* [Domestic Journal of Social Work]. No. 3(58): 162–175. (In Russ.)]
- Цацура Е.А., Ключева Н.Ю. Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 409–429. [Tsatsura E.A., Klueva N. Yu. (2022) Socio-demographic characteristics, living conditions, and needs of homeless people in Moscow. *Monitoring of obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 409–429. (In Russ.)]
- Amore K., Baker M., Howden-Chapman P. (2011) The ETHOS Definition and Classification of Homelessness: An Analysis. *European Journal of Homelessness*. Vol. 5. No. 2: 19–37.
- Australian Bureau of Statistics (2014) General Social Survey: summary results. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/people-and-communities/general-social-survey-summary-results-australia/2014> (accessed 02.03.2023).
- Bramley G., Fitzpatrick S. (2018) Homelessness in the UK: Who is Most at Risk? *Housing Studies*. Vol. 33. No. 1: 96–116.
- Bretherton J. (2017) Homelessness and Gender Reconsidered. *European Journal of Homelessness*. Vol. 11. No. 1: 1–22.
- Brousse C. (2004) The production of data on homelessness and housing deprivation in the European Union: survey and proposals. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Burt M.R. (2001) Homeless Families, Singles, and Others: Findings from the 1996 National Survey of Homeless Assistance Providers and Clients. *Housing Policy Debate*. Vol. 12. No. 4: 737–780.
- Chamberlain C., Johnson G. (2015) How many Australians have slept rough? *The Australian journal of social issues*. Vol. 50. No. 4: 439–456.
- Coumans A.M. et al. (2017) Estimating Homelessness in the Netherlands Using a Capture-Recapture Approach. *Social Indicators Research*. Vol. 130. No. 1: 189–212.
- Develtere P. (2022) Data collection systems and homelessness in the EU – an overview. *European Journal of Homelessness*. Vol. 16. No. 2: 233–254.
- Dionne M-A., Laporte C., Loeppky J., Miller A. (2023) A review of Canadian homelessness data. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/75f0002m/75f0002m2023004-eng.htm> (accessed 02.03.2023).
- Fitzpatrick S., Kemp P.A., Klinker S. (2000) *Single Homelessness: An Overview of Research in Britain*. Bristol: Policy Press.
- Fusaro V., Levy H., Shaefer H. (2018) Racial and Ethnic Disparities in the Lifetime Prevalence of Homelessness in the United States. *Demography*. Vol. 55. No. 6: 2119–2128.
- Link B., Phelan J., Bresnahan M. et al. (1995) Lifetime and 5-year prevalence of homelessness in the United States – new evidence on an old debate. *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 65. No. 3: 347–354.
- Meyer B.D., Wyse A.T., Grunwaldt A. et al. (2021) Learning about Homelessness Using Linked Survey and Administrative Data. Working Paper No. 2021–65.
- O'Donnell J. (2020) *How many people experience homelessness in Australia? N-IUSSP*. URL: <https://www.niussp.org/health-and-mortality/how-many-people-experience-homelessness-in-australia/> (accessed 10.02.2023).
- O'Donnell J. (2021) Does social housing reduce homelessness? A multistate analysis of housing and homelessness pathways. *Housing Studies*. Vol. 36. No. 10: 1702–1728.
- Pickering K., Fitzpatrick S., Hinds K. et al. (2003) *Tracking Homelessness: A Feasibility Study*. Scottish Executive.
- Pleace N. (2016) Exclusion by Definition: The Under-Representation of Women in European Homelessness Statistics. In: Mayock P., Bretherton J. (eds) *Women's Homelessness in Europe*. London: Palgrave Macmillan.
- Pleace N., Hermans K. (2020) Counting All Homelessness in Europe: The Case for Ending Separate Enumeration of 'Hidden Homelessness'. *European Journal of Homelessness*. Vol. 14. No. 3: 35–62.
- Taylor O., Loubiere S., Tinland A. et al. (2019) Lifetime, 5-year and past-year prevalence of homelessness in Europe: a cross-national survey in eight European nations. *BMJ Open*. Vol. 9. No. 11: 1–13.
- Tompsett C.J., Toro P.A., Guzicki M., Manrique M., Zatakia J. (2006) Homelessness in the United States: Assessing changes in prevalence and public opinion, 1993–2001. *American Journal of Community Psychology*. Vol. 37. No. 1–2: 47–61.
- Toro P. Tompsett C.J., Lombardo S. et al. (2007) Homelessness in Europe and the United States: A Comparison of Prevalence and Public Opinion. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 3: 505–524.

Tsai J. (2018) Lifetime and 1-year prevalence of homelessness in the US population: results from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions-III. *Journal of Public Health*. Vol. 40. No. 1: 65–74.

Статья поступила: 23.11.23. Финальная версия: 08.02.24. Принята к публикации: 04.03.24.

PREVALENCE OF HOMELESSNESS IN RUSSIA: AN ASSESSMENT BASED ON A RETROSPECTIVE SURVEY

TSATSURA E.A.*, OSAVOLYUK A.A.*

*RANEPA, Russia

Elena A. TSATSURA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Senior Researcher (tsatsura-ea@ranepa.ru); Alexandra A. Osavolyuk, *Junior Researcher* (osavolyuk-aa@ranepa.ru). Both – Centre “Institute for Social Analysis and Forecasting” IPEI, RANEPA, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the State Assignment of RANEPA.

Abstract. This paper assesses the prevalence of street and hidden homelessness in Russia. Based on the representative survey “Person, Family, Society – 2023” ($N = 9508$ people) it was revealed that 4.6% of the adult population had experienced street homelessness, while 13.5% had faced hidden homelessness. 4.8% of respondents reported about suffering from homelessness for more than 1 year, including 2.5% with experience of more than 3 years of homelessness. Street homelessness problem is primarily for males, however the prevalence of hidden homelessness is high among women too. Factors such as male gender, low median income, and smoking increase the likelihood of homelessness in the past 10 years, while marriage, higher education, and children under the age of 18 in the household decrease this likelihood. Federal district of residence and type of settlement are not correlated with the experience of homelessness. Frequent alcohol consumption significantly increases the likelihood of street homelessness. Those who have experienced homelessness have unstable housing conditions with the expectation of ones future deterioration. They are more likely to live in communal apartments, hostels, and rented housing. The experience of homelessness is associated with lack of housing owned by the person. The experience of homelessness is closely related to feelings of loneliness and conflicts in the family. Homelessness is correlated with life dissatisfaction. Compared to several countries (Australia, Canada, European countries), Russia has a higher life-time prevalence of homelessness and longer average duration of homelessness. All this emphasizes the importance of housing market policies development and social protection of people vulnerable to homelessness.

Keywords: homelessness, homeless, life-time prevalence of homelessness, risk of homelessness.

Received: 23.11.23. Final version: 08.02.24. Accepted: 04.03.24.

© 2024 г.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (garoldzborovsky@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются основные количественные и качественные характеристики вузовской социальной общности научно-педагогических работников (НПР) и пути развития этой категории специалистов интеллектуального труда. Доказывается, что дальнейшее совершенствование высшего образования в стране невозможно без активного участия НПР. Рассматриваются перспективы развития этой общности. Выделяются многоуровневые факторы влияния на НПР, связанные с действиями четырех социальных субъектов: администрации президента (уровень мегафакторов), Министерства науки и высшего образования РФ (уровень макрофакторов), органов региональной власти и местного самоуправления (уровень мезофакторов), университетского управления (уровень микрофакторов). Все рассматриваемые решения регуляторов разных уровней имеют, по мнению автора, стратегическое значение для развития потенциала НПР.

Ключевые слова: научно-педагогические работники (НПР) • потенциал развития НПР • количественные характеристики развития НПР • качественные характеристики развития НПР • факторы влияния на НПР • стратегические решения

DOI: 10.31857/S0132162524030081

Введение. В последние несколько лет в научной политике страны происходят заметные изменения, связанные с ее поворотом от академического вектора в сторону развития вузовской науки. В немалой степени этому призвана способствовать Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»¹. В соответствии с намеченными переменами предполагается возрастание роли научно-педагогических работников (НПР) вузов – стратегически важной научно-образовательной общности и главного субъекта изменения вектора научной политики России последнего времени. Их значение в осуществлении целей российских университетов трудно переоценить.

Роль НПР в современном университете определяется тем, что они выступают как: главный субъект стратегии развития и реализации миссии университета; носитель человеческого, образовательного, научного, социального капитала университета, необходимого для достижения им конкурентоспособности; «ядро» академической профессии,

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

¹ См.: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 27.02.2023).

источник ее развития и диверсификации; главный актер университетской науки; создатель научно-образовательного знания и субъект научно-образовательной деятельности. НГП обладают необходимым ресурсным потенциалом для превращения в реального научного и интеллектуального лидера университетского развития. Возрастает возможность и значимость выполнения этой роли драйвера развития не только отдельных вузов и высшего образования в целом, но и регионов страны.

Вместе с тем по мере того как сокращается численность НГП, усложняется структура их профессиональной деятельности, увеличивается количество задач и степень ответственности, систематически растет объем рабочей нагрузки и ненужного бюрократического бремени. Парадоксальным образом в этой ситуации сочетается возрастающая зависимость стратегии развития университета от НГП и снижение реального управленческого внимания и заботы по отношению к ним. Усиливаются противоречия между сокращением их численности в стране и необходимостью наращивания качественного потенциала этой общности. Названная тенденция также входит в противоречие с ростом сложности и числа встающих перед высшей школой задач.

Между тем трансформация академической профессии требует вместо сокращения численности ее представителей активизации научно-исследовательской деятельности НГП. Именно эта деятельность сегодня приобретает, точнее, должна приобретать по отношению к педагогической работе равное, а в некоторых случаях приоритетное значение. Гипертрофированность приоритета научно-исследовательской работы НГП объективно задана целями государственной программы «Приоритет-2030» и стратегий развития университетов. В связи с этим возрастают требования к количественным и качественным показателям научной деятельности. Сегодня она измеряется не только научными работками и публикациями, но и созданными технологиями, которые можно продать на рынке интеллектуальной продукции. Кроме того, научная деятельность должна тесно интегрироваться с учебным процессом, порождая особое направление активности НГП – научно-образовательное. В действительности этого не происходит, о чем свидетельствуют данные как отечественных, так и зарубежных исследований. Так, Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич полагают, что доля НГП, активно вовлеченных в вузовскую науку, не превышает 30% [Кузьминов, Юдкевич, 2021: 425]. Зарубежные сравнительные исследования показывают, что в структуре бюджета времени российских НГП научная работа занимает 49%. Это является самым низким показателем по сравнению с университетами стран Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии [там же]. Мониторинг экономики образования НИУ ВШЭ фиксирует большую склонность преподавателей российских вузов к преподаванию, чем к науке [Изменения стратегий..., 2019: 25].

Цель статьи – показать противоречия в современном положении НГП и направления их развития в ближайшей перспективе. Это позволит ответить на ряд вопросов: есть ли возможности для наращивания и реализации потенциала НГП как драйвера развития вузов, высшего образования в целом, регионов страны? Каковы пути решения этой задачи в университетах? В чем состоит роль университетского управления в этом процессе?

Объектом исследования является один из важных ресурсов высшего образования – вузовская общность НГП. Предмет исследования – научно-образовательный потенциал этой общности и возможности его реализации в современных условиях. Гипотеза исследования состоит в том, что этот потенциал может быть в полной мере реализован при взаимодействии регуляторов уровней в их влиянии на НГП.

Эмпирическая база исследования. Изучение потенциала НГП базировалось на анализе данных статистики высшего образования РФ за 2000–2023 гг. – Министерства науки и высшего образования РФ (форма ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования»), статистического сборника «Индикаторы образования», а также результатов Мониторинга эффективности вузов.

Для проведения анализа НПР на региональном уровне был выбран Уральский федеральный округ (УрФО), высшее образование которого в основных своих структурных и качественных параметрах репрезентирует российскую высшую школу. По данным Мониторинга эффективности вузов за 2022 г. УрФО был представлен 88 организациями высшего образования, в том числе: 72 государственными и муниципальными, 16 – частными, 48 вузами и 40 филиалами. Среди вузов УрФО – федеральный университет, национальный исследовательский университет, два опорных университета, пять вузов являются участниками программы «Приоритет-2030», из них три университета были участниками проекта «5–100»². Вузы округа дифференцированы по показателям научной деятельности и роли в ней главного субъекта – НПР. Были выделены группы вузов, относящихся к «ядру», «полупериферии» и «периферии» высшего образования [Зборовский, Амбарова, 2018: 382].

Количественные характеристики НПР как вузовской общности. НПР – это взаимосвязь преподавателей и научных работников, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой научно-образовательной деятельности в их профессиональной жизни, определяемой сходством педагогических, научно-исследовательских и воспитательных целей, задач, интересов, относительной гомогенностью состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь, образовательными общностями.

Эту общность мы рассматриваем не просто как вузовскую, но и как научно-образовательную и социальную, во-первых, в силу (предполагаемой по определению) доминанты научно-образовательной деятельности в профессиональной жизни НПР. Во-вторых, потому, что реальные перспективы развития этой общности связаны именно с взаимодействием между собой научной и образовательной деятельности и его реализацией в профессиональной подготовке специалистов. В-третьих, ее важная особенность – в социальной направленности деятельности для решения проблем общественного характера.

Рассмотрим количественные характеристики НПР. Численный состав общности с начала XXI в. существенно менялся (рис. 1).

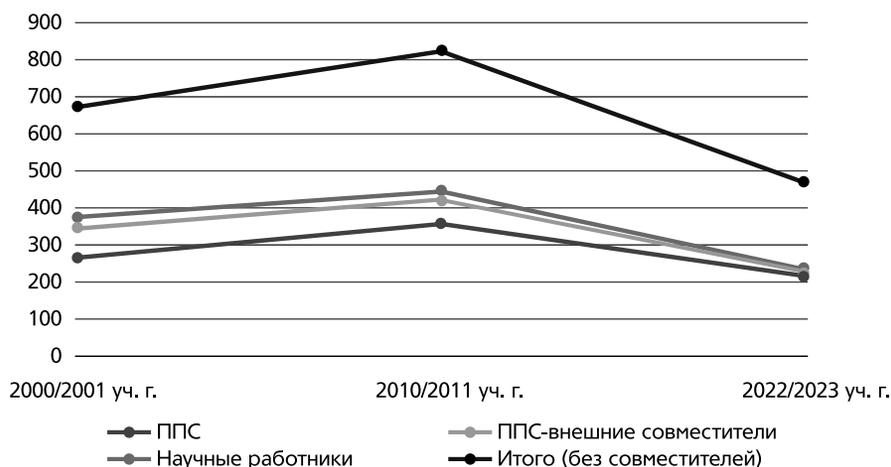

Рис. 1. Динамика численности НПР, тыс. чел. (на начало учебного года)

² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 года. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=1&id=5 (дата обращения: 10.10.2023).

За период с 2000/01 по 2010/11 уч. г. наблюдалось увеличение НПР – с 296,3 тыс. [Индикаторы науки..., 2007: 28; Образование в Российской Федерации..., 2012: 152] до 378,4 тыс. (без внешних совместителей) [Индикаторы образования..., 2013: 204] и до 456,8 тыс. (с внешними совместителями) [Индикаторы образования..., 2013: 206]. Далее этот тренд сменился нисходящим, и в следующее десятилетие, к 2022/23 уч. г. численность НПР снизилась до 232,5 тыс. (без внешних совместителей) и 298,2 тыс. (с внешними совместителями)³. Таким образом, численность НПР сократилась в 1,5 раза в сравнении с 2010/11 уч. г., то есть университеты, по существу, вернулись к показателям нулевых годов.

Каковы причины таких изменений, какие количественные трансформации НПР можно прогнозировать и что они означают в контексте задач программы «Приоритет-2030»? По нашему мнению, главная причина – целенаправленно выбранный управленческий курс на снижение числа НПР, обусловленный стратегией финансовой оптимизации и интенсификации академического труда. При этом не было проведено серьезных исследований рисков такой стратегии и не была определена критическая точка, в которой начинают исчезать положительные эффекты от сокращения НПР и интенсификации научно-педагогического труда.

В результате университеты столкнулись с феноменом профессионального выгорания и дауншифтинга, оппортунистического поведения НПР, со снижением реальной продуктивности и ростом имитационных практик, проблемами воспроизводства этой общности [Сотникова, 2018: 116; Самсонова, 2022; Селиверстова, 2020]. Можно утверждать, что происходящие в последние годы количественные трансформации не способствуют выполнению задач программы «Приоритет-2030». При принятии управленческих решений, отразившихся в дорожных картах вузов, указанная выше точка перехода не была определена, в результате количественные сокращения привели к повышению интенсивности академического труда, но одновременно к ухудшению его качества и продуктивности. Возникла асимметрия труда НПР. Наибольшей интенсификации подверглась образовательная деятельность, гораздо меньшей – научно-исследовательская. При этом временные, интеллектуальные и психофизиологические ресурсы НПР в большинстве российских вузов были перенаправлены в сферу педагогического труда в ущерб научно-исследовательскому. Таким образом, университетское управление лишило свои вузы важного элемента ресурсного обеспечения достижения приоритетных целей, связанных с научным лидерством, войдя в противоречие с требованиями Программы «Приоритет-2030».

Еще одним косвенным доказательством непродуманности управленческой стратегии было одновременное увеличение численности административного аппарата университетов, что привело к перераспределению общего фонда оплаты труда вузов и усилению нагрузки на НПР, особенно бюрократической. По нашим подсчетам, эта численность приближается к 100 тыс. человек, составляя пропорцию с НПР 1:3 [Индикаторы образования..., 2021: 304, 312].

В некоторых работах авторы напрямую связывают численность НПР с численностью студенчества и на основе демографических данных доказывают, что сокращение численности студентов с 2010 по 2016 г. на 1285 тыс. чел. привело к сокращению числа преподавателей вузов на 35 тыс. чел. [Горшков и др., 2023: 284–285]. В то же время утверждается, что, согласно прогнозу, с 2024 г. начнется рост студенческого контингента, который увеличит его к 2030 г. на 1 млн чел., а заодно и численность НПР (в сравнении с 2020 г.) на 58 тыс. чел.

Прогноз делался еще до пандемии и СВО, поэтому есть некоторые сомнения в его действенности в ближайшие годы. Но дело не только в учете качества прогноза роста НПР, речь идет о наших представлениях, касающихся управленческих стратегий

³ Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры (форма № ВПО-1) / Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 10.09.2023).

современных университетов. Опыт сокращения НПР способами управленческой «оптимизации» показал, что даже при увеличении контингента студентов численность НПР можно не только оставлять прежней, но еще и дальше сокращать.

К этим способам мы относим: перевод НПР на краткосрочные контракты (1–2 года), дробление и поэтапное сокращение ставок, увеличение доли онлайн-образования, рост числа студентов в расчете на одного НПР (до 19 человек в 2023 г. [Доклад Правительства..., 2023: 131] в сравнении с 12 в 2020 г.). Таким образом, научные прогнозы о росте численности НПР вполне могут остаться прекрасной сказкой, разбившись о реалии университетских управленческих практик.

Исследования, проведенные рядом авторов (в том числе и наши), показывают, что сокращение численности НПР происходит не только по инициативе сверху, но и по желанию «снизу», со стороны самих работников [Ефимова 2021; Изменения стратегий..., 2019: 26–30]. Спектр причин такой тенденции довольно широк: неудовлетворительная оплата труда, низкий уровень удовлетворенности НПР профессиональной деятельностью, увеличение учебной нагрузки, сложные отношения с административно-управленческим персоналом (численность которого постоянно растет, и соответственно растут его требования), неопределенность будущего, организационные и институциональные преобразования в вузах, не учитывающие ни потребности специалистов, ни их реальные возможности, и многое другое.

Современное состояние кадрового состава и потенциала НПР в большой степени определяется возрастной структурой этой общности. Отметим значительное ее старение [Индикаторы образования..., 2021: 323; Пугач, 2023]: сегодня в России каждый пятый преподаватель старше 65 лет. Низкая привлекательность профессии преподавателя приводит к вымыванию молодежи из сообщества и к низкому притоку ее в научно-педагогическую общность. Группа НПР моложе 35 лет составляет менее 15%, до 30 лет – около 5% [Рудаков, 2020: 2], среднее поколение (40–59 лет) за последние 10 лет сократилось почти на 9% [Индикаторы образования, 2021: 50]. В целом в российских университетах гораздо больше преподавателей старше 60 лет (28,2%) по сравнению с западными университетами (например, в Великобритании – 9%) и гораздо меньше молодых преподавателей до 40 лет (30,4%) по сравнению с университетами быстро развивающихся стран (например, в Китае – 58,4%) [Кузьминов, Юдкевич, 2021: 400].

Для значительной части вузов страны стал характерным тренд на омоложение НПР, заданный приоритетами государственной политики. В результате нередко вузы «освобождаются» от опытных и ресурсных специалистов (часто пенсионного возраста), в том числе обладающих учеными степенями и научными званиями, высоким уровнем символического капитала. Происходит замена их молодыми людьми с не очень понятной мотивацией и неясными перспективами в академической среде.

Особенно остро стоит в университетах проблема среднего поколения. Увлечшись процессом снижения удельного веса представителей старшей возрастной группы и увеличения удельного веса молодых НПР, управленческий персонал выпустил из вида наиболее продуктивную группу специалистов – их среднее поколение. Как показали исследования, в ряде вузов активизируется уход из академической среды группы НПР среднего возраста, сохраняющей свою конкурентоспособность как в академической, так и неакадемической среде [Сотникова, 2018: 115–116]. Профессиональное выгорание и усталость среднего поколения, низкая зарплата, недостаточное внимание к его проблемам и нуждам негативно влияют на отношение НПР к творчеству, на их мотивацию и профессиональную активность. Мы не против естественного процесса увеличения молодых НПР и сокращения их старшей возрастной группы, но нельзя согласиться с жесткими мерами навязывания управлением вузов таких решений.

Рассматривая структуру НПР по признаку пола, отметим, что среди них женщин больше, чем мужчин. В усредненном виде их соотношение выступает как 60% против 40%.

По самым последним данным, оно выглядит как 57,9% против 42,1%⁴. Однако представляет значительный интерес соотношение между полами в связи с занимаемыми должностями. Меньше 50% женщин находятся на должностях деканов, зав. кафедрами, профессоров, директоров институтов (среди ректоров и проректоров женщин всего 15–20% [Кузьминов, Юдкевич, 2021: 538–539]), больше 50% – на должностях доцентов, старших преподавателей, преподавателей, ассистентов. Следует также отметить общее снижение численности женщин среди НПР: только за три учебных года их число сократилось на 6%, или на 8,5 тыс. человек (со 139868 до 131442) [Индикаторы образования..., 2021: 316].

Говоря о распределении НПР по стажу работы, необходимо отметить большую долю тех, кто проработал в системе высшей школы от 15 до 20 лет (таких 14,1% среди общего количества НПР) и свыше 20 лет (60%)⁵. В сумме обе группы составляют 3/4 от общего числа НПР, что также свидетельствует о значительном старении этой общности.

Процесс сокращения общей численности НПР не обошел стороной докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов. За последние три учебных года число докторов наук, и так небольшое для 700 вузов страны, сократилось до 35 тыс., число кандидатов наук до 131 тыс. Соответственно, сократилось число и профессоров (до 21 тыс.), и доцентов (до 83 тыс.). Сегодня среди НПР в вузах удельный вес докторов наук составляет 15,1%, кандидатов наук – 56,7%, профессоров – 9,2%, доцентов – 35,7%⁶.

Кроме названных факторов сокращения, численность НПР в вузах России во многом зависит от количества этих вузов. За период с 1990/91 уч. г. до 2010/11 уч. г. число вузов выросло в 2,2 раза – с 514 в 1990/91 уч. г. до 1115 в 2010/11 уч.г. Но после 2015/16 уч. г. их число сократилось до 710 в 2020/21 уч. г. [Горшков и др., 2023: 19–20; Индикаторы образования..., 2022: 219], сейчас их 722 [Доклад Правительства..., 2023].

Этот важный контекст «оптимизации» и «реструктуризации» высшего образования не мог не сказаться на численности НПР. Количественные деформации общности НПР оказали, с нашей точки зрения, серьезное негативное влияние на качество их профессиональной деятельности, в первую очередь в сфере научных исследований и публикаций их результатов [Алавердов, 2019; Юревич, Еркина, 2017].

Между тем сегодня исследовательский и публикационный ресурс деятельности НПР должен стать основным. Особенно в том случае, если он будет органически интегрирован в образовательный процесс и соединится с использованием ресурсов научно-педагогической квалификации НПР, их образовательно-педагогическим ресурсом, а также ресурсами научных коллективов. Именно такой работой по объединению возможностей различных ресурсов НПР, созданием благоприятных условий для их научно-исследовательских поисков и должно заниматься в первую очередь университетское управление.

Качественные характеристики НПР. Учитывая неравенство среди функционирующих 722 вузов и рассматривая в этой связи различные модели стратификации в высшем образовании, предлагаем использовать деление вузов на группы «ядра» (вузы-лидеры), «полупериферии» (эффективные вузы, но не занимающие лидирующих позиций) и «периферии» (проблемные вузы). Сегодня их пропорция, по нашим расчетам, выглядит примерно так: 106: 456: 160 вузов. В этой пропорции учтены результаты Программы «Приоритет-2030» и данные Мониторинга экономики образования, представленные НИУ ВШЭ в 2022 г. [Платонова, Никифорова, 2022]. Университеты «ядра» получают дополнительные государственные ресурсы, участвуют в конкурсах, разрабатывают стратегии, ориентируются на достижение целей госпрограмм. В качестве авангардной группы 106 вузов избрали трек либо лидеров научно-практических исследований, либо готовых вносить достойный вклад в территориальное или отраслевое развитие. Вузы зоны «полупериферии» справляются в основном с требованиями всех показателей эффективности. Вузы

⁴ См. ссылку 3.

⁵ См. ссылку 3.

⁶ См. ссылку 3.

зоны «периферии» не выполняют всех базовых требований регулятора, что может быть связано как с тяжелыми условиями среды, так и с подходами к управлению.

Предлагая вариант вузовской стратификации, мы исходили из последнего набора показателей эффективности вузов, предложенных Минобрнауки РФ: 1) доля трудоустроенных выпускников; 2) доля преподавателей, у которых зарплата в два раза превышает среднюю по субъекту РФ; 3) объем НИОКР на одного НПР; 4) доля НПР в возрасте до 39 лет; 5) удельный вес иностранных студентов в контингенте; 6) качество финансового менеджмента; 7) рейтинг медиаактивности⁷. Из предложенных критериев для нас важными являются 2, 3, 4, 5, 7. Вместе с тем существенно значимы такие показатели, как наличие в вузе научных работников; удельный вес докторов наук среди НПР; публикационная активность НПР, особенно в высокорейтинговых отечественных и зарубежных журналах; высокая «квартильность» публикаций; наличие научных журналов, издаваемых вузом; участие вуза в больших проектах и программах регионального, российского и международного уровня; наличие и рост научного капитала вузов в связи с финансированием, привлеченным посредством научной деятельности НПР.

Таким образом, предлагаем усилить наличие показателей научной составляющей эффективности вуза, которая определяется исследовательской активностью НПР. Сегодня это важнейшее направление деятельности вузов и НПР, что подчеркивается в программе «Приоритет-2030». Такая стратификационная модель вузов отражает не только их современное состояние, но и потенциал российских университетов и занятых в них НПР.

Пока занятия наукой для значительной части педагогов российских вузов являются делом вторичным, в сравнении с преподаванием, тогда как в большинстве университетов развитых стран мира учебный процесс сопряжен с активной научно-исследовательской деятельностью. Есть основание говорить об определенной раздвоенности и даже противопоставлении научной и образовательной деятельности НПР. Отсюда во многом проистекает слабость вузовской науки.

Перечислим ограничения качества научной деятельности НПР в вузах: публикационная активность, не сопровождающаяся адекватными научными исследованиями; имитационный характер ряда исследований и связанных с ними публикаций; целенаправленное использование в качестве соавторов публикаций персон, обладающих административным и финансовым влиянием и, в ряде случаев, символическим капиталом; слабая поддержка университетским управлением перспективных направлений исследований, подготовки диссертаций, их авторов и научных консультантов; отсутствие в вузовском управлении дифференцированного подхода к субъектам научного поиска и творчества; противоречивое положение ряда вузовских диссертационных советов и др.

По результатам нашего исследования кейса вузов УрФО⁸ [Зборовский, Амбарова, 2022], можно сделать по меньшей мере три вывода. Сравнительный анализ основных показателей научно-исследовательской деятельности НПР вузов УрФО в целом подтверждает усиление разрывов между университетами, находящимися в зонах «ядра», «полупериферии» и «периферии». Такой вывод можно сделать в результате рассмотрения целого ряда показателей качественных характеристик научной деятельности НПР в уральских вузах. Еще один важный вывод касается того, что даже в вузах «ядра» уже исчерпаны

⁷ Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений. Приказ Министерства науки и высшего образования от 01.02.2022 № 92. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140027> (дата обращения: 16.09.2023).

⁸ Исследование включало в себя характеристику: публикационной активности НПР; финансирования вузов, привлеченного посредством научной деятельности НПР; выпускаемых в вузах научных журналов; полученных НПР грантов; научной квалификации НПР как показателя их научного и символического капитала.

возможности интенсификации труда НПР. Этот вывод усиливается аргументом, согласно которому ряд вузов не подтвердил свое соответствие требованиям Программы «Приоритет-2030». Как оказалось, потолок уже достигнут, и дальше такой дорогой идти нельзя.

Наконец, было сделано заключение о том, что социальное неравенство вузов усиливается – как между их тремя группами («ядра», «полупериферии», периферии»), так и внутри каждой из них. Складывается ощущение, что в этом оказались виноваты сами вузы, и напрашивается вывод, что спасение утопающих есть дело рук их самих.

Факторы влияния на развитие НПР. Проблемы потенциала и развития НПР необходимо рассматривать через действия четырех социальных субъектов, образующих своеобразную пирамиду факторов влияния на НПР (рис. 2).

Наверху этой пирамиды находится администрация президента, в структуре которой функционирует институт советников. Выработка приоритетов и стратегических решений, касающихся высшего образования и НПР, находится в зоне компетенций Совета по науке и образованию при Президенте РФ. Данная структура выступает в качестве совещательного и координационного органа и определяет стратегические цели и задачи развития научно-технической сферы и образования, приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации. Его деятельность также связана с принятием решений о разработке и реализации Правительством России инновационных проектов государственного значения, федеральных научно-технических программ по вопросам, требующим отдельного решения президента Российской Федерации⁹.

Следующую позицию в этой пирамиде занимает Министерство науки и высшего образования РФ, запускающее механизмы, программы и проекты трансформации НПР. Далее, в социальном пространстве регионов заметным становится влияние органов региональной власти и местного самоуправления, заинтересованных в результатах деятельности НПР, во взаимодействии с ними в процессе реализации программ территориального и отраслевого социально-экономического и культурного развития. И, наконец, четвертым фактором влияния выступает университетское управление.

Рис. 2. Факторы влияния на НПР

⁹ См.: Советы при Президенте. URL: <http://kremlin.ru/structure/councils#institution-6>

Каждый из названных субъектов выполняет свою социальную роль (последовательно сверху вниз) мега-, макро-, мезо-, микрорегулятора отношений в высшем образовании и решений, касающихся состояния и развития НГР. Анализ деятельности, функций, возможностей названных социальных субъектов позволяет ставить вопросы регулирования институциональных, организационных, ресурсных, пространственно-временных, общностных процессов и проблем профессиональной жизни НГР.

К этим проблемам относятся описанные выше феномены профессионального выгорания НГР, рост недоверия и уровня фрагментации в университетском сообществе, поведенческого оппортунизма и профессионального дауншифтинга, неудовлетворенность содержанием, оценкой и оплатой академического развития. Все они выступают явными ограничениями потенциала развития общности НГР и барьерами на пути превращения ее в ключевого субъекта трансформации вузовского образования и вузовской науки, и требуют безусловной замены на аналогичные феномены со знаком «плюс».

Обобщение результатов социологических исследований показывает, что ключевые решения этой проблемной ситуации сегодня не в руках НГР. Они требуют глубоких институциональных и организационных изменений в высшем образовании.

Складывается четкое убеждение в необходимости реализации мегарегулятором институциональных решений, которые позволят прекратить необоснованное и несбалансированное сокращение численности НГР; обеспечить реально высокий уровень оплаты труда, достойного высококвалифицированного специалиста интеллектуального, креативного класса; дополнить стратегии развития высшего образования и вузовской науки эффективными государственными программами профессионального развития НГР; восстановить институциональные условия участия НГР в принятии решений в отношении высшей школы.

На уровне макрорегулятора названные стратегические решения должны воплотиться в грамотном и научно обоснованном планировании структуры НГР, кардинальном пересмотре (снижении) норм академического труда и прекращении стратегии его интенсификации (исключение «ловушки аудиторных часов»), восстановлении и модернизации системы повышения квалификации НГР с достаточным государственным финансированием, резком снижении уровня менеджериального контроля и забюрократизированности всех процессов в высшей школе (того, что исследователи назвали эффектом «красных лент»).

Для выполнения важнейшей государственной и общественной миссии НГР недостаточно ужесточения и повышения требований к их деятельности. Необходима планомерная трансформация тех условий, в которых она разворачивается. И, что особенно важно, требуется кардинальное изменение отношения к НГР. Нужен поворот от понимания этой социальной общности как расходного ресурса амбициозных государственных программ до концептуального видения ее как человеческого капитала, который выращивают, берегут, в который инвестируют, а не эксплуатируют.

Речь идет о политике сохранения и «выращивания» российского сообщества НГР, основы которой закладываются на мега- и макроуровне управления высшей школой, а затем диссеминаруются в стратегии развития университетов и поддерживаются программами развития регионов и городов.

Обратимся к еще одному социальному субъекту пирамиды факторов влияния – университетскому управлению, выступающему в качестве микрорегулятора НГР. Его влияние оказывается прямым, непосредственно затрагивающим конкретные интересы НГР и в силу этого наиболее значимым для них. Во-первых, потому что НГР работают непосредственно в вузе и решают в первую очередь задачи стратегии его развития. Во-вторых, именно вуз определяет конкретные возможности профессионально-квалификационного развития НГР, поскольку аспирантура и докторантура, написание и защита кандидатской и докторской диссертаций, получение ученых званий доцента и профессора, карьерный и профессиональный рост непосредственно связаны с вузом. В-третьих, потенциал развития НГР напрямую зависит от потенциала вуза, его материально-технического,

инфраструктурного, финансового обеспечения. Возможности же вуза и его потенциал определяются его местом и ролью в системе высшего образования страны.

Важные решения по поддержке развития НГП на микроуровне должны обеспечить: дифференцированный и персонифицированный подход к оценке труда и потенциала развития различных групп НГП; тонкую настройку и справедливый характер системы стимулирования академического, в том числе научного, труда; гибкий подход к структурированию нагрузки различных групп НГП, позволяющий рационально использовать те или иные виды ресурсного потенциала НГП; поддержку высокого уровня традиционных академических стандартов и ценностей, необходимых для возвращения общественного уважения к академическому сообществу, повышения доверия к нему со стороны университетского управления и студентов.

Для всех групп НГП и всех типов вузов нужны эффективные программы академического развития, помогающие преодолеть имитационность их успеха и глубокие разрывы между региональным и столичным, мировым и отечественным высшим образованием. Тогда естественным образом решится проблема привлечения и удержания в вузах научной молодежи и ее быстрого профессионального и карьерного роста.

В научных и педагогических профессиональных сообществах справедливо ставится вопрос о необходимости регулярного повышения квалификации НГП с освобождением их на определенный период времени от выполнения учебных поручений. Исследователи и практики призывают вернуться к не столь далеким прежним временам, когда реально (а не имитационно) работали институты и факультеты повышения квалификации.

Общим местом стало требование изменения методики оценки публикационной активности НГП, порождающей сегодня масштабные злоупотребления и нездоровую конкурентную гонку. Но установка на подобные изменения задается не вузами, а структурами верхнего уровня управления высшей школой, а значит, приобретает политическое звучание.

В исследовательском поле давно накоплен огромный капитал управленческого знания о том, что необходимо сделать для профессионального и социального благополучия НГП российских вузов, для того чтобы они смогли в современных условиях выполнять еще одну значимую общественную функцию – участвовать в инновационном движении, социальном прогрессе. Для этого не нужны дополнительные управленческие «мозговые штурмы» и форсайты, требуется просто готовность слышать и понимать нужды и потребности стратегически важной научно-образовательной общности, логику ее развития.

Названные и многие другие проявления невнимания к НГП составляют социальный контекст, ограничивающий масштаб и качество их научной деятельности и создания благоприятных условий для нее. Возможно, иные, активно используемые сегодня стратегии развития научного потенциала вузов и могут дать какой-то эффект, но он будет кратковременным и неустойчивым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алавердов А.Р. Публикационная активность преподавателей отечественной высшей школы и резервы её повышения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 23–36.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Доклад Правительства РФ Федеральному собранию РФ о реализации государственной политики РФ в сфере образования. М., 2023. URL: <http://static.government.ru/media/files/7wTyuCH7RUXZb5RgUqReX4nWt6TuUАН4.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
- Ефимова Г.З. Барьеры на пути построения академической карьеры преподавателями высшей школы // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 4. С. 55–74.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60–71.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Университеты, которые могут изменить себя и макрорегион // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 373–392.

- Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2019. (Мониторинг экономики образования; № 1 (133)).
- Индикаторы науки: 2007. Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
- Индикаторы образования: 2013. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
- Индикаторы образования: 2021. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Индикаторы образования: 2022. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: ВШЭ, 2021.
- Образование в Российской Федерации: 2012. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Платонова Д.П., Никифорова Н.Ю. Внутреннее управление российских вузов: взгляд практиков в условиях меняющейся среды: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2022. (Мониторинг экономики образования; № 4 (21)).
- Рудаков В.Н. Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам // Мониторинг экономики образования. 2020. № 1. С. 1–6.
- Самсонова Е.А. Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 179–192.
- Селиверстова Н.А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71–77.
- Сотникова И.С. Новый контур оценки конкурентоспособности научно-педагогических работников: независимая оценка квалификации // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3. С. 113–126.
- Пугач В.Ф. Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 118–133.
- Юревич М.А., Еркина Л.С. «Публикационное ралли»: прямая угроза или новые возможности для научного сообщества? ... // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2. С. 104–117.

Статья поступила: 25.12.23. Финальная версия: 02.03.24. Принята к публикации: 04.03.24.

THE POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF RESEARCH AND PEDAGOGICAL STAFF: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

ZBOROVSKY G.E.

Ural Federal University, Russia

Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Research Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (garoldzborovsky@gmail.com).

Acknowledgement. The research was carried out at the expense of a grant from the RSF No. 23-28-00028.

Abstract. The article examines the main quantitative and qualitative characteristics of the university social community of research and pedagogical staff (RPS) from the point of view of both the trends that took place at the beginning of the XXI century and the current trends, as well as the ways of long-term development of this category of intellectual labor specialists. It is proved that further improvement of higher education in the country is impossible without the active participation in this process of the flagship of university progress – RPS. In order to identify the prospects of this community, the solution of the fundamental tasks of developing its potential is considered. The article proposes a Pyramid of factors of influence on the RPS, driven by four social actors – the presidential administration (level of megafactors), the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation (level of macrofactors), regional authorities and local governments (level of mesofactors), university administration (level of microfactors). All the considered solutions of the regulators of different levels, in the author's opinion, have a strategic importance for the development of the RPS potential.

Keywords: research and pedagogical staff (RPS), RPS development potential, quantitative characteristics of RPS development, qualitative characteristics of RPS development, Factors influencing RPS, megafactors, macrofactors, mesofactors, microfactors of influence; strategic decisions on the development of RPS.

REFERENCES

- Alaverdov A.R. (2019) Faculty Publication Activity and Resources for its Increase. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 28. No. 2: 23–36. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. (2023) *Reproduction of intellectual labor specialists: a sociological analysis*. Moscow: FNIS RAS. (In Russ.)
- Efimova G.Z. (2021) Barriers to Academic Career Development for University Teachers. *Universitetskij menedzhment: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis]. Vol. 25. No. 4: 55–74. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. (2022) Resource mobilization of the scientific and pedagogical community (case of higher education in the Ural Federal District). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 60–71. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. (2018) Universities that can change themselves and the microregion. In: *Reforming Russia: yearbook*. Vol. 16. Moscow: Novy Chronograph: 373–392. (In Russ.)
- Indicators of science: 2007. Statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
- Education indicators: 2013. Statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
- Education indicators: 2021. Statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
- Education indicators: 2022. Statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
- Changes in strategies, motivations and economic behavior of students and teachers of Russian universities*. The newsletter (2019). Moscow: HSE. (Monitoring the Economics of education; No. 1 (133)). (In Russ.)
- Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. (2021) *Universities in Russia: how it works*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
- Education in the Russian Federation: 2012. Statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
- Platonova D.P., Nikiforova N. Yu. (2022) *Internal management of Russian universities: the view of practitioners in a changing environment: newsletter*. Moscow: HSE. (Monitoring the economics of education; No. 4 (21)). (In Russ.)
- Rudakov V.N. (2020) Differences in the position of the teaching staff of universities by age groups. *Monitoring jekonomiki obrazovaniya* [Monitoring the economics of education]. No. 1: 1–6. (In Russ.)
- Samsonova E.A. (2022) Sociological Factors of the Influence of the Educational Environment on the Professional Burnout of University Teachers. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 13. No. 3: 179–192. (In Russ.)
- Seliverstova N.A. (2020) Simulation of Educational Practices in the System of Higher Education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 71–77. (In Russ.)
- Sotnikova I.S. (2018) New contour of assessment of competitiveness of scientific and pedagogical workers: independent assessment of qualification. *Universitetskij menedzhment: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. Vol. 22. No. 3: 113–126. (In Russ.)
- Pugach V.F. (2023) One more time about the age of teachers in russian universities: old problems and new trends. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 3: 118–133. (In Russ.)
- Yurevich M.A., Erkina D.S. (2017) «Publication rally»: direct threat or opportunity for scientific community? *Sociology of Science and Technology*. Vol. 8. No. 2: 104–117. (In Russ.)

Received: 25.12.23. Final version: 02.03.24. Accepted: 04.03.24.

М.Е. ГОШИН, П.С. СОРОКИН, Д.С. ГРИГОРЬЕВ

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ АГЕНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ГОШИН Михаил Евгеньевич – кандидат химических наук, научный сотрудник Центра общего и дополнительного образования имени А.А. Пинского Института образования (m.goshin@mail.ru); СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией исследований человеческого потенциала и образования Института образования (psorokin@hse.ru); ГРИГОРЬЕВ Дмитрий Сергеевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований (dgrigoryev@hse.ru). Все – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена вопросам агентности школьников, понимаемой как способность принимать решения и эффективно действовать в общественной и личной жизни, поддерживая или трансформируя социальную среду. Фокус исследования направлен на рассмотрение взаимосвязей между уровнем агентности школьников и факторами семейного окружения, с академической успеваемостью и участием в дополнительном образовании. Данные получены в результате опросов 4603 обучающихся с 4 по 8 класс общеобразовательных школ г. Ярославля, а также опроса 1910 родителей, дети которых посещают организации дополнительного образования, в рамках Мониторинга экономики образования, из восьми федеральных округов Российской Федерации в 2022 г. Уровень агентности оценивался с помощью методологии, учитывающей активность ребенка в разных сферах (например, семья, отношения со сверстниками). Установлено, что социально-экономический статус семьи, прежде всего уровень образования родителей, слабо связан с уровнем агентности, тогда как более старший возраст и более высокая успеваемость школьников демонстрируют несколько более сильную положительную взаимосвязь. Выявлена сильная положительная взаимосвязь между уровнем агентности школьников и их участием в дополнительном образовании. Наиболее ярко она выражена для занятий, проходящих в специализированных организациях за пределами школы. Наиболее сильную взаимосвязь с уровнем агентности демонстрируют занятия спортом, искусством, общественной деятельностью, техникой и ремеслами.

Ключевые слова: агентность • академическая успеваемость • дополнительное образование

DOI: 10.31857/S0132162524030093

Запрос на трансформирующую агентность в современном мире. Стремительно меняющаяся социальная реальность предъявляет человеку новые задачи. Глобальные вызовы, нарастающая экономическая нестабильность и неравенство, нарушения прав человека, военно-политические конфликты, пандемии делают особенно актуальной способность действовать, трансформировать или проактивно поддерживать окружающую действительность [Manuykhina, 2022]. Отсюда запрос на формирование способности принимать решения и проявлять инициативу в различных сферах общественной и личной жизни без внешнего контроля или поддержки, характерных для институциональных систем прежних эпох (включая систему образования) [Сорокин, Фруммин, 2022].

Агентность можно определить как способность индивида действовать, осуществляя контроль над своей жизнью, умение ставить и достигать целей [Cavazzoni et al., 2021], проактивно влиять на окружающую среду, социальные структуры, включая трансформацию существующих и создание новых форм взаимодействия в общественной жизни

[Udehn, 2002; Сорокин, 2023]. Агентность выражается в способности самостоятельно формировать свой жизненный путь [Schoon, Cook, 2021], она подразумевает оптимизацию ресурсов, преодоление или преобразование ограничений на пути достижения самостоятельно поставленных целей [Zimmerman, Seary, 2021]. Разнообразие ракурсов определения агентности, трудности унификации методологии измерения данного конструкта обусловлены прежде всего его многомерным (зонтичным) характером [Schoon, Cook, 2021; Schoon, Heckhausen, 2019].

В специфическом для части современной социологической литературы понимании агентности (в отличие от психологизированного понимания как исключительно внутреннего, личностного свойства), люди выступают как активные создатели своей социальной жизни, способные действовать стратегически, осуществляя целенаправленные действия, приводящие к изменениям во внешнем мире [Oswell, 2013, Флигстин, Макадам, 2022]. Согласно доминирующим в мировом дискурсе подходам, в основе способности индивида к проактивному, преобразующему действию лежат две составляющие [Cavazzoni et al., 2021]. С одной стороны, личностные характеристики, такие как самоэффективность, (воспринимаемая) автономия, оптимизм, самооценка и др. Имеют значение структурные возможности и ограничения, например, социально-экономические условия на территории проживания, характеристики семьи, окружения сверстников, формальные требования институтов, в рамках которых находится и действует индивид. Многие исследователи отмечают, что при ограниченных структурных возможностях индивидуальный потенциал может остаться нереализованным [Manyukhina, 2022; Abebe, 2019; Veronese et al., 2019]. Таким образом, в современной литературе агентность принято рассматривать как социально обусловленную способность действовать. Отметим, что ограничением данного подхода на практике выступает недостаток внимания к непосредственному индивидуальному действию, которое может использовать и создавать структурные возможности [Сорокин, 2023].

Предикторы формирования агентности в школьном возрасте. Школьный возраст важен с точки зрения формирования агентности. Исследования показали роль агентности для психологического благополучия подростков и их успешной социальной адаптации [Gallagher et al., 2019]. Стремительное физическое, когнитивное и эмоциональное развитие в этом возрасте позволяет достичь большей автономии от родителей, сформировать конкретное представление о своих интересах и целях в профессиональной и личной жизни, расширить «горизонт возможностей». Соответственно, степень проявления агентности возрастает по мере взросления [Nunes et al., 2023]. Отмечается, что мальчики более склонны к проявлению агентности, и это различие усиливается с возрастом [Schoon, Cook, 2021]. Важным критерием проявления агентности становится участие подростков в принятии решений, влияющих на их жизнь [Thoits, 2006]. Способность принимать решения в обстоятельствах меняющейся жизни позволяет молодым людям почувствовать себя в полной мере выстраивающими свой жизненный путь, контролирующими социальную реальность.

Поскольку «социальные контексты» формируют возможности проявления агентности [Abebe, 2019], а семья является ключевой средой школьников, целесообразно рассмотреть связь между агентностью и социально-экономическим статусом (СЭС) семьи школьников. Зарубежные исследования показали, что низкий СЭС отрицательно связан с проявлениями агентности. Для молодых людей из неблагополучных семей значительно чаще характерны представления об ограниченных возможностях и ресурсах, сужая их «горизонт воспринимаемых возможностей» [Schoon, Heckhausen, 2019]. Данные ограничения нашли отражение в термине “bounded or structured agency” («ограниченная или структурированная агентность») [Shanahan, 2003]. В исследовании [Schoon, Cook, 2021] установлено, что связи между СЭС семьи и проявлениями агентности подростками были незначительными или умеренными. Наибольшее влияние оказывает уровень образования родителей.

Роль образования. В литературе принято считать, что крайне важную роль с точки зрения формирования агентности подростков играет образовательная среда, а институциональные и педагогические практики могут способствовать расширению либо

ограничению проявления агентности у подростков [Ruscoe et al., 2018; Sirkko et al., 2019; Kirby, 2020].

В последние десятилетия системы образования в мире подверглись масштабному реформированию, ориентированному на экономику знаний и задачу обеспечения сопоставимости внутри страны и между национальными системами образования с точки зрения его качества [Steiner-Khansli, 2016]. Фокусами доминирующего стандартизированного подхода становятся предметные знания и навыки, измерение на основе тестов и корпоративный менеджмент, основанный на ценностях унификации. Важнейшим побочным эффектом данного тренда становится развитие и поощрение конформизма детей, а эксперименты, альтернативная педагогика, проектная деятельность и создание нового уходят на второй план [Сорткин, Фруммин, 2022]. Основной целью образования становится приобретение базовых академических знаний наряду с усвоением моделей поведения, оптимальных для восходящих траекторий внутри формального образования [Kirby, 2019], что предполагает прежде всего «встраивание» обучающихся в ригидные социальные структуры, не ожидающие и не вознаграждающие агентное поведение учащегося по отношению к ним.

В то же время, Организация экономического сотрудничества и развития [OECD, 2018] в рамках проекта «Будущее образования и навыков 2030» подчеркивает важность формирования у обучающихся агентности, понимаемой как активная позиция по отношению к их образовательной траектории. ОЭСР также рассматривает «трансформирующие компетенции» как образовательный результат, необходимый для индивидуального успеха в современном мире и социального благополучия. Развитие самостоятельности в процессе обучения декларируется на государственном уровне и включено в образовательные программы во многих странах. Однако исследования, проведенные в Великобритании [Manyukhina, 2022], показывают, что существующее школьное образование делает школьников пассивными объектами обучения, не его активными участниками. По данным исследования в Швеции [Gurdal, Sorbring, 2018], школьники воспринимают учителя как представителя институциональной власти, что ограничивает проявление ими агентности. У подростков практически отсутствует представление об агентности в отношениях с учителями, несмотря на имеющуюся в учебной программе рекомендацию для учителей поощрять самостоятельность школьников, например, позволяя им брать на себя ответственность и принимать решения. Российские авторы [Поливанова, Бочавер, 2022] отмечают, что даже в проектной деятельности, которая в соответствии с требованиями госстандартов проводится на базе школ, учитель выступает перед подростками с позиции доминирующего взрослого, что крайне ограничивает возможности проявления самостоятельности учащимися. К сожалению, современная школа во многом остается «тотальным институтом», предполагающим жесткую систему правил и положений, в которой довольно сложно найти возможности инициированной снизу активности [там же].

Учитывая изложенное, участие в дополнительном образовании приобретает особое значение для развития агентности школьника. Представленные в литературе исследования позволяют предположить, что дополнительное образование имеет большой потенциал с точки зрения поддержки агентности, поскольку оно предполагает, по сравнению с формальным школьным образованием, больше возможностей для самостоятельности, инициативы и свободного выбора [Lareau, Weininger, 2008; Peterson et al., 2013]. Дополнительное образование вносит значительный вклад в формирование настойчивости, независимости, уверенности в себе, целеустремленности, креативности и социальной активности [Fletcher et al., 2003; Baker, 2008; Durlak et al., 2010; Baharom et al., 2017; Oberle et al., 2019]. При этом участие в различных направленностях дополнительного образования демонстрирует различные эффекты. Так, по данным исследований [Barber et al., 2001], молодежь, увлеченная занятиями спортом, демонстрировала более высокий уровень самостоятельности, однако подобные ассоциации не обнаружены для творчества и участия в школьных мероприятиях. Тем не менее в целом, на фоне хорошо изученных исследований влияния дополнительного образования на разные аспекты индивидуального развития

школьников [Oberle et al., 2019; Gilman et al., 2004; Durlak et al., 2010], вклад дополнительных занятий в формирование и развитие способности к агентному поведению, недостаточно исследован [Carbonaro, Maloney, 2019].

Учитывая сказанное выше, целью данного исследования является изучение взаимосвязи между уровнем агентности школьников и факторами, связанными с семейным окружением, академической успеваемостью и участием в дополнительном образовании.

Методология исследования. Опрос обучающихся школ. Опрос 4603 обучающихся с 4 по 8 класс общеобразовательных школ г. Ярославля проведен в 2022 г. Средний возраст респондентов 12,4 года ($SD = 1,46$); 49,7% опрошенных – девочки. Выборка репрезентативна для городских школ: был проведен случайный стратифицированный отбор школ с учетом их размера и характеристик социально-экономического статуса образовательной организации. Всего для исследования была отобрана 31 школа.

Структура выборки респондентов представлена в табл. 1. Более половины респондентов (65,9%) помимо школьных занятий, посещают кружки, секции, относящиеся к дополнительному образованию. Около половины школьников, вовлеченных в дополнительное образование (51,1%), посещают один кружок или секцию; около трети респондентов (30,5%) посещают два объединения дополнительного образования. Среднее время на дополнительные занятия составляет 4,97 часа в неделю.

Таблица 1

Структура выборки респондентов

Характеристики	N
<i>Состав семьи (кто проживает совместно со школьником)</i>	
Мать	91%, N = 4202
Отец	73%, N = 3357
Бабушка и/или дедушка	16%, N = 718
Братья и сестры	49%, N = 2250
Другие родственники	8%, N = 385
<i>Уровень образования матери</i>	
Основное общее или ниже	10%, N = 472
Начальное или среднее профессиональное	41%, N = 1855
Высшее профессиональное	49%, N = 2239
<i>Уровень образования отца</i>	
Основное общее или ниже	13%, N = 573
Начальное или среднее профессиональное	47%, N = 2028
Высшее профессиональное	40%, N = 1739
<i>В каком классе учится респондент</i>	
4-й	19%, N = 881
5-й	20%, N = 905
6-й	21%, N = 979
7-й	21%, N = 957
8-й	19%, N = 881

Расчет индекса и уровня агентности. Расчет общего индекса агентности производился на основании четырех вопросов о поведении респондентов в ситуациях, предоставляющих возможности проявления агентного поведения в четырех сферах: взаимодействие с родителями в семьях («Когда вы и ваши родители обсуждаете возможные совместные действия, как вы обычно принимаете решение, что именно делать?»), круг сверстников («Когда вы и ваши друзья собираетесь что-то сделать вместе, как вы обычно

решаете, что именно делать?»), выбор кружков и секций, других внеклассных активностей («Участвовали ли ваши родители в выборе внеклассных занятий для вас?»), в сфере, связанной с финансовыми вопросами («Где вы берете деньги на свои личные расходы?»). Мы присваивали ответу респондента 0 баллов в случаях, когда агентность не была проявлена (например, «Я не участвую в принятии решений», «родители предлагают – я соглашаюсь»), 2 балла – когда агентность была явно проявлена (например, «чаще всего я проявляю инициативу, и друзья поддерживают меня», «Я выбираю внеклассные занятия только самостоятельно»), и 1 балл – за промежуточные варианты (например, «мои родители помогли мне в выборе внеклассных занятий», «Я обычно поддерживаю инициативу своих друзей, после того как мы это обсудим»). Результирующий «индекс агентности» варьируется от 0 до 8 баллов ($M = 3,3$; $SD = 1,37$; $Md/Mode = 3,00$), демонстрируя распределение, близкое к нормальному с некоторым смещением в сторону сниженной агентности (асимметрия = 0,19, эксцесс = 0,31). Такой подход к созданию интегрального индекса, объединяющего информацию о проявлениях рассматриваемого ключевого явления в разных предметных областях, базируется на практике измерения сложных конструктов, таких как «благополучие» или «качество жизни» [Michalos et al., 2014].

Далее, на основании рассчитанных значений индекса агентности были определены укрупненные группы респондентов с точки зрения обобщенного «уровня агентности». Респонденты, получившие 0 или 1 балл, были объединены в группу, получившую название «Минимальная агентность»; те, кто набрал 2 балла – «Низкая агентность», 3 балла – «Сниженная агентность», 4 балла – «Повышенная агентность», 5 баллов – «Высокая агентность», и те, кто набрал от 6 до 8 баллов, были объединены в категорию «Максимальная агентность».

Опрос родителей в рамках Мониторинга экономики образования. В исследовании использованы также данные анкетного опроса родителей в рамках Мониторинга экономики образования (МЭО), реализованного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в 2022/2023 уч. г. В опросе приняли участие 1910 родителей, дети которых посещают организации дополнительного образования. Опрос охватывал восемь федеральных округов Российской Федерации. Выборка образовательных организаций была стратифицирована по параметрам: 1) географическое положение; 2) тип населенного пункта; 3) тип образовательной организации; 4) форма собственности образовательной организации. Для приведения реализованной выборки к заявленным пропорциям использовалось связанное взвешивание. Взвешивающая переменная рассчитывалась на основе пропорций квот для всей базы с учетом частных квот для групп.

Агентность школьников оценивалась при помощи вопросов: «Какую позицию чаще всего занимает ваш ребенок во взаимодействии с друзьями, компанией?»; «Создавал ли ваш ребенок самостоятельно или выступал одним из со-инициаторов создания сообщества, группы по следующим направлениям?». Ответы на данные вопросы были сопоставлены с ответами на вопросы о структуре занятости детей в дополнительном образовании (количество объединений дополнительного образования, посещаемых ребенком; время, затрачиваемое на занятия дополнительным образованием).

Факторы, влияющие на показатель индекса агентности. Регрессионная модель, представленная в табл. 2, показывает, с какими факторами (предикторами) связан индекс агентности школьников. Согласно модели, 20% дисперсии индекса агентности связано с такими предикторами, как участие школьников в дополнительном образовании, возраст, академическая успеваемость, уровень образования матери. Принимая во внимание гендер, который не был значимым самостоятельным предиктором, участие школьников в дополнительном образовании лучше всего предсказывало уровень агентности ($\beta = 0,83$). В частности, эта связь была намного сильнее, чем с успеваемостью в школе (средний балл по русскому языку, литературе, математике) ($\beta = 0,12$) или со старшим возрастом ($\beta = 0,14$).

Связь обобщенного «уровня агентности» школьников с возрастом и полом. Рассмотрим подробно, как связан уровень агентности с возрастом школьников и полом.

Таблица 2

Результаты регрессионной модели⁰, предсказывающей индекс агентности
(N = 4914)

Предиктор	β	p	VIF
Пол (1 = мужской)	0,02	0,351	10,01
Возраст	0,14	< 0,001	10,05
Социально-экономический статус	0,01	0,832	20,87
Уровень образования матери	0,04	0,039	20,35
Уровень образования отца	0,01	0,642	10,58
Академическая успеваемость	0,12	< 0,001	10,08
Участие в дополнительном образовании (1 = да)	0,83	< 0,001	10,08
R^2 0,20			

Распределение уровней агентности имеет довольно выраженную возрастную специфику. По мере перехода в следующий класс, т.е. по мере взросления, снижается доля респондентов, для которых характерны низкие уровни агентности (доля респондентов с минимальным и низким уровнем агентности суммарно составляет 28,6% в 4 классе и 24,6% в 8 классе). Одновременно увеличивается процент тех, у кого уровень агентности выше (доля респондентов с высоким и максимальным уровнем агентности суммарно составляет 13,6% в 4 классе и 21,6% в 8 классе). Данная тенденция объяснима исходя из того, что подростковый возраст сопровождается быстрым развитием в физической, эмоциональной, когнитивной сферах молодых людей, повышается степень автономии от родителей; развивается способность самостоятельно принимать решения [Nunes et al., 2023].

Также при отсутствии в целом статистически значимой взаимосвязи с полом, отмечается некоторая гендерная асимметрия распределения по уровням агентности (рис. 1). Для девочек в большей степени характерен средний и умеренно низкий уровень агентности, распределение уровней агентности мальчиков имеет U-образный характер, среди мальчиков чаще встречаются крайние формы: либо минимальная, либо высокая агентность.

Агентность и уровень образования родителей. Рассмотрим, как агентность связана с уровнем образования родителей. В регрессионной модели уровень образования матери слабо положительно предсказывал уровень агентности (табл. 2). Однако дополнительный

Рис. 1. Распределение уровней агентности по полу, в % (по результатам опроса обучающихся)

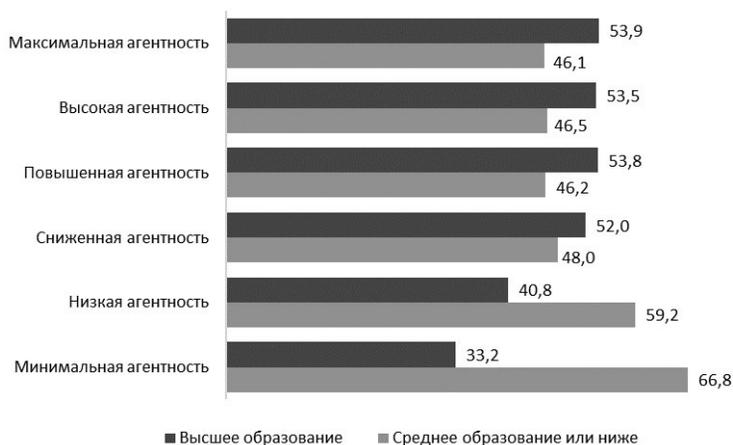

Рис. 2. Распределение уровней агентности в зависимости от наличия у матери высшего образования, в % (по результатам опроса обучающихся)

анализ показал, что эта взаимосвязь носит нелинейный характер (рис. 2). Низкий уровень агентности подростков чаще всего характеризовался отсутствием у матери высшего образования и наличием среднего. В группах учащихся с более высокими уровнями агентности доля матерей с высшим образованием значительно увеличивается, достигая максимума (чуть более половины) при повышенном уровне агентности. Для групп с еще более высокими уровнями агентности (высокий и максимальный уровень агентности) доля матерей с высшим образованием не меняется и остается стабильной.

Таким образом, уровень образования родителей, показавший в ранее проведенных исследованиях наиболее сильную взаимосвязь с агентностью [Schoon, Cook, 2021], оказывается слабо значимым на наших данных. Указанная связь также носит нелинейный характер: доля родителей с высшим образованием возрастает с повышением уровня агентности лишь до средних уровней агентности. По-видимому, уровень образования родителей выступает как стартовое условие, определяющее способность к агентности как таковую, – но не определяющее степень ее проявления. Можно предположить, что значительная часть детей с минимальной и низкой агентностью не проявляют агентность из-за структурных факторов, связанных с социально-экономическим положением их семей, однако агентность на самых высоких уровнях своего проявления подразумевает преодоление структурных ограничений, связанных с низким семейным СЭС, что в целом согласуется с результатами ранее проведенных исследований.

Агентность и академическая успеваемость школьников. Для рассмотрения взаимосвязи уровня агентности с академической успеваемостью респондентов анализировалась информация об итоговых оценках по математике, русскому языку и литературе за последний учебный год и соотносилась с показателями уровня агентности школьников. Сопоставление средних оценок обучающихся с различными уровнями агентности, представленное в табл. 3, высвечивает закономерность, сходную полученной для уровня образования родителей: уровень агентности демонстрирует положительную взаимосвязь с академической успеваемостью по всем трем предметам, но только на уровнях агентности до повышенного. На более высоких уровнях агентности взаимосвязи повышения средней итоговой оценки с повышением уровня агентности не наблюдается, а средняя итоговая оценка по всем предметам на уровне максимальной агентности ниже, чем на предыдущем уровне.

Таблица 3

**Академическая успеваемость (средняя итоговая оценка по предметам)
в зависимости от уровня агентности (по результатам опроса обучающихся)**

Уровень агентности	Итоговая оценка по русскому языку	Итоговая оценка по литературе	Итоговая оценка по математике
Минимальная	3,63	4,05	3,70
Низкая	3,80	4,18	3,82
Сниженная	3,94	4,35	4,00
Повышенная	3,97	4,40	4,05
Высокая	3,92	4,42	4,02
Максимальная	3,90	4,40	4,01

Углубленный анализ в разрезе отдельных предметов демонстрирует значительно более сложную картину. С одной стороны, доля обучающихся с высокими достижениями увеличивается с повышением уровня агентности; важно, что среди респондентов, которые характеризуются максимальным уровнем агентности, доля академически сильных школьников в два раза выше, чем среди школьников с минимальной агентностью (рис. 3). В то же время распределение слабо успевающих учащихся (получивших удовлетворительные или неудовлетворительные оценки) по уровням агентности для всех трех предметов имеет U-образную форму: меньше всего неуспевающих учащихся среди тех, для кого характерен средний уровень агентности, и больше среди тех, у кого уровень агентности минимальный либо максимальный. Таким образом, среди респондентов с максимальным уровнем агентности больше как отличников, так и слабо успевающих школьников по сравнению с теми, у кого уровень агентности ближе к средним показателям. Важно

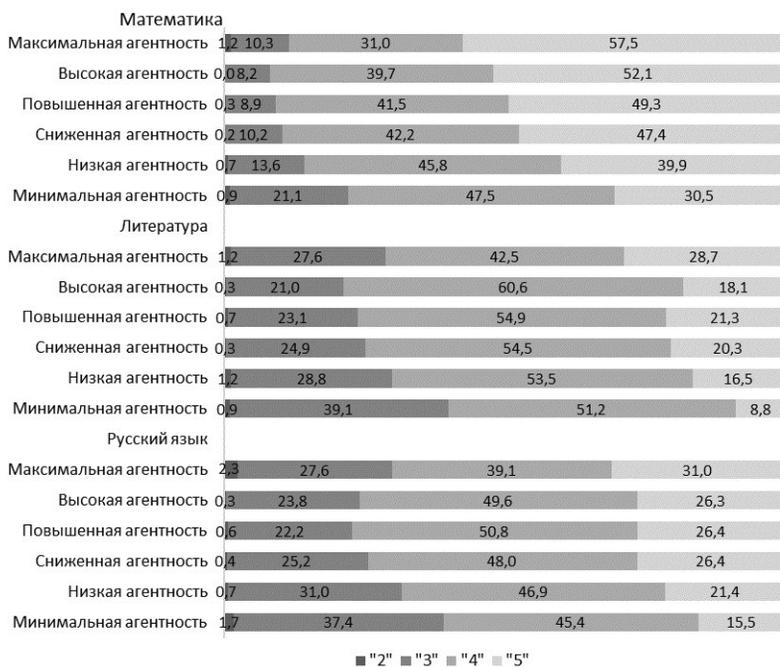

Рис. 3. Итоговая оценка по математике, русскому языку и литературе в зависимости от уровня агентности, в % (по результатам опроса обучающихся)

отметить, что среди респондентов с максимальной агентностью больше, чем среди носителей несколько меньшей агентности, тех, кто имеет неудовлетворительную оценку по каждому из предметов.

В исследовании впервые эмпирически комплексно изучена взаимосвязь агентности школьников с их успеваемостью. Академическая успеваемость выступает фактором, статистически значимо связанным с уровнем агентности. В целом данная связь слаба, однако имеет сложный характер. Если доля обучающихся, получающих отличные оценки по русскому языку, литературе и математике, возрастает с повышением уровня агентности, то доля слабо успевающих подростков снижается с повышением уровня агентности до среднего, однако на более высоких уровнях агентности вновь возрастает. Примечательно, что данная закономерность характерна для всех трех предметов. Рассмотренные закономерности взаимосвязи уровня агентности с уровнем образования родителей и с академической успеваемостью подростков впервые эмпирически подтвердили описанную в литературе точку зрения об ограниченности возможностей школьного образования в проявлении и реализации агентности [Manyukhina, 2022; Gurdal, Sorbring, 2018; Поливанова, Бочавер, 2022]. Роль школы оказывается значимой исключительно с точки зрения повышения минимальных уровней агентности до средних значений, и пространство возможностей, предоставляемых школой, оказывается достаточным для агентности лишь на среднем уровне.

Агентность и участие школьников в дополнительном образовании. Следующий этап анализа касался участия школьников в дополнительном образовании и зависимости времени, затраченного на внеклассные занятия, от уровня агентности. Из данных рис. 4 следует, что чем выше уровень агентности, тем больше доля респондентов, вовлеченных в практики дополнительного образования (на базе школы и за ее пределами). Доля занимающихся дополнительным образованием является наибольшей для высокого и максимального уровней агентности и практически не отличается на этих двух уровнях. Важно, что среднее время, затрачиваемое на занятия дополнительным образованием, также существенно выше с увеличением уровня агентности, при этом данный параметр не выходит на плато: школьники с максимальным уровнем агентности затрачивают на занятия в кружках и секциях больше всего времени (рис. 4). Это свидетельство того, что на высоких уровнях агентности повышается не только и не столько формальная вовлеченность в дополнительные занятия ("student engagement"), сколько глубина и осознанность, способствующие формированию конструктивного вклада обучающихся в процесс обучения

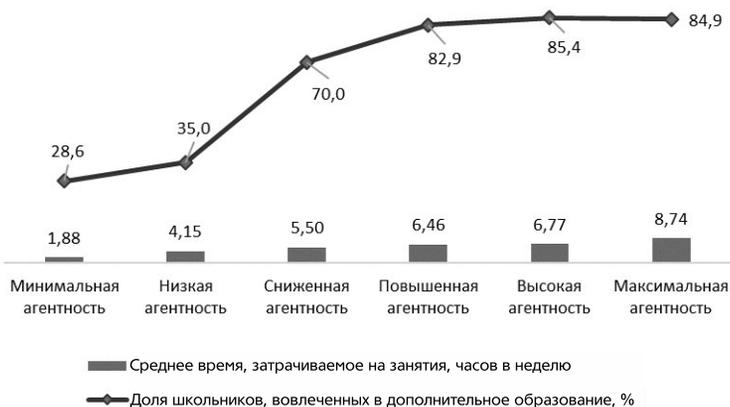

Рис. 4. Доля обучающихся, занимающихся дополнительным образованием, в % и среднее время, затрачиваемое на занятия, часов в неделю, в зависимости от уровня агентности (по результатам опроса обучающихся)

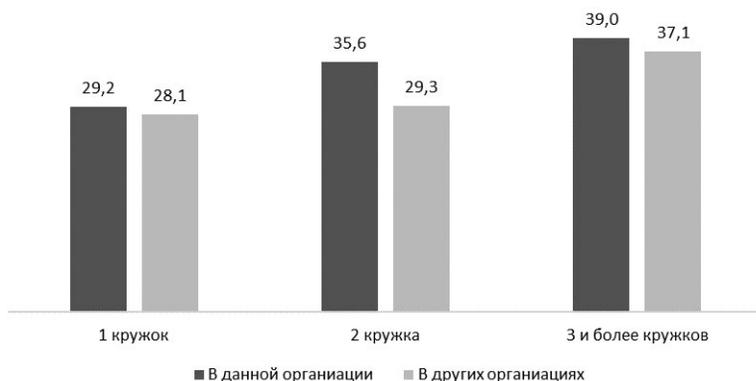

Рис. 5. Доля родителей, отметивших, что в кругу сверстников их ребенок выступает с собственной инициативой в зависимости от количества посещаемых объединений дополнительного образования, в % (опрос родителей)

(“student agency”) [Klemenčič, 2017] и требующие, соответственно, значительно больших временных затрат на занятия.

Результаты опроса родителей свидетельствуют, что чем больше объединений дополнительного образования посещает ребенок, тем в большей степени он склонен выступать с собственной инициативой в кругу сверстников (рис. 5). При этом данная тенденция проявляется и для занятий дополнительным образованием на базе школы, и вне ее.

Кроме того, результаты опроса родителей показывают наличие положительной взаимосвязи между участием детей в дополнительном образовании и реализацией ими такой агентной деятельности, которая предполагает создание детьми и подростками сообществ и групп, особенно по вопросам увлечений, хобби, общественной активности (рис. 6).

Кроме того, чем больше среднее время, затрачиваемое в неделю на занятия в кружках (секциях, студиях, клубах), тем активней позиция, которую ребенок обычно занимает в кругу сверстников, при взаимодействии с друзьями, компанией (рис. 7).

Интересно, что среднее время, затрачиваемое ребенком на занятия в кружках и секциях, оказывается большим в случае ведения им деятельности по созданию сообществ и групп (рис. 8). Прослеживается закономерность, аналогичная описанной выше для взаимосвязи этой деятельности с количеством объединений дополнительного

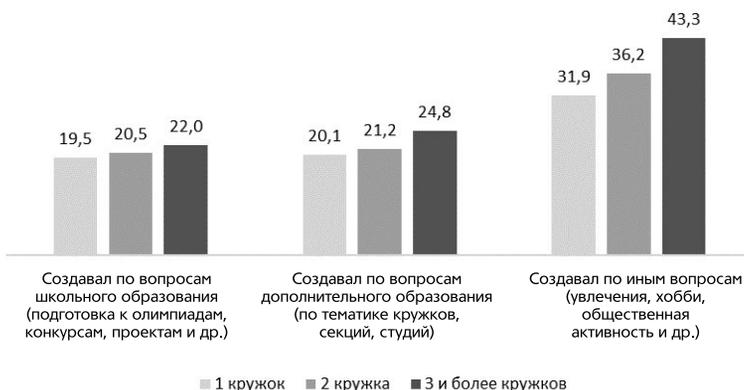

Рис. 6. Агентная деятельность школьников в виде создания сообществ, групп и количество посещаемых объединений дополнительного образования, в % (по результатам опроса родителей)

Рис. 7. Позиция, которую ребенок обычно занимает во взаимодействии с друзьями, компанией и среднее время, затрачиваемое в неделю на занятия в кружках (секциях, студиях, клубах), в % (по результатам опроса родителей)

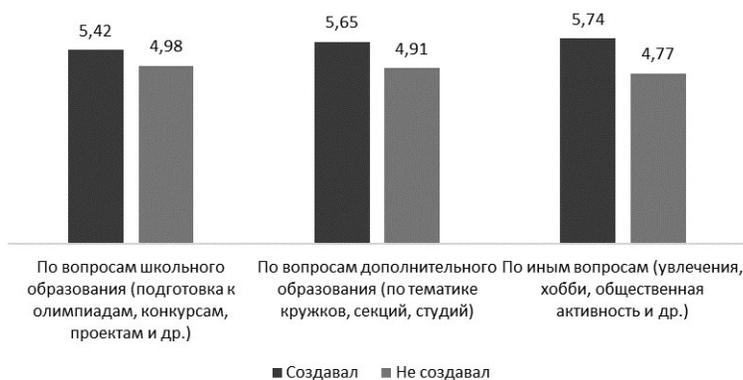

Рис. 8. Среднее время, затрачиваемое в неделю на занятия в кружках (секциях, студиях, клубах), часов в неделю, и агентная деятельность школьников в виде создания сообществ и групп (по результатам опроса родителей)

образования, посещаемых ребенком: наиболее ярко проявляется данный тренд для создания групп по вопросам, связанным с увлечениями, хобби, общественной деятельностью. В данном случае разница во времени на дополнительные занятия достигает 20%.

Агентность и участие в дополнительном образовании по предметным направлениям. Чтобы понять, занятия по каким направлениям дополнительного образования наиболее сильно связаны с уровнем агентности, была оценена дополнительная регрессионная модель (табл. 4). 18% дисперсии индекса агентности было связано с рассмотренными предикторами. Принимая во внимание пол и возраст школьников, уровень агентности был положительно предсказан только с участием в дополнительном образовании, по таким направлениям, как спорт и физическое воспитание, искусство, общественная деятельность, технологии и ремесла. Независимо от того, где данные занятия проводятся (в школе или вне ее), спортивные и общественные мероприятия примерно одинаково «предсказывают» уровень агентности в рамках регрессионной модели. Также важно, что когда занятия по искусству проводятся вне школы, связь с уровнем агентности сильнее;

Таблица 4

Результаты регрессионной модели, предсказывающей индекс агентности ($N = 4914$)

Предиктор	β	p	VIF
Гендер (1 = мужской)	0,03	0,245	10,09
Возраст	0,13	< 0,001	10,04
Социально-экономический статус	-0,01	0,961	10,70
Уровень образования матери	0,06	0,007	10,54
Уровень образования отца	0,01	0,637	10,26
Академическая успеваемость	0,13	< 0,001	10,05
<i>Дополнительное образование</i>			
Спорт и физическая культура			10,07
В школе	0,69	< 0,001	
Вне школы	0,61	< 0,001	
Искусство			10,07
В школе	0,28	< 0,001	
Вне школы	0,42	< 0,001	
Общественная деятельность			10,03
В школе	0,37	0,017	
Вне школы	0,39	0,002	
Инженерия и технологии			10,03
В школе	-0,06	0,788	
Вне школы	0,27	< 0,001	
Ремесла			10,04
В школе	0,14	0,543	
Вне школы	0,27	0,013	
Подготовка к школе			10,07
В школе	0,30	0,219	
Вне школы	0,02	0,894	
Туризм			10,07
В школе	0,01	0,912	
Вне школы	-0,09	0,466	
Наука			10,04
В школе	-0,01	0,964	
Вне школы	0,06	0,724	
Иностранные языки			10,05
В школе	0,05	0,739	
Вне школы	0,07	0,173	
Подготовка по предметам школьной программы			10,04
В школе	-0,11	0,323	
Вне школы	-0,08	0,509	
R^2	0,18		

аналогичная закономерность отмечалась для занятий технической направленности, ремеслами (уровень агентности был значимо связан с этими видами занятий, только когда они проводились вне школы).

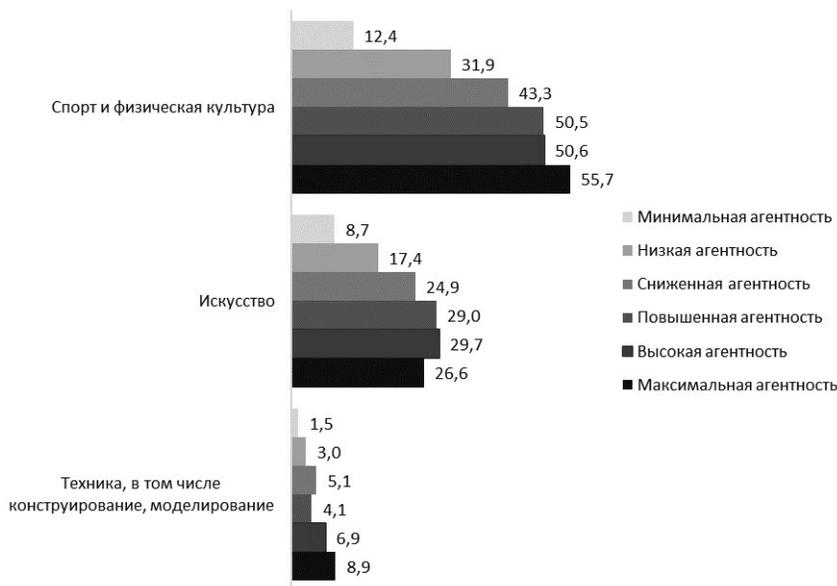

Рис. 9. Доля обучающихся, занимающихся дополнительным образованием по различным направленностям вне школы, в зависимости от уровня агентности, в % (по результатам опроса обучающихся)

На основании этих результатов можно предположить, что наибольшую активность и инициативу проявляют обучающиеся, которые намерены достичь наиболее высоких результатов в рамках дополнительных занятий, а не просто провести время после школы. Поэтому они выбирают занятия в специализированных организациях дополнительного образования, где качество предоставляемых образовательных услуг, как правило, значительно выше, чем в инициативах на базе школы [Косарецкий и др., 2019].

Гистограмма на рис. 9 показывает, как доля школьников, посещающих дополнительные занятия по различным направленностям вне школы, связана с уровнем агентности. Можно видеть, что доля школьников, занимающихся спортом и физической культурой в группе с максимальным уровнем агентности, в четыре раза выше доли занимающихся по данному направлению дополнительных занятий среди группы школьников с минимальным уровнем агентности. Аналогично доля занимающихся искусством в группе с максимальным уровнем агентности в три раза выше доли тех, кто занимается искусством, среди лиц с минимальным уровнем агентности, а для школьников, занимающихся инженерией и технологиями, различие составило почти шесть раз.

В целом наиболее статистически значимые взаимосвязи с уровнем агентности отмечены для занятий физической культурой и спортом в школе и вне школы, подтверждая данные, опубликованные в литературе [Barber et al., 2001]. Однако, как и приведенный выше вывод о связи уровня образования матери и агентностью, результаты, касающиеся конкретных направленностей дополнительного образования, наиболее тесно связанных с агентностью, требуют проведения более детальных исследований, направленных на выявление механизмов взаимосвязей и факторов, лежащих в их основе.

Заключение. Социальная турбулентность последнего времени усилила значимость агентности. Школьный возраст является важным периодом ее формирования и проявления. Несмотря на возросшее число исследований агентности подростков, в том числе в сфере образования, на данный момент отсутствует общепризнанная методология измерения данного конструкта с учетом его полипредметной природы [Cavazzoni et al.,

2021]. Кроме того, фактически не изучена взаимосвязь между проявлением агентности подростками и их участием во внеклассных активностях. Наше исследование с помощью специально разработанной с опорой на современную отечественную и зарубежную литературу методологии показало, что такие факторы, как уровень образования родителей, академическая успеваемость в целом относительно слабо связаны с агентностью. Образование родителей демонстрирует положительную взаимосвязь с агентностью, но только до средних уровней и не может служить предиктором ее высоких уровней. Академическая успеваемость школьников демонстрирует еще более сложную, U-образную связь: наиболее агенты, с одной стороны, лица с низкой успеваемостью, с другой стороны – отличники. Выявлена сильная взаимосвязь между уровнем агентности и участием подростков во внеклассных активностях, прежде всего таких как спорт и физическая культура, искусство, инженерия и технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Дополнительное образование детей: Единое многообразие / Под общ. ред. С.Г. Косарецкого, И.Д. Фрумина; науч. ред. Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Extracurricular education of children: Unified diversity. (2019) General ed. by S.G. Kosaretsky, I.D. Frumin; scientific ed. Ya.I. Kuzminov, I.D. Frumin. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)]
- Поливанова К.Н, Бочавер А.А. Возможна ли детская самостоятельность в современной школе? // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 6–15. [Polivanova K.N., Bochaver A.A. (2022). Is students' autonomy possible at contemporary school? *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 27(3): 6–15. DOI: 10.17759/pse.2022270301. (In Russ.)]
- Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114. [Sorokin P.S. (2023) The problem of "agency" through the prism of a new reality: conditions and perspectives. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2. (In Russ.)]
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 116–137. [Sorokin P.S., Froumin I.D. (2022) Education as a Source for Transformative Agency: Theoretical and Practical Issues. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1: 116–137. DOI: 10.31857/S013216250022927-2. (In Russ.)]
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. Е.Б. Головляницыной. М.: ВШЭ, 2022. [Fligstein N., McAdam D. (2022) *Fields theory*. Moscow: HSE. (In Russ.)]
- Abebe T. (2019) Reconceptualising children's agency as continuum and interdependence. *Social Sciences*. Vol. 8. No 3: 1–16. DOI: 10.3390/socsci8030081.
- Baharom M.N., Sharfuddin M., Iqbal J. (2017) A systematic review on the deviant workplace behavior. *Review of Public Administration and Management*. Vol. 5. No. 3: 1–8. DOI: 10.4172/2315-7844.1000231.
- Baker C.N. (2008) Under-represented college students and extracurricular involvement: the effects of various student organizations on academic performance. *Social Psychology of Education*. Vol. 11. No. 3: 273–298. DOI: 10.1007/s11218-007-9050-y.
- Barber B.L., Eccles J.S., Stone M.R. (2001) Whatever happened to the Jock, the Brain, and the Princess? Young adult pathways linked to adolescent activity involvement and social identity. *Journal of Adolescent Research*. No. 16: 429–455. DOI: 10.1177/0743558401165002.
- Carbonaro W., Maloney E. (2019) Extracurricular activities and student outcomes in elementary and middle school: causal effects or self-selection? *Socius*. No. 5: 1–17. DOI: 10.1177/2378023119845496.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. (2021) How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*. Vol. 159. No. 3: 1125–1153. DOI: 10.1007/s11205-021-02791-8.
- Fletcher A.C., Nickerson P., Wright K.L. (2003) Structured leisure activities in middle childhood: links to well-being. *Journal of Community Psychology*. Vol. 31. No. 6: 641–659. DOI: 10.1002/jcop.10075.
- Gallagher M.W., Long L.J., Richardson A., D'Souza J. M. (2019) Resilience and coping in cancer survivors: The unique effects of optimism and mastery. *Cognitive Therapy and Research*. Vol. 43: 32–44. DOI: 10.1007/s10608-018-9975-9.
- Gilman R., Meyers J., Perez L. (2004) Structured extracurricular activities among adolescents: findings and implications for school psychologists. *Psychology in the Schools*. Vol. 41. No. 1: 31–41. DOI: 10.1002/pits.10136.

- Gurdal S., Sorbring E. (2018) Children's agency in parent-child, teacher-pupil and peer relationship contexts. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. Vol. 13: 1565239. DOI: 10.1080/17482631.2019.1565239.
- Kirby P. (2019) Children's agency in the modern primary classroom. *Children & Society*. Vol. 34. No. 1: 17-30. DOI: 10.1111/CHSO.12357.
- Klemenčič M. (2017) From student engagement to student agency: Conceptual considerations of European policies on student-centered learning in higher education. *Higher education policy*. Vol. 30. No. 1: 69-85. DOI: 10.1057/s41307-016-0034-4.
- Lareau A., Weininger E.B. (2008) *Class and the Transition to Adulthood. Social Class: How Does It Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Manyukhina Y. (2022) Children's agency in the National Curriculum for England: a critical discourse analysis. *Education* 3-13. No. 50: 506-520. DOI: 10.1080/03004279.2022.2052232.
- Michalos A.C. et al. (ed.) (2014) *Encyclopedia of quality of life and well-being research*. Dordrecht: Springer Netherlands.
- Nunes F., Mota C.P., Ferreira T. et al. (2023) Stability and change in adolescents' sense of agency: contributions of sex, multiple risk, pandemic stress, and attachment to parents. *Journal of Youth and Adolescence*. No. 52: 1374-1389. DOI: 10.1007/s10964-023-01766-x.
- Oberle E., Ji X.R., Guhn M. et al. (2019) Benefits of extracurricular participation in early adolescence: associations with peer belonging and mental health. *Journal of Youth and Adolescence*. No. 48: 2255-2270. DOI: 10.1007/s10964-019-01110-2.
- OECD (2018) *Education 2030: The Future of Education and Skills*, Paris: OECD.
- Oswell D. (2013) *The Agency of Children: From Family to Global Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peterson T., Fowler S., Dunham T.F. (2013) *Creating the Recent Force Field: A Growing Infrastructure for Quality Afterschool and Summer Learning Opportunities. Expanding Minds and Opportunities*. Washington, DC: Collaborative Communications Group.
- Ruscoe A., Barblett L., Parrath-Pugh C. (2018) Sharing power with children: repositioning children as agentic learners. *Australasian Journal of Early Childhood*. Vol. 43. No.3: 63-71. DOI: 10.23965/AJEC.43.3.07.
- Schoon I., Cook R. (2021) Can individual agency compensate for background disadvantage? Predicting tertiary educational attainment among males and females. *Journal of Youth and Adolescence*.
- Schoon I., Heckhausen J. (2019) Conceptualizing individual agency in the transition from school to work: a socio-ecological developmental perspective. *Adolescent Research Review*. Vol. 4. No. 5: 135-148. DOI: 10.1007/s40894-019-00111-3.
- Shanahan M.J. (2003) Pathways to adulthood in changing societies: variability and mechanisms in life course perspective. *Annual Review of Sociology*. No. 26: 667-692. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.667.
- Sirkko R., Kyrönlampi T., Puroila A.M. (2019) Children's agency: opportunities and constraints. *International Journal of Early Childhood*. Vol. 51. No. 3: 283-300. DOI: 10.1007/s13158-019-00252-5.
- Steiner-Khamsi G. (2016) Standards are good (for) business: standardised comparison and the private sector in education. *Globalisation, Societies and Education*. Vol. 14. No. 2: 161-182. DOI: 10.1080/14767724.2015.1014883.
- Thoits P.A. (2006) Personal agency in the stress process. *Journal of Health and Social Behavior*. No. 47: 309-323. DOI: 10.1177/002214650604700401.
- Udehn L. (2002) The changing face of methodological individualism. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. No. 1: 479-507. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.1.10601.140938.
- Veronese G., Pepe A., Cavazzoni F., Obaid H., Perez J. (2019) Agency via life satisfaction as a protective factor from cumulative trauma and emotional distress among bedouin children in Palestine. *Frontiers in Psychology*. No. 10. Article 1674. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01674.

Статья поступила: 19.12.23. Финальная версия: 14.02.24. Принята к публикации: 04.03.24.

THE MAIN FACTORS OF SCHOOLCHILDREN AGENCY: EMPIRICAL ANALYSIS

GOSHIN M.E.*, SOROKIN P.S.*, GRIGORYEV D.S.*

*HSE University, Russia

Mikhail E. GOSHIN, *Cand. Sci. (Chem.)*, Research Fellow at the A.A. Pinsky Center for General and Extracurricular Education, Institute of Education (m.goshin@mail.ru); Pavel S. SOROKIN, *Cand.Sci. (Sociol.)*, Leading Researcher, Head of the Laboratory for Human Potential and Education Research, Institute of Education (psorokin@hse.ru); Dmitry S. GRIGORYEV, *Cand.Sci. (Psychol.)*, Research Fellow at the Center for Socio-Cultural Research (dgrigoryev@hse.ru). All – HSE University, Moscow, Russia.

Abstract. The article is devoted to schoolchildren agency, understood as the ability to make decisions and proactively act in various contexts and spheres of public and personal life, supporting or transforming social environment. The focus of the study is aimed at examining interrelationships between the level of schoolchildren agency and factors related to the family environment, as well as academic performance and participation in extracurricular activities. The data were obtained by surveying 4,603 schoolchildren from 4th to 8th grade of schools in Yaroslavl. Another data source was a survey of 1,910 parents whose children attend extracurricular activities, as part of the Monitoring of education markets and organizations (<http://memo.hse.ru/en/>), from 8 federal districts of the Russian Federation in 2022. The level of agency was assessed using a specially developed methodology that takes into account the child's activity in different areas (family or relationships with peers). It has been established that the socio-economic status of a family, primarily the parental level of education, is poorly related to the agency level, whereas older age and higher academic performance of schoolchildren demonstrate a slightly stronger positive relationship. The gender factor as a whole is not significant, however, boys display somewhat both higher and lower agency levels, while girls are characterized by average indicators. A strong positive relationship has been revealed between the level of schoolchildren agency and their participation in extracurricular activities most pronounced for classes in specialized organizations outside of school. The strongest relationship with the agency level is demonstrated by sports, art, social activities, technology and crafts.

Keywords: agency, academic performance, extracurricular activities.

Received: 19.12.23. Final version: 14.02.24. Accepted: 04.03.24.

© 2024 г.

М.В. ЛОМОНОСОВА, М.Б. БУЛАНОВА

В.М. БЕХТЕРЕВ И П.А. СОРОКИН: НАУЧНЫЙ СОЮЗ ВО ИМЯ СОЦИОЛОГИИ

ЛОМОНОСОВА Марина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (lomonosovamv@mail.ru); БУЛАНОВА Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (marina_bulanova@inbox.ru).

Аннотация. В статье представлена история сотрудничества В.М. Бехтерева и П.А. Сорокина. Обсуждение вклада П.А. Сорокина в становление социологии как науки в России – тема множества отечественных и зарубежных публикаций, тогда как реальное участие В.М. Бехтерева в этом процессе и его социологические воззрения до сих пор не рассматривались. Большинству отечественных социологов известно только, что В.М. Бехтереву удалось открыть первую в России кафедру социологии в составе Психоневрологического института, где молодой П.А. Сорокин совершал первые шаги в науку, которая в дальнейшем оказалась неразрывно связанной с его именем и его научными трудами. Многие актуальные и острые проблемы и явления, такие как голод, война, эпидемии, преступность, которые В.М. Бехтерев разрабатывал как психиатр и физиолог, П.А. Сорокин подверг комплексному социологическому анализу.

Ключевые слова: Владимир Бехтерев • Питирим Сорокин • российская социология • история социологии • бихевиоризм • коллективная рефлексология • Психоневрологический институт • голод • политика памяти

DOI: 10.31857/S0132162524030103

Введение. Питирим Александрович Сорокин, как и его учитель Максим Максимович Ковалевский, обладали способностью собирать вокруг себя соратников в деле развития в России новой науки – социологии. Одним из тех, с кем П.А. Сорокина свела судьба в молодые годы и с кем он сотрудничал вплоть до высылки из России, был Владимир Михайлович Бехтерев.

Вклад В.М. Бехтерева в отношении социологии не столь очевиден для исследователей, несмотря на то, что социология как научная дисциплина пересекалась с областью его профессиональных занятий, что видно по содержанию его фундаментального труда «Коллективная рефлексология» (1921), в котором он обращается к социологической проблематике и ссылается на работы социологов¹, а также по его публицистическим статьям,

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 22-28-01076.

¹ В именном указателе «Коллективной рефлексологии» Э. Дюркгейм упоминается девять раз, Н.И. Кареев – четыре раза, М.М. Ковалевский – три раза, О. Конт – пять раз, Г. Лебон – 34 раза, Е.В. Де Роберти – семь раз, П.А. Сорокин – 25 раз, Г. Спенсер – 12 раз, Г. Тард – 40 раз.

посвященным актуальным проблемам российского общества. Заметное влияние идей Бехтерева на творчество Сорокина проявилось в теоретической позиции умеренного бихевиоризма последнего и в его неизменном интересе к достижениям физиологов школы И.П. Павлова, к теории условных рефлексов, к экспериментальной психофизиологии, психоневрологии и психиатрии.

Полагая, что коллективная рефлексология и социология связаны воедино общей задачей – изучением взаимодействия личности и общества, Бехтерев, так же, как и многие социологи того времени, опирался на парадигму социального согласия. В своей наиболее значимой с социологической точки зрения работе «Коллективная рефлексология» он отмечал, что в любой социальной группе всегда есть место согласию и сотрудничеству, разногласиям и конфликтам. Согласие и сотрудничество «являются условиями, поддерживающими и оживляющими всякий общественный прогресс, вторые условия являются условиями, тормозящими общественный прогресс или его задерживающими» [Бехтерев, 1921: 254]. В ситуации острых социальных конфликтов в российском обществе первых двух десятилетий XX в. Бехтерев предпринял попытку формирования мировоззренческих основ социальной концепции, отрицающей традиционное противопоставление личности и общества. Бехтерев подчеркивал, что «в интересах общества не подавлять личность, а наоборот ее развивать, лишь бы это развитие шло не к ущербу общества. Таким образом, обществу надлежит содействовать всестороннему развитию личности, ограждая лишь себя от распада путем укрепления солидарности между его членами. В этом и только в этом должна быть задача организованного общества, именуемого государством» [Бехтерев, 1921: 71]. Его интерес к проблемам социального и государственного устройства, наряду с опорой на методологию социологии, прослеживался практически во всех его работах периода 1910–1920-х гг.

Вытеснение социологии из корпуса социогуманитарного знания в СССР сталинского периода привело к тому, что забвению были преданы не только российские социологи, но и работы многих выдающихся ученых из других областей научного знания, оказавших существенное влияние на ее развитие. Биографы и исследователи научного творчества Бехтерева в силу идеологических ограничений стремились не акцентировать внимание на его роли в становлении российской социологии.

По материалам многочисленных научных и словарных статей советского и постсоветского времени можно получить обобщенную справочную информацию о том, что Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – выдающийся русский психиатр, невропатолог, физиолог, социальный психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик, заслуженный деятель науки РСФСР. О его роли в развитии отечественной социологии обычно даже не упоминается, поэтому стоит остановиться на его деятельности, непосредственно связанной с социологией, выделить наиболее значимые в этом отношении факты.

В первую очередь – это издание периодического журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма»², основанного в 1904 г. Бехтеревым совместно с В.С. Серебренниковым и ставшего впоследствии официальным печатным органом Психоневрологического института и академическим каналом трансляции социологических знаний. На страницах журнала, девизом которого стал призыв: «Познать человека», регулярно выходили статьи, рецензии и рефераты социологического содержания [Сидорчук, 2016b: 146]. Значимое место в журнале занимали материалы о деятельности Психоневрологического института. За несколько лет до его открытия стали обсуждаться основные

² Первый номер «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» вышел в 1904 г., когда В.М. Бехтерев и его коллеги получили официальное разрешение на его издание и нашли источники финансирования. Изначально журнал выходил при поддержке Военно-медицинской академии, а с 1907 г. он стал официальным печатным органом Психоневрологического института. С 1912 г. журнал выходил под названием «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии».

цели его организации. Позже в качестве приложений стали публиковаться протоколы заседаний Совета, программы курсов С.К. Гогеля «Уголовная социология и уголовная политика» и Е.В. Де Роберти «Общая социология», отчеты о деятельности кафедр и лабораторий. Роль Бехтерева как основателя журнала состояла в том, что благодаря научной коммуникации на его страницах в России стало оформляться социологическое сообщество. Редакционная политика Бехтерева способствовала обсуждению социологической проблематики на страницах ряда других научных журналов, таких как «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вопросы изучения труда», «Вопросы психофизиологии и рефлексологии труда», «Педагогический вестник». Инициатива и усилия Бехтерева по созданию в Петербурге Психоневрологического института, представляющего собой высшее научное и учебное заведение, привели к тому, что на его основе возникли самостоятельные учреждения, продолжающие свою работу и в XXI веке³, и что именно здесь в 1908 г. была открыта первая кафедра социологии, которую возглавил М.М. Ковалевский.

Одним из необходимых для формирования новой отрасли знания в самостоятельную научную дисциплину условий является создание соответствующих профессиональных объединений. Поэтому появление Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского в 1916 г. было не только данью признания заслуг ученого после его смерти, но и закономерным следствием развития социологии в России. В создании Общества большую роль сыграли ученики и коллеги Ковалевского, связанные годами учебы и работы в Психоневрологическом институте, которых поддерживали многие выдающиеся ученые и политические деятели: лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Туган-Барановский и др. Таким образом, Бехтерев стоял у истоков преподавания социологии в российских университетах и принимал участие в формировании этого первого профессионального объединения социологов.

Основание Психоневрологического института как фактор институционализации социологии. В 1907 г. по инициативе Бехтерева и при поддержке Всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге открылся Психоневрологический институт – первый в мире научный центр по комплексному изучению человека, организованный как исследовательское и высшее учебное заведение. Изначально предполагалось, что Институт будет заниматься исключительно научной деятельностью по изучению человеческого мозга и его функций в здоровом и больном состоянии. Для выполнения научных задач при Институте планировалось чтение специальных курсов и лекций, а Устав определял его как «ученое и высшее учебное заведение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук. <...> В институте читаются по мере возможности курсы: исторический, философский, психологический, анатомический, биолого-физиологический, патологический, антропологический, гигиенический, педагогический, врачебно-педагогический, психопатологический (с психиатрической клиникой), невропатологический (с клиникой для нервных болезней), психотерапевтический, физико-терапевтический»⁴. Кроме того, Совету Института предоставлялось право по мере дальнейшего развития включать другие научные дисциплины, что и послужило основой для введения чтения социологии. Заведование курсами поручалось профессорам, избираемым Советом Психоневрологического института, что соответствовало практике организации кафедр в академических учреждениях начала XX в. Наряду с курсами разрешалось чтение публичных лекций по предметам, относящимся к деятельности Института.

³ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева, Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины.

⁴ Об учреждении Психоневрологического института в Петербурге // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 801. Л. 29–34 об.

Первоначально обучение в Психоневрологическом институте было рассчитано на два года. Предметы, входящие в состав преподавания, разделялись на три секции: философско-педагогическую, криминальную, психиатро-неврологическую. В каждую секцию, помимо специальных научных дисциплин, должна была входить основная группа наук, общая для всех трех секций. Студенты выбирали одну из указанных секций. В основную секцию входил курс общей социологии, а в криминологическую – курс уголовной социологии [Акименко, Шершеневский, 1999: 30–31].

Однако вскоре структура Института была изменена. По воспоминаниям Н.И. Кареева, после закрытия в 1907 г. курсов Лесгафта⁵ М.М. Ковалевский обратился с просьбой к Бехтереву принять слушателей с этих курсов и помочь им закончить образование в максимальном приближении к университетской программе. В такой постановке дела Ковалевский видел возможность возобновления в рамках Психоневрологического института работы Русской высшей школы общественных наук в Париже [Кареев, 1990: 253]. Негосударственный характер финансирования, трехлетний цикл обучения, либеральные принципы приема придавали Институту черты и характер свободного учебного заведения, которым обладала Русская высшая школа общественных наук в Париже.

Психоневрологический институт в глазах широких кругов российского общества был призван продолжить дело Лесгафта, его «Вольную школу», а то, что отличало его от других учебных заведений (отказ от ранней специализации, возможность сознательного выбора факультета, новые методы преподавания и существенные отступления от консервативных академических традиций), обещало успех в будущей профессии. Сюда со всех концов России стали стекаться жаждавшие знаний молодые люди, оказавшиеся за бортом высшего образования: принимались не закончившие среднего образования юноши; евреи, не попавшие в трехпроцентную норму; женщины, не допускавшиеся царским правительством к высшему образованию. Популярность Института была огромной. Тем не менее, как отмечал в воспоминаниях Н.И. Кареев, «отрицательные стороны в этом учреждении тоже были, между прочим, в студенческой среде, где было немало проявлений невысокой культуры» [Кареев, 1990: 253].

На торжественном открытии Психоневрологического института 3 февраля 1908 г. профессор Бехтерев во вступительной речи отметил, что учебное заведение дает «своим слушателям такое образование, на котором сосредоточен в комплексе ряд биологических, неврологических, исторических и общественных наук» [Бехтерев, 1908: 4]. Среди общественных наук студентам будет преподаваться социология, что определяется научными и общественными задачами. Бехтерев подчеркивал, что высшая школа, готовя самых разных специалистов «как-то упускает из виду, что впереди всего должен быть сам человек и что для государства и общества, кроме профессиональных деятелей, нужны еще лица, которые понимают, что есть человек <...> какое значение в его жизни должны иметь идеалы в обществе, влияющие и формирующие массовое сознание» [Бехтерев, 1908: 14]. Вслед за Бехтеревым, выступили с докладами социологи Ковалевский и Де Роберти. Тема выступления последнего была обозначена как «Задачи социологии», что было очень значимо с точки зрения дальнейшего развития социологического образования. Де Роберти поддержал заявление Бехтерева, отметив, что современная психология не может в своих исследованиях обойтись без правильной помощи, без постоянного содействия социологии. «Психология должна опереться на социологию как на прочное, незыблемое основание, должна исходить в своих выводах и заключениях из данных, предварительно добытых социологическими наблюдениями и исследованиями» [Де Роберти, 1908: 923].

⁵ В 1905 г. П.Ф. Лесгафт добился разрешения организовать Высшие курсы по наукам биологическим, педагогическим и общественным, которые он называл Вольной высшей школой (Высшие курсы П.Ф. Лесгафта). Сейчас – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта.

Столь явный акцент на новой науке во вступительных речах на открытии Института, а также два часа занятий, выделенных на курс социологии в учебном плане, вести который собирались Ковалевский и Де Роберти, в недавнем прошлом политические эмигранты, было очень смелым решением Бехтерева. Однако включение социологии в учебный план вызвало недоумение в Министерстве народного просвещения, так как ее преподавание в государственных университетах официально было запрещено [Глотов, 2014: 19]. От Бехтерева потребовали разъяснений, которые были им даны со ссылкой Устав Института, где было зафиксировано, что чтение курса социологии «соответствует общей схеме наук, допущенных к преподаванию»⁶. Это разъяснение на время устроило министерство, возглавляемое П.М. Кауфманом.

1 января 1908 г. министром народного просвещения был назначен А.Н. Шварц, который стал проводником жесткой политики ограничений университетской автономии и деполитизации высшей школы. Его предшественник на этом посту П.М. Кауфман считал, что развитие страны напрямую зависит от локомотивов науки – университетов. Поэтому, несмотря на консервативную имперскую политику государства, он способствовал расширению академических свобод. С приходом А.Н. Шварца на должность министра народного просвещения отношения власти и Психоневрологического института обострились. В воспоминаниях Бехтерев приводит сведения о том, как шел процесс отстаивания учебных курсов, ранее допущенных к преподаванию. Описывая свои визиты в министерство, он отмечал: «Когда при одном случае в кабинете Шварца случайно зашел вопрос о читаемом у нас курсе социологии, министр не выдержал и с раздражением произнес: «Какая может быть там социология? Нет такой науки, а если что и есть, то одна болтовня!» [Бехтерев, 1928: 33]. В некотором смысле в таком отношении власти к науке были виноваты и сами социологи, которые в то время не могли достаточно четко определиться с предметом и методологией новой науки. Тем не менее курс социологии был заявлен в учебном плане Психоневрологического института с момента его основания и имел статус общей дисциплины для всех студентов, независимо от их профессиональной подготовки. Введение курса социологии в учебный план – безусловная заслуга В.М. Бехтерева.

Кафедра социологии в Психоневрологическом институте и генерирование первых научных школ в отечественной социологии. Комплектование кафедр в Психоневрологическом институте происходило силами известных профессоров, которых привлекало в свои стены демократическое учебное заведение, относительно независимое от Министерства просвещения. На заседании Совета Института от 1 октября 1907 г. профессором по кафедре социологии был избран М.М. Ковалевский, а профессором по кафедре уголовной социологии – С.К. Гогель. В первом варианте учебного плана среди предметов основной группы наук, которые читались всем трем секциям, был заявлен курс общей социологии. Дополнительно в криминальной секции был заявлен курс по уголовной социологии. В пояснительной записке указывалось, что в первую очередь читается основная группа наук, и она является обязательной для всех поступающих в институт⁷.

При последующей корректировке учебного плана в связи с переходом на трехлетний учебный цикл в группе общих наук (читаемых всем секциям на первом году обучения) остался только курс общей социологии, а его чтение было поручено Ковалевскому. Вот как он писал об этом в предисловии к «Социологии»: «Из всех свободных высших школ, возникших за последнее время в Петербурге, один Психоневрологический институт озабочился включением в свой устав статьи, делающей возможным преподавание в нем социологии. Ввиду этого я поспешил принять с благодарностью предложение президента этого института и совета профессоров вступить в их среду» [Ковалевский, 1997: 30].

⁶ Об учреждении в СПб Психоневрологического института // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 145. Д. 97. Л. 165,165 об.

⁷ Об учреждении Психоневрологического института в Петербурге // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 801. Л. 29–34 об.

На заседании Совета от 2 февраля 1908 г. Де Роберти был избран профессором кафедры социологии. Таким образом, вплоть до 1910 г. на кафедре социологии работали два профессора – Ковалевский и Де Роберти. Согласно расписанию занятий на первом курсе, в 1908 г. Де Роберти читал дисциплину «Социология» (1 час), а Ковалевский – курс «Общая социология» (1 час) [Акименко, Шершеневский, 1999: 50–51]. Кроме преподавания и работы на кафедре социологии, оба ученых активно включились в проект по организации чтения публичных лекций, выдвинутый в 1908 г. Бехтеревым.

В 1909 г. в составе Института было два факультета: педагогический с двумя отделениями (естественно-историческим и словесно-историческим) и юридический. С 1910 г. начался пересмотр учебных планов в сторону соответствия частного учебного заведения стандартам государственных университетов. В 1910 г. был открыт основной факультет, в 1911 г. – медицинский. В 1910 г. деканом словесно-исторического отделения был избран профессор всеобщей истории Н.И. Кареев.

Когда в 1910 г. Ковалевский стал деканом вновь созданного юридического факультета, кафедру социологии возглавил Де Роберти. Об этом назначении Ковалевский написал следующее: «За последние два года Е.В. Де Роберти принял участие в преподавании социологии в Психоневрологическом институте. С нынешнего года оно всецело переходит в его руки; можно надеяться, что ему удастся своими лекциями содействовать образованию недостающей еще школы русских социологов» [Ковалевский, 1997: 31]. В дальнейшем к недельному часу лекций прибавился еще час проведения семинарских занятий [Гервер, 1913: 33].

Заслуживает внимания тот факт, что изначально во главе двух факультетов Психоневрологического института стояли социологи – М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев, причем именно на кафедре социологии стала оформляться первая научная школа в отечественной социологии, не только в качестве развития и продолжения некоей теоретико-методологической установки, но и как порождение творческой диады «Учитель и Ученик».

От ученичества к сотрудничеству: В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин. Формальное начало взаимодействия двух замечательных людей относится к 1909 г., когда после учебы на Черняевских подготовительных курсах и успешной сдачи экстерном экзамена за гимназический курс, Сорокин подал прошение на имя Бехтерева о приеме в число студентов Психоневрологического института, и оно было удовлетворено. Этому способствовал тот факт, что, еще обучаясь на курсах, юный Питирим Сорокин познакомился с преподавателями Психоневрологического института и их научными изысканиями. Институт на Черняевских курсах представлял К.Ф. Жаков, известный в научных кругах как этнограф, лингвист, математик, писатель, самобытный философ, создавший собственное философское учение – лимитизм. «Простой и обходительный, державшийся по-товарищески с учениками <...> он пытался помочь им занять свое место в жизни» [Гайда, Ломоносова, 2017: 122]. Не обошел он стороной и своего земляка – Питирима Сорокина, познакомив его с выдающимися учеными и выступив для него проводником в мир науки. Среди педагогов Черняевских курсов значился и сам Бехтерев, чьи лекции мог посещать и Питирим Сорокин. Справедливости ради стоит отметить, что в эти годы многие известные ученые вели активную просветительскую работу среди той части молодежи, которая получала образование не благодаря государственной политике, а вопреки ей. Лишенные возможности получить гимназическое образование, открывавшее двери в университеты, многие молодые люди занимались самообразованием, работали, учились на подготовительных частных курсах, расцвет которых пришелся на 1910-е гг.

Всего один год Питирим Сорокин провел в стенах «Бехтеревки» как студент, но события и люди, окружавшие его, оказали влияние на всю его дальнейшую научную жизнь. Впоследствии в автобиографии «Долгий путь» Сорокин напишет: «В тот первый год учебы я установил очень хорошие отношения с основателем Института, всемирно известным психологом и психиатром В.М. Бехтеревым и с признанными лидерами мировой науки М.М. Ковалевским и Е.В. Де Роберти, специалистами в области социологии,

антропологии, философии и экономической истории. Эти дружеские отношения окрепли в последующие годы и привели к тесному научному сотрудничеству между нами – сотрудничеству, длившемуся до самой смерти этих выдающихся ученых» [Сорокин, 1991: 57–58].

Возможность проявить себя как молодому ученому, выступив в качестве автора научных статей на страницах авторитетного журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» была предоставлена Сорокину благодаря политике главного редактора Бехтерева, направленной в том числе и на вовлечение в науку студенческой молодежи. В 1910/11 уч. году Сорокин прочитал на социологическом семинаре профессора Де Роберти доклад «К вопросу об эволюции и прогрессе», который был сразу напечатан в журнале.

Через год после начала обучения в Психоневрологическом институте Сорокин по ходатайству Ковалевского поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, но его сотрудничество со своими учителями из Психоневрологического института не прекратилось. Позднее он стал личным секретарем М.М. Ковалевского и рецензентом социологической литературы в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма». За годы сотрудничества с этим журналом Сорокин написал не один десяток рецензий. Реферировав книги и статьи русских и зарубежных ученых, он отстаивал право социологии как науки на самостоятельное существование.

Можно заметить некоторую тенденцию в отборе книг и статей для реферирования, заключающуюся в том, что вопросы, которые волновали Бехтерева, в том числе вопросы о соотношении социологии и психологии, занимали также и Сорокина. Например, в 1913 г. он разместил реферат на книгу М.Н. Гернета «Смертная казнь» [Сорокин, 1913b], интерес к которой был связан с подготовкой первой научной монографии «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), а также с тем, что он поддерживал мнение М.Н. Гернета о необходимости отмены этой высшей меры наказания. Инициативу об отмене смертной казни, выдвинутую академиком Бехтеревым еще в 1906 г., он последовательно транслировал на страницах журнала. Интересуясь новыми подходами и методологией социологии, Сорокин откликнулся рефератом на сборник докладов, прозвучавших в 1912 г. в Риме на VIII конгрессе Международного института социологии и вышедший на родине социологии – во Франции [Сорокин, 1913a].

Во время учебы в Санкт-Петербургском университете Сорокин параллельно посещал занятия и в Психоневрологическом институте и принимал активное участие в работе семинара Де Роберти, который пользовался успехом у студентов. После выхода книги Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» тот поручил своему ученику самостоятельно вести семинарий по социологии со студентами младших курсов.

В 1916 г. в результате тщательной инспекции Министерства народного просвещения на основе существовавших в Психоневрологическом институте курсов был утвержден Частный Петроградский Университет⁸ с правами высших правительственных учебных заведений. Президентом университета был избран академик В.М. Бехтерев. Эта реорганизация сохранила на первых порах прежний учебный план, состав преподавателей, в неприкосновенности остались и формы учебной работы: лекции, семинарии, лаборатории, научные студенческие кружки. К 1916/17 уч. году в списке преподавателей Частного Петроградского Университета появилось имя П.А. Сорокина – выпускника Императорского Петроградского университета, оставленного на кафедре уголовного права и выдержавшего магистерский экзамен. Очевидно, что после смерти Ковалевского в 1916 г. Бехтерев обратился именно к Сорокину, пригласив его читать курс «Социология», который вел его учитель. Постановлением Совета Сорокин временно, на один год, был допущен к чтению

⁸ 27 мая 1918 г. Частный Петроградский Университет был переименован во II Государственный Петроградский Университет.

социологии⁹. Это решение знаменовало собой завершение процесса институционального оформления первой отечественной научной школы в социологии, включавшей в себя, помимо определенной научной традиции в изучении общества, также кафедру и периодические издания, учебные курсы и научные монографии, учителей и учеников.

Революция и голод как фактор научных исследований на изломе эпох. Размеренная университетская и академическая жизнь, обещавшая новые открытия и свершения в 1916/17 уч. году, через несколько месяцев закончилась. Неумолимо надвигалась Русская революция 1917 года и последующее десятилетие, омраченное Гражданской войной и голодом. Это не могло не отразиться на российской социологии. Если экономическая жизнь, испытывая на себе топливный, сырьевой и кадровый дефицит, замерла, то научная жизнь не остановилась. Сорокин, характеризуя этот период, писал: «Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежечасно «прикладные вопросы» социально-го бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли» [Сорокин, 2000: 23].

Несколько иначе оценивал это время Бехтерев в своих воспоминаниях, что было обусловлено его профессиональным статусом руководителя целого комплекса академических и медицинских учреждений: «В первые годы Октябрьской революции научная деятельность в означенных учреждениях, и в том числе лично моя деятельность, затруднялись в невероятной степени по причине тяжелых материальных условий, особенно в период голода и военного коммунизма <...> Многие ученые, как известно, бежали за границу. И мне, конечно, представлялись разные возможности переезда за границу; но я ничуть не завидовал тем, которые предпочли за границу своему дому, хотя должен сказать, что мне вместе с семьей приходилось в голодные годы питаться нередко лишь овсом и ржавой селедкой или воблой. Однако, другим приходилось в это время еще хуже, ибо, как известно, вымирили от голода даже целые больницы и гибло от голода неисчислимое количество рабочих и крестьян. Нам же помогал Дом ученых, организованный по инициативе В.И. Ленина и М. Горького» [Бехтерев, 1928: 43].

Спустя более чем столетие память о трагизме бытия жителей бывшей столицы Российской империи находится в забвении, так как центральной темой политики памяти на протяжении последних 20 лет в современной России выступает Великая Отечественная война (1941–1945), а Ленинград, выживший в блокаду, стал символом человеческих страданий и величайшего мужества, поэтому о послереволюционном голоде и о том, что к лету 1918 г. Петроград находился на грани голодной катастрофы, сегодня практически не вспоминают. Однако данные статистики убедительно свидетельствуют о том, что численность населения Петрограда к началу 1917 г. составляла около 2,5 млн чел., а к концу 1921 г. в городе осталось всего 700–900 тыс. человек. Многие жители были вынуждены покинуть город, кого-то арестовали, а кто-то умер от холода, голода и болезней. «Жизнь в царстве смерти: 1919–1922» – так назвал П.А. Сорокин одну из глав своего автобиографического романа «Долгий путь», описав в ней жизнь в Петрограде. От голода в расцвете творческих сил умерли академики Российской академии наук – М.А. Дьяконов, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов. Тем не менее Сорокин отмечал эффективные меры власти по снабжению питанием отдельных групп населения, в том числе интеллигенции. Он описывал, как в университетской столовой были организованы обеды, как люди стояли в очередях, чтобы получить хлеб по карточкам. «Эти проклятые хлебные очереди отнимали два или три часа нашего времени ежедневно, но практически ничего не давали. Постепенно все худели и становились более и более истощенными, у многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред, затем наступала смерть» [Сорокин, 1991: 143]. Свои наблюдения ужасающих картин голода в Петрограде П.А. Сорокин смог опубликовать еще при жизни в США, в то время как воспоминания Бехтерева были опубликованы

⁹ С перепиской о Психоневрологическом институте // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.733. Оп. 156. Д. 681. Л. 80–84 об.

в СССР в 1928 г. спустя несколько месяцев после его скоропостижной смерти в конце 1927 г. Воспоминания двух ученых, вовлеченных в водоворот трагических событий, наряду с научными работами этого периода времени представляют особую ценность для социологов и требуют глубокого вдумчивого анализа и осмысления.

Особое внимание Бехтерев в тот период уделял изменениям, произошедшим в области поведения среди его учеников, коллег и сотрудников, которые он наблюдал не только как человек, испытывающий на себе все тяготы тяжелого времени, но прежде всего как ученый, имеющий возможность фиксировать все значимые трансформации социального бытия людей. Его важный вывод, связанный с влиянием голода на поведение человека, заключается в том, что в периоды бедствий вопросы морали выходят на первое место. «И не одна только помощь «ближним», как основа гуманности, должна быть лозунгом социально-трудового воспитания, но, главным образом, помощь социальному целому, причем общечеловеческие идеалы должны быть признаваемы высшим достижением морали» [Бехтерев, 1928: 48]. Вопросы влияния голода на мораль и нравственность, влияния нравственности на поведение человека во время голода раскрыл и Сорокин в своей фундаментальной научной работе «Голод как фактор», которая была написана в самый разгар гуманитарного бедствия, была подготовлена к печати в 1922 г., но увидела свет уже в РФ спустя восемьдесят лет. Осуществив историко-социологический анализ, Сорокин убедительно доказал, что последствия голода у всех народов во все исторические периоды одинаковы: одних людей голод приводит к полной деградации – физической и нравственной, а других – к великим подвигам альтруизма и гуманизма.

1918 г. стал переломным в истории Петрограда, утратившего статус столицы и испытывающего на себе все тяготы блокады и голода, и как следствие – в судьбе Психоневрологического института. В процессе реорганизации на его базе был открыт Институт по изучению мозга и психической деятельности, в котором сотрудничество Бехтерева и Сорокина продолжилось вплоть до 1922 г. Это были очень тяжелые, но насыщенные эмпирическими наблюдениями и исследованиями годы. За несколько лет было сделано очень много. Ученые фокусировали внимание на изучении актуальных проблем, с которыми столкнулось российское общество: голод, война, эпидемии, алкоголизм, преступность. Находки «рефлексологического позитивизма» Бехтерева были использованы Сорокиным при работе над книгами «Система социологии», «Социология революции», «Голод как фактор». В свою очередь, Бехтерев в книге «Коллективная рефлексология», которая была издана в 1921 г. в издательстве «Колос», активно дискутирует с Сорокиным, а сопоставлению предмета и задач социологии, коллективной (социальной) психологии и психологии личности посвящена значительная часть содержания вводного раздела этого труда. Так, например, В.М. Бехтерев отмечает: «Возникновение общественных рефлексов и поводы к ним, равно как их направление и проявление – это бесспорный предмет общественной или коллективной рефлексологии, тогда как результаты этой борьбы, как они проявляются в жизни общества, являются предметом ведения социологии. Равным образом и социально-экономические условия страны, приводящие к борьбе классов, составляют область социологии» [Бехтерев, 1921: 31]. В качестве примеров: Бехтерев часто обращается к изменению поведения индивидов во время беспорядков, вызванных революцией, к деформациям форм социального взаимодействия во время голода, поскольку они наиболее ярко иллюстрируют то, что общество, встав на путь социального конфликта, пришло к социальной деградации, замедляющей социальный прогресс. В эти же годы Сорокин работал над книгой «Голод как фактор», неоднократно проверяя теоретические положения своих учителей (В.М. Бехтерева, М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого) данными эмпирических наблюдений [Сорокин, 2014а: 258]. «Голод как фактор» должен был выйти в свет в издательстве «Колос» в 1922 г., но тираж был уничтожен, а вскоре и само издательство закрыто. В условиях становления новой государственности все активнее стали вводиться идеологические и цензурные ограничения, в том числе и на тематику научных исследований. Попала под ограничения на долгие годы и тема голода.

В годы революционных перемен умы ученых занимал не только поиск ответов на актуальные вопросы, которые ставила сама жизнь перед наукой и обществом, но и вопросы методологии. Свой подход Бехтерев называл «рефлексологией», которая определялась как система научных дисциплин, тесно связанная с другими областями науки – естествознанием, обществознанием и философией. В основу нового научного направления были заложены экспериментально проверенные данные учения о рефлекссах и высшей нервной деятельности И.М. Сеченова и И.П. Павлова. В социологических воззрениях Бехтерева содержатся истоки естественно-научного подхода к изучению социальных явлений, их целостного, системного описания, получившего развитие в социологии первой половины XX в. Он настаивал на особом месте рефлексологии в корпусе социальных наук, отмечая, что рефлексология должна рассматриваться как особый отдел биологии, «врывающийся» прямым образом и в социологию. В рецензии на работу В.М. Бехтерева «Общие основания рефлексологии» (1918) Сорокин отмечал, что «этот переход от «субъективной психологии» к «объективной рефлексологии» замечается и в социологии <...> знакомство с рефлексологией В.М. Бехтерева для социолога не только полезно, но необходимо» [Сорокин, 1919: 29–30]. Тем не менее, будучи отправной точкой исследований Сорокина, рефлексология не стала фундаментом его социологической концепции. Уже в указанной рецензии на книгу Бехтерева есть элементы критики, так как ему представлялось некорректным сведение сложных форм деятельности людей к неким упрощенным схемам, а также он отмечал несовершенство введенного Бехтеревым понятия «психической энергии». В дальнейшем отношение Сорокина к теории рефлексологии становится еще более критичным. В работе американского периода «Современные социологические теории» (1928) он не только ссылается на работу В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921), но и указывает на слабые стороны его теории, полагая, что объяснение сомнительных выводов ученого «кроется в аномальных условиях Русской революции, во время которой была написана его работа» [Сорокин, 2020: 42]. Однако не следует считать, что научные разногласия ученых были источником личного конфликта, как полагают некоторые исследователи [Сидорчук, 2016а: 164]. Бехтерев на всем протяжении их знакомства поддерживал и сотрудничал сначала с начинающим, а потом и с известным социологом П.А. Сорокиным, при этом научная полемика между ними – норма жизни выдающихся научных деятелей, а критика – одна из важных функций той науки, которую они оба поддерживали – социологии.

В эти годы Бехтерев и Сорокин впервые в России начали экспериментальные социально-психологические исследования коллективов. Они доказали важность межличностного общения и сотрудничества в деятельности любых типов коллективов от учебных до профессиональных. Их сотрудничество в очень сложное для науки время, продолжавшееся вплоть до эмиграции Сорокина, столь многогранно и насыщено, что требует отдельного исследования как с точки зрения историко-социологической реконструкции, так и с точки зрения сравнительного теоретико-методологического анализа научных работ двух всемирно известных российских ученых.

Заключение. Уже в конце XIX в. одним из первых, кто выдвинул и последовательно развивал комплексный подход к изучению человека, был В.М. Бехтерев. Полагая, что природа человека носит сложный биосоциальный характер, он приветствовал междисциплинарные взаимодействия, а также социологию как науку, обеспечивающую всесторонний подход к изучению личности. Институциональным вкладом В.М. Бехтерева в становление новой науки послужило введение курса социологии в учебный план возглавляемого им Психоневрологического института, а также открытие специальных посвященных ей разделов в научных журналах. Он активно сотрудничал со своими коллегами и единомышленниками М.М. Ковалевским, Е.В. Де Роберти и Н.И. Кареевым в вопросах развития новой научной дисциплины. Именно в рамках деятельности кафедры социологии Психоневрологического института началось тесное сотрудничество Бехтерева и Сорокина. Академик поддерживал многие начинания сначала ученика, потом – талантливого студента,

а затем самостоятельного исследователя. Несмотря на огромную разницу в социальном статусе, между ними с самого начала сложились дружеские, доверительные отношения, а споры носили творческий характер. В последние годы сотрудничества, которые были омрачены революционными потрясениями, Гражданской войной, голодом и эпидемиями, ученые пытались отстоять социологию как науку и академическую дисциплину, проводили эмпирические исследования, отвечая на запросы общества. Отдельного внимания в их научных работах потребовала тема влияния голода на поведение человека и общество в целом. Впоследствии, в условиях упрочения новой государственности и идеологии, многие направления исследований оказались «запрещенными», что наложило отпечаток на судьбы ученых. Сорокин оказался в эмиграции, но даже в Европе и Америке он не смог опубликовать при жизни свою книгу «Голод как фактор», а Бехтерев был вынужден «писать между строк» на интересующие его темы.

«Познать сердце человека в его первых порывах любви, чтобы эту любовь направить на всё человечество. Познать обездоленного, голодного, толкаемого судьбой на преступление, чтобы путём проповеди улучшения быта и перевоспитания предотвратить эти преступления...» – этот девиз В.М. Бехтерева пронес через жизнь его ученик, основоположник советской психотерапии К.И. Платонов, отмечая слова учителя о том, что «...девиз любви и уважения личности в человеке возрастет в юных сердцах любовь к знанию о человеке и воспитает в них те социальные чувства и те идеалы, которые будут вечно светить над человечеством и будут служить для них верными руководителями не только в светлые периоды подъема общественных сил, но и в мрачные эпохи народных испытаний и грозных мыслей» [Письмо..., 2017: 86]. Это послание В.М. Бехтерева, неоднократно им транслируемое в Психоневрологическом институте, нашло отклик и в сердце П.А. Сорокина – русско-го классика западной социологии, создателя теории созидательного альтруизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акименко М.А., Шершеневский А.М. История института им. В.М. Бехтерева: На документальных материалах. Ч. 1. М.: СПНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1999.
- Бехтерев В.М. Автобиография. М.: Библиотека «Огонек» № 316, 1928.
- Бехтерев В.М. Задачи Психоневрологического института. СПб., 1908.
- Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
- Гайда В.Т., Ломоносова М.В. Петербургская страница биографии Михайля Семенко (по материалам архивных документов) // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 111–127.
- Гервер А.В. Отчет о состоянии и деятельности Психоневрологического института за 1911. СПб., 1913.
- Готов М.Б. Первые опыты институционализации русского социологического образования // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 2. С. 9–26.
- Де-Роберти Е.В. Задачи социологии // Вестник знания. 1908. № 7–8. С. 921–932.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: ЛГУ, 1990.
- Ковалевский М.М. Сочинения в двух томах. Т. 1. Социология. СПб.: Алетей, 1997.
- Письмо Николая Михайловича Бехтерева в Елабужское бюро краеведения // Знаменитые земляки. Владимир Михайлович Бехтерев. Сб. ст. Елабуга, 2017. С. 80–87.
- Сидорчук И.В. В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: к истории возникновения конфликта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016а. № 12–1 (74). С. 162–165.
- Сидорчук И.В. Социологические сюжеты в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (1904–1919 гг.) // Социологический журнал. 2016б. Т. 22. № 4. С. 139–156.
- Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: Анбур, 2014а.
- Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми, МП «Шыпас», 1991.
- Сорокин П.А. Реф.: Annales de l'Institut international de Sociologie. Т. XIV: Le progres. Paris. 1913 // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913а. Т. 10. Вып. 4. С. 114–117.
- Сорокин П.А. Реф.: Гернет М.Н. Смертная казнь // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913б. Т. 10. Вып. 2. С. 74–75.
- Сорокин П.А. Рец.: Бехтерев В.М. Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 // Социологический вестник. 1919. № 4–6. С. 29–30.

Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия). Сыктывкар: Анбур, 2020.

Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. С. 23–29.

Статья поступила: 13.11.23. Принята к публикации: 11.03.24.

VLADIMIR BEKHTEREV AND PITIRIM SOROKIN – SCIENTIFIC ALLIANCE IN THE NAME OF SOCIOLOGY

LOMONOSOVA M.V.*, BULANOVA M.B.**

*St. Petersburg State University, Russia, **Russian State University for the Humanities, Russia

Marina V. LOMONOSOVA Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of the Chair of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (lomonosovamv@mail.ru); Marina B. BULANOVA PhD in Sociology, Prof.; Head of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia (marina_bulanova@inbox.ru).

Acknowledgement: This work is supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-28-01076).

Abstract. Based on the analysis of historical sources, the authors present the history of cooperation between two outstanding scientists of the early 20th century – Vladimir M. Bekhterev and Pitirim A. Sorokin – who had the common goal of establishing sociology as a new science in Russia. Courage and conviction of V.M. Bekhterev helped him open Russia's first department of sociology as part of the Psychoneurological Institute, where a young scientist, P.A. Sorokin, successfully took his first steps into science. Throughout this creative partnership, Vladimir M. Bekhterev not only made an institutional contribution but also shaped the direction of empirical research. He examined pressing social issues such as famine, war, epidemics and crime from a psychiatric and physiological perspective. Pitirim A. Sorokin, on the other hand, conducted comprehensive sociological analyses of these phenomena, which later became an integral part of his scientific legacy. Bekhterev and Sorokin shared a deep and trusting friendship, and their collaboration faced challenges during turbulent historical periods. However, they remained steadfast in their commitment to defend sociology as a science and an academic discipline. Their work also emphasized the impact of famine on human behavior and society. Bekhterev and Sorokin's research remained dedicated to human values, understanding the human condition, and social justice, continuing to inspire future generations of scholars and serving as a guiding light through various historical epochs.

Keywords: Vladimir Bekhterev, Pitirim Sorokin, Russian sociology, history of sociology, behaviorism, collective reflexology, Psychoneurological Institute, famine, memory policy.

REFERENCES

- Akimenko M.A., Shereshevskii A.M. (1999) *History of the Bekhterev Institute based on documentary materials*. Part 1. Moscow: SPNIPNI im. V.M. Bekhtereva. (In Russ.)
- Bekhterev V.M. (1908) *The goals of the Psycho-neurological Institute*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Bekhterev V.M. (1921) *Collective reflexology*. Petrograd: Kolos. (In Russ.)
- Bekhterev V.M. (1928) *Autobiography*. Moscow: Ogonyok Library No. 316. (In Russ.)
- De Roberti E.V. (1908) The goals of sociology. *Vestnik znaniya* [Bulletin of knowledge]. No. 7–8: 921–932. (In Russ.)
- Gerver A.V. (1913) *Report on the state and activities of the Psychoneurological Institute for 1911*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Glotov M.B. (2014) First experiments of institutionalizing Russian sociological education. *Sociologia nauki i tehnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 5. No. 2: 9–26. (In Russ.)
- Hayda V.T., Lomonosova M.V. (2017) Petersburg page of the biography of the poet Mikhail Semenko (on materials of archival documents). *Nasledie* [Heritage]. No. 2(11): 111–127. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1990) *Lived and experienced*. Leningrad: LGU. (In Russ.)
- Kovalevsky M.M. (1997) *Works in two volumes*. Vol. 1. Sociology. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)
- Letter from Nikolai Mikhailovich Bekhterev to the Yelabuga Bureau of Local History (2017). In: *Famous Countrymen. Vladimir Mikhailovich Bekhterev*. Articles. Elabuga: 80–87. (In Russ.)

- Sidorchuk I.V. (2016a) V.M. Bekhterev and P.A. Sorokin: on the history of the conflict origin. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. No. 12–1 (74): 162–165. (In Russ.)
- Sidorchuk I.V. (2016b) Sociological stories in the Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism (1904–1919). *Sociologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal] Vol. 22. No. 4: 139–156. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1913a) Ref.: Annales de l'Institute international de Sociologie. T.XIV: Le progres. Paris. 1913. *Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i pedologii* [Bulletin of psychology, criminal anthropology and pedagogy]. Vol. 10. No. 4: 114–117. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1913b) Ref.: Gernet M.N. Death penalty. *Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i pedologii* [Bulletin of psychology, criminal anthropology and pedagogy]. Vol.10 No. 2: 74–74. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1919) Rev.: Bekhterev V.M. General principles of reflexology. *Socio-bibliologicheskij vestnik* [Socio-bibliological bulletin]. No. 4–6: 29–30. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1991) *Long journey*. Syktyvkar: SJ Komi, MP "Shypas". (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2000) The state of Russian sociology for 1918–1922. In: *About Russian social thought*. St. Petersburg: Aletheya: 23–29. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2014a) *Hunger as a factor. The influence of hunger on human behavior, social organization and social life*. Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2020) *Contemporary Sociological Theories* (through the first quarter of the XX century). Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)

Received: 13.11.23. Accepted: 11.03.24.

© 2024 г.

А.В. ЯКОВЕНКО

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. В. Даля, Луганск, Россия (6daoav@rambler.ru).

Аннотация. Современные далеко несовершенные технологии искусственного интеллекта (ИИ), включая популярные нейросети, рассматриваются в качестве катализатора переосмысления потенциала человека и общества. Приводятся оценки, характеризующие опасения и страхи от возможного использования ИИ, а также парадоксы, проявляющиеся в трудовой занятости, межличностных отношениях и в управленческой сфере с учетом прогнозов широкого внедрения ИИ. Ключевое внимание в статье уделяется проблемам, касающимся неготовности социума конструктивно адаптировать релевантные идеи для качественных преобразований с учетом имеющегося отрицательно-го опыта. Рассматривается развитие антропоморфных технологий ИИ в актуализации темы выхода человечества за рамки меркантильных целей и смыслов своего существования, в том числе с опорой на отечественные идейно-научные традиции.

Ключевые слова: искусственный интеллект • человек • общество • парадоксы • новые технологии • смыслы

DOI: 10.31857/S0132162524030113

В наши дни значительная часть социологических теоретических разработок и прикладных исследований посвящена анализу последствий «цифровизации», «виртуализации», иным проявлениям новой социально-коммуникативной реальности. Впрочем, как справедливо заметили авторы одной из публикаций на эту тему: «Реальность сейчас – это социальная рутина цифровизации» [Иванов, Асочаков, 2023: 26]. К обсуждению появления, распространения и влияния на обыденную жизнь того, что принято называть «искусственным интеллектом» (ИИ) научная общественность лишь привыкает. Хотя очевидно, что и тема ИИ во многом «рутинизируется», будучи тесно связанной с общим пластом задач тотальной цифровизации.

Оговоримся – в данном материале нет детализации категориально-понятийной фабулы ИИ. Констатируем лишь, что коллегами сформированы существенные академический и информационно-популяризаторский заделы в отношении характеристик ИИ. Равно как не будут детально рассматриваться технологические аспекты ИИ, их параметры и модификации. Цель статьи – рассмотрение социальных проблем (от индивидуальных до глобально-политических и цивилизационно-смысловых), инициируемых развитием ИИ. Под ИИ автором подразумеваются наиболее «антропоморфные» его разновидности, претендующие на выполнение и совершенствование овладением функциями,

характеризующими деятельность человека как социальной личности (коммуникативно-речевые способности, обучаемость, элементы творческого начала и др.).

Появление ИИ «антропоморфного» уровня актуализировало целесообразность анализа известных страхов, касающихся оценки перспектив широкого применения ИИ в разных областях профессиональной деятельности и сферы досуга, обострило полемику в отношении ограничений и правовых рестрикций, которые необходимо накладывать на технологии, определяемые как ИИ. Кроме того, ИИ в значительной мере всколыхнул «философские» темы, начиная от природы человека и до собственно смыслов его существования, равно как и смыслов жизнедеятельности социума в целом. Конечно, появление цифровой среды, взаимодействие в ней пользователей инициировало выработку «новых культурных смыслов» [Бархатова, 2023: 66]. Однако ИИ задает параметры не только культурных, но и общецивилизационных смыслов. При этом важно не фетишизировать достижения в области ИИ, не гиперболизировать значение последствий распространения ИИ (позитивных и негативных) и не отмахиваться от социальных трансформаций, инициируемых фактом появления и тем более проявляющимися возможностями задействования ИИ по всему спектру общественных отношений.

Любопытно и симптоматично, что тревоги и опасения по поводу развития наиболее обсуждаемой сегодня разновидности ИИ – нейросетей (начиная с ChatGPT до его многочисленных модификаций) – возникли на своеобразной «начальной стадии». Разработчики не раз объясняли, что разрекламированные нейросети пока являются усовершенствованной так называемой языковой моделью программы проверки орфографии Т-9. Но даже модернизация известной технологии, продемонстрировав впечатляющие для неискушенных пользователей «стартовые способности», породила сдвиги в представлениях о возможностях/порогах человека и общества.

Парадоксальность оценок последствий внедрения ИИ. ИИ, как любое крупное прорывное технологическое изобретение, попал в турбулентность оценок, полярных суждений и прогнозных выкладок. Положительные стороны полномасштабного применения ИИ опираются преимущественно на традиционные аргументы: облегчение выполнения ряда сложных, опасных, а также шаблонных работ; потенциальное увеличение свободного времени личности; расширение возможностей квалифицированного обеспечения личной и общественной безопасности; совершенствование среды конструктивного производительного коммуницирования на различных социальных уровнях. Специально ограничиваемся данными характеристиками, поскольку в рамках функционирования конкретных социальных институтов имеет место специфический набор «позитивных» оценок.

Но очевиден и огромный потенциал скептицизма в отношении ИИ. Большинство заявленных и эмпирически изучаемых страхов применения ИИ по сути базируются на неверии в способность социума планеты распорядиться достижениями во благо общественных интересов. Искусственный интеллект, прежде всего популярные сегодня GPT-чаты, – показатель универсализма человеческого сознания и его (человека) патологичности. Получая в руки инструмент, даже его разработчики выражают сомнение в однозначно социально направленном эффективном использовании собственного продукта. Широкий набор опасений в отношении перспектив ИИ. Специалисты пунктирно обозначают их следующим образом¹: использование ИИ в целях обмана доверчивых граждан, увеличения массовости охвата аудитории, подвергающейся воздействию преступников, в частности, финансовых мошенников; фальсификация текстов, образов, новостей, документальных свидетельств, по сути истории как таковой; совершенствование инструментария уничтожения, включая оружие информационной войны; всеобщее снижение качества – от текста до компетенций; исчезновение или (добавим) понижение статусности определенных профессий и направлений деятельности; тотальное нарушение прав граждан; подмена

¹ Ашманов И. Доклад Игоря Ашманова о влиянии нейросетей на сферу IT, государство, общество и бизнес. URL: https://youtu.be/62WYddkyTvw?si=ZRTvy8Tf-Ad0P_f- (дата обращения: 10.08.2023).

реальной личности «цифровой» копией как торжество «трансгуманизма». Высказываются и иные опасения от задействования ИИ.

Данные прикладных исследований ВЦИОМа свидетельствуют, что респонденты в числе ключевых негативных последствий развития технологий ИИ называли: «риск мошеннических действий, похищение данных (62%), использование ИИ в корыстных целях (61%), отсутствие ответственных за принимаемые решения (58%), а также риск принятия ошибочных решений (54%)». В числе позитивных эффектов «сокращение временных затрат на выполнение рутинной и однообразной работы (по 65%), повышение производительности труда (65%), облегчение решения сложных задач (58%), повышение комфортности жизни (58%), повышение уровня безопасности (57%)»².

Можно зафиксировать полемическое пространство вокруг перспектив внедрения ИИ в виде знакомых парадоксов (дихотомий).

Уровень трудовой занятости: высвобождение личности от рутинной, шаблонизированной деятельности – опасения погружения большинства индивидов в примитивные практики праздности, прозябания, развращенности, в конечном итоге дебилизация населения.

Уровень межличностных контактов: открытость, эмпатия социального взаимодействия – рост социальной дистанции, закрытости и роботизированности отношений, нивелировка чувств и искренности.

Уровень управления: совершенствование платформ открытости управленческой деятельности – создание механизмов поддержания иерархичности системы управления, повышение кулуарности принимаемых решений.

Приведенный далеко не исчерпывающий перечень двойственностей, рожденных возможностями широкого применения ИИ, в свою очередь, подтверждает тезис о невозможности осуществления полноценного анализа современного общественного сознания «без рассмотрения особой группы противоречий – парадоксов, число которых неизмеримо возрастает в условиях кардинальных изменений общества» [Тощенко, 2001: 47].

Так или иначе, посредством суждений о пагубности бесконтрольного внедрения ИИ, выражается не страх перед ИИ, а проявляется боязнь за собственное, прежде всего, нравственное невежество, за веками отшлифованное умение применять самые прорывные достижения цивилизации во вред себе. В лучшем случае использовать их утилитарно, а в худшем – преступно. Беспокойство проявляется не в отношении конкретных нейросетей и/или разновидностей ИИ. Повторимся – популярные модификации ИИ, по мнению многих специалистов, нельзя в полной мере считать ИИ. Опасения и страхи опираются на представления о возможности антисоциального использования конкретными персоналиями или массовыми актерами даже такого несовершенного инструментария. Поэтому речь идет о контроле не за технологиями, а людьми, получающими к ним доступ. Посредством пока еще достаточно примитивного ИИ мы в большинстве своем ведем диалог сами с собой, соизмеряя собственные достоинства и недостатки. Как точно замечает В. Никольский: «Главный вопрос при обсуждении искусственного интеллекта – по-прежнему о человеке»³. Фактически порождена социальная субстанция, инициировавшая своеобразный самоаудит человеческого поведения от эмоциональной до рациональной его составляющих и далее вплоть до оценки адекватности деятельности социальных институтов и всего человечества.

В рамках самоаудита появление ИИ:

– выступает показателем того, насколько каждый из нас может быть совершенен, равно как и ограничен;

² Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee> (дата обращения: 10.08.2023).

³ Никольский В. Наша новая академическая реальность. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/nasha-novaja-akademicheskaja-realnost> (дата обращения: 10.08.2023).

– вновь актуализирует проблему: что делать личности в пространстве потенциально возникающей возможности самоопределяемой свободы без идеологических напластований и политехнологических выдумок;

– проявляет смысловой порог существования и полноценной жизнедеятельности индивидов без комплексов, без воспроизводства и «героического» преодоления реальных, а чаще мнимых угроз вне подчинения внешнему давлению с последующим самооправданием безволия.

Таким образом, виртуально-реальная сущность, созданная самим человеком, отчетливо демонстрирует мелкомасштабности своего создателя. ИИ показывает нам, сколь сложен и совершенен в своем многообразии может быть мир и сколь ограничены, узкопотребительски ориентированы многие, если не сказать, – большинство представителей человеческого рода. В «личностном» плане разработчики научили ИИ корректности и уважительности в общении, отсутствию проявлений самовлюбленности, алчности, завистливости, корысти, создав (на данном этапе) различным его модификациям положительный образ. Не говоря уже о том, что ИИ при всех несовершенствах «проявляет» набор качеств, которые даже на обыденном функциональном уровне считаются важнейшими при выполнении профессиональных обязанностей, особенно в сфере образования и науки. В частности, грамотность, работа с большими массивами информации, оперативность обработки данных, своевременное и нередко качественное предоставление результатов.

Даже наметившиеся в последнее время попытки нивелировки возможностей ИИ, например, посредством распространения информации об его способности вести к «оглуплению», напоминают привычную в обществе тактику дискредитировать достижения, стремясь уменьшить эффект применения передовых технологий. В отношении GPT-чатов такой подход вообще напоминает исторические и литературные примеры объявления конкретных персоналий сумасшедшими.

Подчеркнем: происходящее с ИИ, в отношении ИИ и с помощью ИИ – органично встроено в общие социальные патологии. В этом контексте обсуждаемые сценарии о потенциале ИИ подчинить себе «людскую расу» можно интерпретировать и как отражение понимания массового несовершенства индивидов, изучив которые, «высший разум» почтет за вынужденную меру «усовершенствовать» тщедушное и во многом абсурдно существующее человечество. Появление ИИ – не существенный повод переосмысления взаимоотношений по линии человек – техника, а прежде всего – очевидный толчок для очередного самокритичного анализа личности в ею же изменяемом социуме.

Внимания заслуживают совершенствующиеся «способности» ИИ в сфере межличностной коммуникации, включение их в качестве полноправных участников семейной жизни. Вывод, в свое время сделанный коллегами при обсуждении цифрового неравенства, о том, что «цифровизация вторгается как в общественное, так и в домашнее пространство, становясь источником изменений» [Смирнова, 2023: 158], в полной мере относится и к ИИ. Прямое или косвенное взаимодействие, общение с ИИ, апеллирование к тому, кого нет в качестве биопсихофизической реальности, но одновременно присутствующего в реальной жизни и нередко весьма эффективно функционирующего в качестве активного собеседника, – абсолютно новое качество социальной действительности. Некогда привычное и постоянно высмеиваемое «общение» людей с телевизором или радиоприемником не идет ни в какое сравнение с персонализированным, практически «живым» общением с – по сути – «субъективизированной» субстанцией. Результаты опроса ВЦИОМа свидетельствуют, что почти половина респондентов, указавших, что они используют «умные устройства», привели в качестве примера «умные колонки» (44%). По функциональному задействованию они уступили первенство только роботам-пылесосам (58%)⁴. У постоянно совершенствующихся «умных колонок» уровень коммуникативных

⁴ «Умные» устройства в нашей жизни: возможности и риски. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/umnye-ustroystva-v-nashei-zhizni-vozmozhnosti-i-riski> (дата обращения: 10.08.2023).

способностей, умение вычленять главное, не перенимать пагубных привычек собеседника (например, в использовании грубых выражений) – выглядят более высокими, нежели у среднестатистического гражданина. Нередко ИИ выступает примером понимания чаяний и потребностей пользователей. Например, зачастую оперативнее и «содержательнее» реагируя, нежели другие домочадцы, на их переживания, не отмахиваясь и не игнорируя значимые проблемы. В целом ряде случаев ИИ становятся едва ли не полноценными участниками микросоциумов.

Впрочем, нет необходимости впадать в полную мистификацию. Во всяком случае, до тех пор, пока функционирование ИИ, включая его передовые на сегодняшний день разновидности в виде всевозможных нейросетей, по-прежнему зависят от, как сказали бы ранее, представителей инженерной интеллигенции и рабочего класса. Самый примитивный, но жизненный аргумент – обеспечение энергодобычи и поддержка работы энергоносителей, позволяющих пользоваться рукотворным «сверхразумом».

ИИ как катализатор пересмотра характера общественных отношений. Развитие технологий ИИ по-крупному актуализирует (в который раз) тему сопряжения общества «старых» привычек и комплексов с обществом новых здоровых (вспомним «Здоровое общество» Э. Фромма [Фромм, 2019]) перспектив. Аналитический отчет того же ВЦИОМа, посвященный ИИ, показательно озаглавлен в виде проблемной ситуации: «Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее?»⁵. Декларируемые планы внедрения искусственного интеллекта в случае их воплощения действительно потребуют реформирования сложившихся социально-политических и социально-экономических укладов. Но главное, как отмечалось, – приведут, если уже не приводят, к обострению проблемы смыслового вектора жизнедеятельности общества и человека. Борьба за жизненное существование, страхи безработицы, согласие на различные формы экономической, административной и психологической эксплуатации могут оказаться вне повседневности. Способно ли большинство индивидов обходиться без них, формируя, развивая и культивируя вместо эгоизма и беспредметной гордыни содержательную самодостаточность – вопрос острый.

Потенциально речь идет не просто о декриминализации и демилитаризации общественных отношений, а о своеобразном прощупывании готовности общества к выстраиванию некоей до конца не осознаваемой, но постоянно декларируемой и желаемой гуманистами различных эпох деагрессивной социальности. Таких условий у человечества не существовало никогда. Его общий био-психо-социотип, как хорошо известно, сложился в борьбе с природной, а затем неблагоприятной общественной средой.

Возможно, в очередной раз общемировой социум проходит испытание на способность действительно выстраивать свой генезис с опорой на радикально гуманистические принципы, оставшиеся до последнего момента в большинстве своем лишь формами идеологического прикрытия неблагоприятных политэкономических тактик и стратегий. В этом смысле социум подошел к рубежу, который ни одна глобальная цивилизация, судя по всему, не смогла преодолеть. Притча о Вавилонской башне – неплохая иллюстрация социального приговора историческим прецедентам консолидированного действия, руководимого не альтруизмом, а гордыней и, если угодно, техногигантоманией, выраженная языком религиозного мифа.

Курс на качественное развитие ИИ и его внедрение во все сферы жизнедеятельности способен создавать своеобразное «пространство потребностей» в увеличении числа «идеальных» личностей – добрых, отзывчивых, сопереживающих. До сих пор человечество не справлялось с решением такого рода задач. Его созидательный потенциал растрчивался в очередном военном катаклизме либо в тотальном потребительстве. Идеальные личности качества – как критерий оценки и самооценки – до настоящего времени выступали составляющей идейного пласта общественного устройства, но оказывались встроеными

⁵ Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee> (дата обращения: 10.08.2023).

в неидеальные установки утилитарного характера. Не снижающийся скепсис касательно позитивных перспектив общепланетарного развития в конечном счете выстроен не на недоверии к каким-то политическим, экономическим или финансовым субъектам. Он базируется на понимании несовершенства человеческой личности. Публичные и теневые субъекты лишь отражают, аккумулируют и ретранслируют данное несовершенство. Автору неоднократно приходилось ссылаться на известные абзацы из главы «Великий инквизитор» («Братья Карамазовы») Ф. Достоевского. Заметим, Ж. Бодрийяр свою книгу «Общество потребления» предваряет эпиграфом из произведения Достоевского «Записки из подполья». Приведу ее полностью: «Да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории – так он вам и тут человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает» [Бодрийяр, 2021: 6].

Пафос целостного высокодуховного развития, помноженный на уважение к близким и всем окружающим, выкристаллизованный в мировых религиях и светских доктринах, базирующийся на идеях созидания общества социальной справедливости, – мог бы оказаться надежным подспорьем нового миропорядка. Но на практике, как известно из исторического опыта, такой вектор развития оказывался посрамлен прагматикой меркантильных установок.

В том числе и благодаря ИИ речь идет ни много ни мало о создании материальных предпосылок созидания мира без любой формы идолопоклонства, предельной искренности, не то что открытости. Вряд ли какая-либо современная из социально-политических систем, как и в целом человечество, готово к подобной перспективе перекраивания условий своего существования. Общественный порядок без финансовых и торговых спекуляций даже сложно себе представить. В макроплане продолжает реализовываться задача подчинения новейших научных достижений, позволяющих потенциально существовать всем членам социума вне материальной зависимости и на принципах искренности, устоявшимся косным финансово-экономическим парадигмам. В данном ключе очередной виток диалога о многополярном мире, деколонизации, общемировой социальной справедливости – во многом предопределен общественной «магией» развития революционно новаторских технологий, свидетельствующих о пагубности и всеобщей опасности тотальной мимикрии и обмана, за которыми стоят всего лишь стяжательские интересы прибыли. В этом ключе абсолютизация и абсурдизация борьбы за климат также демонстрируют устремленность глобального управленческого класса сохранить парадигму борьбы с перманентными угрозами в качестве фактора всеобщего смыслового действия.

Энтузиазма одиночек, понимающих неизбежность продвижения к возможному этапу «освобождения» человечества, как и людей, далеких от предметного знания, но глубоко порядочных, способных выступить за новый всемирный уклад, не хватает для подлинно революционного преобразования социальных порядков. Своеобразные социальные флуктуации, информационно персонифицированные сегодня в судьбах, например, Джулиана Ассанжа, Эдварда Сноудена, в какой-то мере Илона Маска – дополнительные факты наличия потребности в открытости. Но они же – отчетливый показатель глобального корпоративного сговора структур, если не сказать, целых социальных институтов, функционирующих на принципах латентности и самозацикленности. Поэтому столь и силен пессимизм в отношении идейных инициатив, базирующихся на открытости и гармонии общественных отношений, подкрепляющихся знанием потенциальных и реальных возможностей ИИ.

Вряд ли есть особые сомнения, что современный скачок в технологиях, расширяющий доступность образования, одновременно сопровождается попытками торможения процессов овладения колоссальным числом людей всеобщими знаниями содержательного характера. Недопущение массового выхода индивидов на собственно личностный

уровень, который П. Сорокин определял как знаменитый «созидательный альтруизм», – выглядит отчетливо и системно решаемой задачей. Мало того, принципиальные приверженцы распространения и овладения качественным наследием человечества как можно большим числом людей до сих пор оказываются в «группе риска».

Сложности определения идейного потенциала общества на фоне развития ИИ

Было бы неоправданным рассматривать проблематику ИИ вне контекста идейной наполненности современного социума. Хотя, очевидно, что любая попытка осмысления идейного багажа нынешней действительности выглядит заведомо обреченной. Прежде всего, потому что дискредитированы едва ли не все предшествующие попытки подобного рода. Авторы самых добротных теорий раскритикованы не только оппонентами, но и зачастую сторонниками из числа стремящихся к объяснимому, равно как и неоправданному, оригинальничанию.

Едва ли не общепризнано утверждение, что идейное пространство, содержательная бурная полемика умов, авторитетов в настоящее время абсолютно опустошены, чтобы не сказать мертвы. До революции 1917 года дожили многие крупные мыслители старой и, как потом оказалось, новой эпохи. Помимо Ленина можно называть Кропоткина, Плеханова, Дюркгейма, Вебера... Назовем и того же П. Сорокина, который в период революционных лихолетий, правда, еще не знал, что станет значимой фигурой на социологическом небосклоне двадцатого века. Нам остается лишь повторить – *нет сегодня ученых, способных рождать глобальный идейный проект*, который подхватывался бы не только учениками-энтузиастами, но и попадал в небольшие ручейки социально-политической конъюнктуры, получая поддержку информационно-пропагандистского и финансово-экономического характера. Напротив, открытость информационных каналов, вещающих взаимно разоблачительные сентенции, возросший уровень общей образованности и той же погруженности в информационное пространство – ключевые факторы десакрализации, позволяющие дискредитировать как самые прекрасные идеи, так и, что особо значимо, их носителей: современников и исторических персоналий.

И в практическом плане опять приходится подчеркнуть: до настоящего времени ни одна из инициатив энтузиастов формирования гармоничного общества не нашла ни отклика в среде политиков-прагматиков, ни, соответственно, воплощения, оставшись утопиями, начиная с известной в рамках популяризируемой западной традиции «Новой гармонии» Р. Оуэна и заканчивая недавним проектом «Венера» Жака Фреско. Отечественная научная почва выглядит не менее истощенной. Сегодня только узкие специалисты знают о разработках того же Пабиска Георгиевича Кузнецова и других подвижников советской эпохи, которые были нацелены на организацию совершенного социального порядка.

Мало того, человечество, как и в начале 1980-х гг., вернулось в драматическую социальную ситуацию нахождения в режиме ожидания тотального уничтожения, пребывая на грани окончательного скатывания, то ли в частичный, то ли в полный хаос, или же вообще в стадию завершения своего нелепого (если планетарная катастрофа все же произойдет) существования.

Поэтому столь очевиден контраст совершеннейших технологий (теперь в виде нейросетей) и идейно-прикладной скудости совокупного интеллекта всеобщей цивилизации. С одной стороны, «нас ждет смена институтов, ценностей и норм социальных практик» [Романовский, 2022: 163]. С другой – обреченное ожидание возможного апокалипсического финала. Впрочем, если второй вариант не реализуется, анализируемый ИИ попадает в противоборство ценностных доминант и социальных норм, не породив собственных ценностей. Напротив, субъекты, контролирующие параметры применения ИИ, с энтузиазмом включают его в игру ценностных парадигм. При этом выхолащивая сами ценности, а параллельно дискредитируя технологии. Доминирует политехнологичность форм и способов донесения до человека высших смыслов – религиозных и светских. Ощущается преобладание настроений социальной фатальности, граничащей с социальным аутизмом, в условиях высочайшей востребованности содержательной личностной,

микро- и макрогрупповой деятельности по формированию отношений, позволяющих перейти к обществу упомянутого «созидательного альтруизма» (Сорокин), «самоактуализированных личностей» (Маслоу), чтобы динамичнее и качественнее, а главное достойно завершить наконец «предысторию человеческого общества» (Маркс).

Сложно удержаться от традиционного апеллирования к некогда «вбитой» в сознание марксистской классике – противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Представляется важным отметить: речь идет не об узкой трактовке «производственных отношений» в системе воспроизводства материальных благ, а о созидании человека, его взаимоотношениях с другими, «производстве» себя как разумного, нравственно развитого и стремящегося к полноценному совершенствованию. Хотя данный тезис звучит вполне сказочно. Однако ИИ демонстрирует потенциальную реализуемость позитивной перспективы. Рисуем повториться, но в том числе благодаря ИИ можно говорить о практически неограниченных возможностях развиваться глобальному сообществу без спекуляций, ограничений и закомплексованностей. Ведь с появлением таких совершенных в технологическом смысле разработок возникают дополнительные аргументы в пользу сокращения рабочей недели, базового дохода (сошлемся на прошедшее в Институте социологии ФНИСЦ РАН заседание Научного совета ООИ РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике», посвященное данной теме [Бийжанова, 2023]) и проч.

Если аккуратно обобщить и «пофантазировать», то речь идет о создании предпосылок свободного развития личности, на что делали ставку искренние гуманисты всех эпох и народов. Напомним финальный аккорд сорокинской «Социальной и культурной динамики», где выражена надежда, что если удастся избежать апокалипсической катастрофы, «то тогда зародившиеся творческие силы приведут человечество в новую величественную эру его истории» [Сорокин, 2006: 887]. При этом очевидно, что под достижения в области постоянно перечисляемых нано-, био-, инфо-, когни- и т.п. технологий не подведены мало-мальски прорывные социальные технологии гуманистической направленности, «создания» совершенного человека. Даже словосочетание «совершенный человек» вызывает то ли ностальгию, то ли неприятие. Нынешние ученые зачастую опасаются говорить о социальной революции в ее личностно преобразующем измерении. Сложно не согласиться с С. Кравченко, указавшем в учебнике «Социология цифровизации» на необходимость «специально сконцентрироваться на изучении вызовов, связанных с умалением гуманизма и человеческого духа, которые несет в себе нынешний тип прагматически ориентированной цифровизации» [Кравченко, 2021: 190].

Наряду с обоснованным скепсисом, человек сохраняет стремление к надежде на лучший исход. Поэтому в очередной раз приходится отмечать, что одной из рабочих версий сочетания идейно-политических и социальных запросов может, например, выступить направление, которое принято называть русским космизмом. В создание его содержательного наследия внесли весомый вклад носители религиозных традиций, светские ученые, принципиальные «монархисты» и сторонники советской власти. Наиболее знаковые фигуры (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский...), как представляется, старались выйти за рамки политико-идеологического доктринерства, ориентируясь на всеобщий (в значении «вселенскости») горизонт задач и смыслов. Идеи объединения нравственных начал, социальной справедливости и космического, глобально перспективного развития человечества, возможно, способны заинтересовать социально равнодушных молодых людей, от безысходности ориентирующихся сегодня на техно-, медиапроекты того же Илона Маска и ничего не знающих об отечественных провозвестниках вселенского предназначения человека и общества. Традиции и персоналии научного космизма, технологические достижения и нравственные основы учения планетарного масштаба при шлифовке могли бы быть встроены в социально-политическую реальность и дополнить общий контур идейного базиса новой России и мира. Явление ИИ – показатель важности мерить происходящее универсальными, «вселенскими» категориями, формируя социальную среду, способную их конструктивно решать.

В конце концов важно не забывать, что на смену неплохо проанализированным социологами поколениям, названным в соответствии с последними литерами латинского алфавита, надвигается поколение «Альфа», параметры и характеристики которого только начинают очерчиваться исследователями. Из достаточно очевидного пока фиксируется лишь то, что они родились, изначально формировались и будут скроены преимущественно, а многие и исключительно, «цифровой» средой. Для них виды ИИ выступают органической составляющей личностного развития. В большинстве экономически развитых стран формируется поколение, с утробного периода живущее с гаджетами, сызмальства погруженное в цифровую действительность с голосовыми помощниками, самовыражением в мире всеобщей цифровой коммуникации и иными привычными для данной среды атрибутами социо-технологической жизнедеятельности. Среди факторов, обеспечивающих их социализацию, традиционная семья и иные «консервативные» составляющие прежних общественных укладов не выступают в качестве исключительных.

Выводы. Целесообразность включения искусственного интеллекта (ИИ) в сферу полноформатного внимания академической социологической науки не вызывает сомнения. Пространство активных экспертных, научных и общественно-политических споров вокруг ИИ очерчено за последнее время отчетливо и показательно для фиксации парадоксов и противоречий и современного общества, и человечества как такового. Благодаря началу широкого применения ИИ стали значимы вопросы о природе человека, причинах, формах и смысле деструктивного поведения, возможностях купирования отчужденной деятельности.

В социологии появление ИИ актуализировало темы, относящиеся к различным уровням социологического знания: контуры будущего; трансформации социальной структуры и социальных институтов; параметры межличностных отношений, иерархии, показатели статусности, критерии мобильности – многое ставится под вопрос рукотворной деятельностью создателей ИИ.

Опасения в связи с развитием ИИ, введением универсального базового дохода, социального кредита (в той или иной его понятийной и фактической интерпретации), внедрением иных новаций, имеющих существенный общественный потенциал, – опираются на представления о человеческих патологиях. Критика базируется на неверии в способность конкретных и зачастую влиятельных акторов использовать новейшие технологические достижения в увязке с социальными программами на пользу человечеству, государству, общественной группе, индивиду.

Мир переживает жесточайшие столкновения интересов получения сверхприбыли, политэкономических амбиций, исторических комплексов, обид и расчетов на реванш. При этом сформирована и подготовлена платформа безбедного, полноценного, содержательно счастливого созидательного существования. Но мир абсолютно не знает, что делать с данным реальным базисом совершенствования и развития, проявляющихся в потенциале ИИ.

ИИ наглядно демонстрирует неразвитость (недоразвитость и проч.) не отдельных личностей, социальных групп, слоев и т.д., а практически всех живущих, включая самих разработчиков, расписывающихся в бессилии перед мощью созданного ими детища. ИИ – прямой упрек совокупному человечеству в косности и увлеченности мнимыми потребностями.

ИИ демонстрирует, сколь высокоразвитым может быть не только окружающий мир, но и мир межличностных взаимоотношений, межпоколенческого диалога, наполненности жизни. Без зависти, подлых игр, цинизма и обмана, где доминирует не пресловутый постчеловек, а собственно возможный совершенный человек с позиций всех гуманистических религиозных и светских доктрин. В то же время ИИ – показатель отшлифованной тысячелетиями практики использования любой новации в узкокорыстных и преступных целях, укор негуманной сущности цивилизации. ИИ – очередной катализатор потребности не в политической, а внутричеловеческой революции, требующей не только и не столько трансформаций внешних порядков, сколько самореформирования индивидов, что неизбежно приводит к изменениям социальных отношений, деятельности институтов, включая их глобальные модификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархатова Л.А. От изучения виртуального к цифровому: методологические возможности и ограничения подходов // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 62–70. DOI: 10.31857/S013216250020183-4.
- Бийжанова Э.К. Универсальный базовый доход как инструмент борьбы с неравенством // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 154–158. DOI 10.31857/S013216250026594-6.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2021.
- Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. DOI 10.31857/S013216250024389-0.
- Кравченко С.А. Социология цифровизации: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021.
- Романовский Н.В. Люди. Общество. Социология (о книге И.В. Катерного) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 161–166. DOI 10.31857/S013216250021063-2.
- Смирнова А.С. О проблемах цифрового неравенства // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 157–158. DOI 10.31857/S013216250023440-7.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
- Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2019.

Статья поступила: 28.08.23. Финальная версия: 04.02.24. Принята к публикации: 01.03.24.

MAN AND SOCIETY – THROUGH THE PRISM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

YAKOVENKO A.V.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Russia

Andrei V. YAKOVENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Lugansk, Russia (6daoav@rambler.ru).

Abstract. Prospects for the introduction of artificial intelligence technologies are discussed through the prism of human and societal imperfection. It is emphasized that artificial intelligence should be considered an essential reason for a kind of full-fledged self-audit by civilization and personality. The reasons for the pessimistic attitude to the possibilities of qualitative social transformations are evaluated, despite the vivid developments in the field of artificial intelligence. Fears of artificial intelligence reveal absurdity of many “basic” mechanisms of society’s existence up to now, including the standard ideas about prime importance of mercantile values. It is stated that there is a constant slip in the use of all without exception overtechnologies with maximum public benefit. Attention is focused on the expediency to implement a social revolution in its personally transformative dimension. At the same time it is noted that human improvement projects are almost unambiguously met with anxiety, distrust and reasonable skepticism.

Keywords: artificial intelligence, man, society, paradoxes, new technologies, meanings.

REFERENCES

- Barkhatova L.A. (2023) From virtual to digital research: methodological promises and limitations of approaches. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 62–70. DOI: 10.31857/S013216250020183-4. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2021) *The Consumer Society*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Biyanova E.K. (2023) Universal basic income as a tool to combat inequality in modern Russia *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 154–158. DOI: 10.31857/S013216250026594-6. (In Russ.)
- Fromm E. (2019) *The Sane Society*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Ivanov D.V., Asochakov Yu.V. (2023) Digitalization and critical theory of society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 16–28. DOI: 10.31857/S013216250024389-0. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2021) *Sociology of digitalization*. Moscow: Urait. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. (2022) Humans. society. sociology (reflecting on a monograph by I.V. Katerny). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 161–166. DOI: 10.31857/S013216250021063-2. (In Russ.)
- Smirnova A.S. (2023) About the problems of digital inequality during the pandemic. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 157–158. DOI: 10.31857/S013216250023440-7. (In Russ.)
- Sorokin P. (2006) *Social and Cultural Dynamics*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2001) *The paradox man*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)

Received: 28.08.23. Final version: 04.02.24. Accepted: 01.03.24.

© 2024 г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

В рамках проходившего на базе РУДН в Москве VI Профессорского форума 16 ноября 2023 г. состоялась сессия «Российское социологическое образование в период экономической, политической и культурной трансформации общества» под председательством акад. **М.К. Горшкова** (ИС ФНИСЦ РАН). В качестве сопредседателей и модераторов выступили **Н.Г. Скворцов** (СПбГУ), **Н.П. Нарбут** (РУДН) и **Р.И. Анисимов** (РГГУ).

В своем вступительном слове М.К. Горшков отметил, что качественные параметры состояния социологического знания зависят от системы социологического образования и от уровня развития самих исследований. Он констатировал, что институционализация социологического образования в российских реалиях оказалась довольно сложным процессом с далеко не бесспорным теоретико-методологическим содержанием. При планируемых в ближайшие годы изменениях в образовательной системе важно учитывать: развитие теоретико-методологических основ и исторической преемственности российской социологии; баланс в учебных программах и планах дисциплин теоретико-методологического и прикладного профилей; разумное разнообразие подходов к выбору логики и основ построения программ (варьирование в каждом вузе набора учебных дисциплин и объема учебного времени, отводимого на их изучение). Докладчик подчеркнул, что вопрос общего дизайна социологического образования остается открытым. Однако необходимо уважительное отношение к собственным национальным традициям социального мышления, использование багажа отечественных наработок при условии научно-критического переосмысления доминирующих в мировой науке теоретических направлений. В российском научном сообществе явно формируется запрос на создание национально ориентированных теорий: обоснование комплексной социологической диагностики российского общества, развитие теорий генотипа культуры России, общества травмы и парадоксального человека, новых представлений о социальной структуре российского общества и ряд других. Приоритетной задачей является подготовка студентов к новому типу управления, учитывающего скорость и качество принятия решений, действие на опережение конкурентов, учет ненамеренных последствий, корректировка итоговых результатов. Содержание образовательных социологических программ состоит в критическом осмыслении его теоретико-методологических оснований, что предполагает овладение всеми научными и гуманистическими достижениями, которые выработала за свою историю мировая общественная мысль.

Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) в докладе «Транзит от социологической науки к социологическому образованию и от образования – к науке» акцентировал внимание на проблеме воспроизводства научных кадров. Докладчик привел статистику убывающей динамики численности ученых в России и констатировал, что для поступательного развития в стране должно быть не менее 480 тыс. исследователей, но процесс их воспроизводства пока не обеспечивает существующие потребности. Причины в крайне низкой эффективности аспирантуры: всего 12% из числа поступивших аспирантов успешно завершают в ней обучение, только 8% защищают кандидатские диссертации в установленные сроки. И это на фоне стремительного старения работников образования и науки: средний возраст преподавателей вузов составляет 45,5 лет, доцентов – 50 лет, профессоров – 62,4 года. Докладчик отметил важность материального стимулирования труда работников научно-образовательной сферы. По данным Росстата, средняя зарплата преподавателей

вузов равна 111 тыс. руб., однако собранные «снизу» данные значительно отличаются: средняя зарплата преподавателя вуза в Москве составляет 56 тыс. руб., в Самаре – 40 тыс. руб., средние предложения по отрасли 35–40 тыс. руб., что близко к медианной зарплате по стране. В России молодой человек после обучения начинает получать заработную плату в научно-образовательной сфере в размере 26 тыс. руб., а то и меньше. В таких условиях неизбежен отток кадров. По данным НИУ ВШЭ, ежегодно из страны выезжает 10 тыс. ученых для постоянной работы и 35–40 тыс. студентов для учебы в магистратуре и аспирантуре, страну покидают 65–75% перспективных ученых. В социологии сейчас трудно найти специалиста, который занимается методами и исследований или историей русской социологии. В развитии кадрового кризиса вряд ли стоит ждать обрушения системы в целом, скорее всего, она будет деградировать постепенно и дискретно в разных областях. В этих условиях административные инстанции будут вынуждены снижать критерии требований к квалификационным характеристикам ученых и механизмам их воспроизводства, что уже происходит (упрощение порядка получения ученых степеней, снижение требований к членам диссертационных советов и др.). Будут пересматриваться критерии к преподавателям высшей школы. Не исключено, что наши инстанции будут обращаться к резервам других стран, в том числе СНГ, как это уже происходит в медицине. Для исправления ситуации нужно, чтобы высокий научный статус давал и существенную прибавку к заработной плате. Важно расширить число источников финансирования науки (много фондов – много возможностей). Необходимо усиление роли Российской академии наук, в т.ч. в реформировании научно-образовательной сферы.

Чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ) выступил с докладом «Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда». Он отметил, что при обсуждении проблем образования производительность труда выпадает из числа актуальных направлений подготовки кадров. Это происходит по нескольким причинам: наличие в образовательных программах только общих требований к профессиональной подготовке; отрыв учебного процесса от проблематики производства; формальные требования к отчетности по производственной практике студентов. Исследования социологов РГГУ показывают, что в процессе учебы происходит профессиональный отбор будущих специалистов, в частности, отсеиваются из вузов составляет от 15 до 30% (на платном отделении отсеиваются выше, чем на бюджетном). Причины кроются в финансовых и семейных проблемах (до 25%), в случайном (ошибочном) выборе специальности (направления подготовки) (20%), в «необучаемости» 12–15% студентов, в нехватке знаний, сложностях учебной программы (10%). Основные недостатки производственной практики кроются в формализме ее организации и отсутствии заинтересованности работодателей. В трудоустройстве и профессиональной адаптации выпускников вузы принимают незначительное участие, оказывая помощь не более 8% молодых специалистов. Большинство работодателей (52%) заявляют, что вновь принятые выпускники вузов проходят переобучение непосредственно на рабочем месте или переводятся на низкоквалифицированную работу. Докладчик предложил следующие пути решения этой проблемы: тестирование профессиональной предрасположенности выпускников школ; изменение пропорций набора студентов на специальности исходя из их востребованности; пересмотр материального стимулирования труда в различных отраслях и сферах деятельности; усиление отсева неспособных к обучению студентов; создание эффективной системы социальных лифтов. По мнению Тощенко, работу по повышению производительности труда нужно начинать в вузе.

Чл.-корр. РАН **В.Н. Иванов** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) в докладе «Идеологические аспекты образования и ответственность социолога» остановился на критическом анализе социологической работы, понимаемой в широком смысле: от проблем социологического образования до вопросов внедрения результатов социологических исследований в практику органов государственной власти и управления. Докладчик отметил положительную роль идеологии в консолидации советского общества и проблемы ее отсутствия в современном российском социуме, не компенсируемые наличием идеологического многообразия.

Подчеркнул, что от идеологической ориентации социологов зависит их профессиональная позиция, в том числе по вопросам придания огласки результатов социологических исследований по «болезненным темам». В условиях гибридной войны определенная тематика, например, динамика этноконфессиональных отношений, может быть использована противниками. В связи с этим проблема профессиональной ответственности социологов продолжает оставаться актуальной.

Профессор **Ж.В. Пузанова** (РУДН) в докладе «Образование в мире, где правит искусственный интеллект (ИИ): гонка компетенций» констатировала, что мы живем в эпоху «слабого» ИИ, позволяющего решать узкоспециализированные задачи, но в перспективе он разовьется в «сильную» универсальную модель, оказывающую влияние не только на бизнес и коммуникации, но и политику, геополитику и человеческие отношения, образование. Для социологов внедрение ИИ в повседневную жизнь представляет интерес в плане изменения привязанностей человека не к институтам, а к технологиям. Докладчик отметила влияние ИИ на сферу образования: построение персональных образовательных и карьерных траекторий; использование ChatGPT в производстве/написании и анализе текстов (эссе, курсовых и дипломных работ); работа с цифровыми данными (обработка массивов информации, агрегирование, построение таблиц и графиков, их описание, расчет индексов и показателей); решение креативных задач и др. Все это требует внесения изменений в учебный процесс: формирование у обучаемых навыков использования возможностей ИИ в профессиональной деятельности при сохранении ряда прежних компетенций, связанных с развитием критического мышления, когнитивной устойчивости, аналитической деятельности, креативных способностей, моральных и лидерских качеств, способности постоянного обучения и самообразования. Необходимо образование с опережением, с навыками «на вырост».

Профессор **Л.В. Темнова** (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Модель подготовки социолога в свете разработки ФГОС четвертого поколения» обобщила наработки рабочей группы при ФУМО «Социология и социальная работа». Принципами разработки ФГОС четвертого поколения являются: 1) анонсированная замена Болонской системы и переход к двум уровням высшего образования: базовому и специализированному; 2) переход к укрупненной группе направлений подготовки и специальностей; 3) введение в перечень компетенций помимо универсальных и общепрофессиональных также базовых компетенций – общих для всех направлений подготовки, входящих в группу. Уже разработана нормативная база, изменившая структуру и состав перечней специальностей и направлений подготовки, эти изменения вводятся с 1 сентября 2024 г. Теперь социология входит в укрупненную группу – УГН 13 «Политика, социология и международные процессы» вместе с регионоведением, политологией, международными отношениями и публичной политикой. Разнородность предметных областей создает проблемы согласования единой образовательной программы. Планируется, что студенты будут поступать не на направление подготовки, а на укрупненную группу специальностей и делать выбор на третьем курсе (первые два года – общая подготовка). ФУМО и вузы могут варьировать сроки обучения на базовом уровне – 4–6 лет, на специализированном от 1 до 3 лет. Предложения рабочей группы основывались на предоставлении вузам максимальной свободы в выборе профиля и сроков обучения, поскольку региональные вузы находятся в сложной ситуации. Модель подготовки социологов основывается на расширенном варианте сфер, областей и видов деятельности социологов. С 2023 г. начался пилотный проект, в котором участвуют шесть вузов. Положительные моменты введения новой системы – многоформатность и гибкость. Опасения связаны с проблемами международного сотрудничества, механизмом получением студентами двух квалификаций; распределением контрольных цифр приема на УГН и на конкретные направления; согласования нового общего блока подготовки различных направлений; качества подготовки специалистов; организационные проблемы набора и обучения. Непрерывное реформирование системы высшего образования дестабилизирует деятельность профессорско-преподавательского состава.

Участники секции акцентировали внимание и на других аспектах развития социологического образования: **Н.Г. Скворцов** (СПбГУ) «Модель практико-ориентированного обучения социологов-исследователей (опыт СПбГУ)»; **Н.В. Проказина** (Среднерусский филиал РАНХиГС, г. Орел) «EdTech в социологическом образовании: вызовы и возможности, риски и решения»; **Т.А. Хагуров** (Кубанский гос. университет, г. Краснодар) «Социогуманитарное импортозамещение: между Сциллой интеллектуального изоляционизма и Харибдой глобального трансгуманизма»; **З.Т. Голенкова** (ИС ФНИСЦ РАН) «Курс "История русской социологии" в учебном плане подготовки специалистов-социологов»; **М.С. Цапко** (Аналитический центр при Правительстве РФ) «Актуальные форматы работы социолога в госуправлении»; **И.В. Образцов** (МГЛУ) «Социолог 4.0: предполагаемые преимущества и риски»; **М.Б. Буланова** (РГГУ) «Модели социологического образования: преемственность и противоречивость».

Участие в дискуссии также приняли: **Э.Р. Нуруллина** (КГЭУ, г. Казань); **С.А. Барков** (МГУ им. М.В. Ломоносова); **Р.И. Анисимов** (РГГУ); **Ф.И. Шарков** (РАНХиГС); **Л.А. Брушкова** (Финансовый университет при Правительстве РФ); **Т.Б. Бадмацыренов** (Бурятский гос. университет, г. Улан-Удэ); **Т.И. Юдина** (ИДИ ФНИСЦ РАН); **Г.Н. Осадчая** (ИДИ ФНИСЦ РАН); **И.В. Троцук** (РУДН).

В заключительном слове М.К. Горшков выразил намерение довести озабоченность и высказанные в ходе дискуссии предложения о перспективах развития социологического образования до сведения руководства органов государственного управления РФ: «Голос социологов должен быть услышан».

И.В. ОБРАЗЦОВ

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович, д. социол. н., проф., заведующий социологической лабораторией, проф. кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия (obraztsov@rambler.ru).

SOCIOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA

DOI: 10.31857/S0132162524030124

Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., the Sociology Department, Head of Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (igorobraztsov@rambler.ru).

© 2024 г.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Традиционный круглый стол по проблемам образования¹, организуемый ежегодно отделом социологии образования Института социологии ФНИСЦ РАН, состоялся 12–13 февраля 2024 г. Широкая география и большое число участников из академических вузов, университетов и организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Екатеринбурга, Красноярска, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Тюмени, Уфы, Улан-Удэ и др., а также Кыргызстана – указывают на актуальность обсуждаемых на круглом столе как общих вопросов образования, так и проблем разных его уровней. В этом году особое внимание уделялось профессиональной самореализации молодежи, ее планам,

¹ См. сайт круглого стола: http://obrazovanie_ks.tilda.ws/

намерениям в построении профессиональных траекторий, проблемам выхода на рынок труда, а также вопросам труда педагога и наставника.

Д.Л. Константиновский (ИС ФНИСЦ РАН), открывая заседание, подчеркнул, что реализация полученных в учебных заведениях знаний на рынке труда становится все более актуальной и зависит от разных факторов, в том числе от профиля и уровня образования. Он обеспокоен тем, что студенты в большей степени ориентированы на прикладные курсы, тогда как теоретические, несмотря на сложность освоения материала, повышают конкурентоспособность специалистов и обеспечивают качество получаемых знаний. **В.А. Мансуров** (ИС ФНИСЦ РАН) отметил, что сфера образования – база развития всего общества. Она формирует поведение будущих профессионалов, при этом конкурентная среда полезна для всех. Он поднял вопросы функционирования общества не только с точки зрения поддержания этой сферы, но и ее развития, когда требуется отход от существующих алгоритмов, выход за рамки сложившихся стандартов. Для этого и нужно развитие особых программ и специализированных учебных заведений, где готовятся мотивированные кадры для развития прорывных технологий и идей. И чиновники-управленцы должны понимать важность этой подготовки.

Тема гражданско-патриотического воспитания в школах прозвучала в докладе **К.Г. Скорик, С.Д. Лебедева** (БелГУ). Результаты интервью с педагогами, замами директоров школ по воспитательной работе Белгородской области выявили единодушные экспертов в вопросе решающей роли школы в этом процессе, а воспитание должно быть направлено на духовно-нравственное становление личности, при этом эффективность зависит от заинтересованности учителя и его умения побуждать к социальной активности. Экспертами был отмечен рост активности школьников.

В докладах затрагивались дискуссионные темы. Например, **А.Л. Маршак** (ИС ФНИСЦ РАН), предложил шаги к формированию суверенного образования, в частности, отказ от ЕГЭ и тестовой формы оценки знаний, обновление категоризации вузов, отказ от негосударственных вузов, развитие институтов повышения квалификации. **Р.Б. Салморбекова** (НАН КР, Кыргызстан) подчеркнула, что социально-гуманитарные науки в Кыргызстане находятся в кризисе на академическом уровне и на всех ступенях образования. Это связано с отсутствием финансирования исследований, сокращением часов преподавания социально-гуманитарных дисциплин, нехваткой кадров, языковой проблемой, связанной со слабой учебно-методической базой на национальном языке. Докладчик обратила внимание на рост популярности русскоязычных школ. Уровень подготовки в них значительно выше, но их количество не удовлетворяет запросам населения. **О.В. Юрченко** (НИУ ВШЭ) обратилась к проблеме отсутствия учебной мотивации школьников, связав это с недостаточной автономией и свободой выбора. По ее мнению, если школьник имеет выбор поведения и контролирует его, то повышается уровень его автономии и, соответственно, учебной мотивации, т.е. структурирование коммуникационных практик в образовательном пространстве может влиять на мотивацию.

Интересное исследование влияния цифровой компетентности на профессиональное самоопределение представил **В.В. Зотов** (МФТИ). На данных опроса студентов, проведенного РОС ($N = 10360$), разделив их по укрупненному классификатору направлений подготовки ФГОС, он показал уровень цифровой компетенции учащихся разных специальностей. Жесткого деления на «физиков» и «лириков» не наблюдается, однако есть особенности. Студенты рассматривают цифровые навыки скорее как адаптацию к существующим условиям. Только 2% студентов являются ярыми противниками освоения цифровых сервисов. Добавил тревожности оценкам цифровизации образования **И.Л. Грошев** (ТюмВВИКУ). Он поднял важные вопросы персонализированной модели образования и влияния информационных технологий (ИТ) на процесс обучения, которые приводят к негативным последствиям, в частности к снижению когнитивных навыков. Роль ИТ и искусственного интеллекта (ИИ) в образовании повышается. Это может привести к изменению потребности в труде преподавателя и к «смерти профессии учителя»;

управленческий, творческий, инженерный, конструкторский и контрольно-ревизионный труд перейдет в сферу ИИ. Возрастет негативное воздействие ИТ на психическое, эмоциональное состояние социума, на социальную активность, смысловое целеполагание.

Тематика выбора образовательного пути, профессиональных ориентаций, планов, траекторий молодежи регулярно поднимается на заседаниях круглого стола и является одной из самых актуальных. Так, **В.С. Собкин** и **М.М. Смылова** (оба – ЦРО РАО) на данных исследования 2023 г. студентов педагогических вузов и специальностей в классических университетах в РФ ($N = 3855$) рассмотрели влияние демографических факторов и академической успешности на их профессиональные планы. Позитивный момент – почти половина студентов-педагогов (47,1%) в будущем собираются устроиться по специальности, а 36,1% – продолжить образование по выбранной специальности. Каждый десятый собирается трудоустроиться не по получаемой специальности, на что влияет академическая успешность: среди них больше троичников (16%). Высокая академическая успешность связана с работой по специальности и намерениями продолжить учебу в магистратуре и аспирантуре. Также показано, что у студентов из разных социальных групп отличаются критерии выбора профессии. Например, для семей с более высоким образовательным уровнем родителей важны престижность и творческий характер труда, из группы с менее высоким уровнем (оба родители без высшего образования) важны размер заработной платы, возможность карьерного роста, хороший коллектив.

На данных образовательной статистики **В.Ф. Пугач** (НИТУ МИСиС) продемонстрировала длинные ряды данных устойчивости студенческих контингентов в России, начиная с 1960 г., по разным группам отраслевых вузов с учетом конкурсов при поступлении. Если до 1985 г. была устойчивость показателя после роста 1960-х гг., то позднее этот показатель начал снижаться, а после 1995 г. – вновь расти. Наименьшая устойчивость в вузах транспорта и связи, сельского хозяйства, промышленности, строительства, а самые высокие показатели занимают вузы здравоохранения и культуры.

Динамику структурных элементов подготовки на уровне высшего образования в связи с запросами рынка труда показала **Г.А. Чередниченко** (ИС ФНИСЦ РАН). На данных статистики она продемонстрировала, как реагирует образование на возникающий спрос, а именно – постепенный отход от сервисных к IT-специальностям; увеличивается доля приема бакалавров, специалистов и магистров по инженерным специальностям и техническим наукам (с 28,8% в 2015 г. до 32% в 2023 г.) и сокращается доля приема на науки об обществе (с 43,5 до 35% соответственно). **А.У. Астафьев** (ИС ФНИСЦ РАН) продолжил тематику реализации образовательного потенциала на рынке труда, сосредоточив внимание на информационно-компьютерных технологиях.

Вопросы подготовки студентов в заведениях профессионального образования затрагивались во многих докладах через формирование навыков для реализации в обществе (например, **А.А. Васильева**, ЮФУ). Подчеркивалось главное – научить студентов учиться. Обсуждались вопросы непрерывного образования и взаимодействия вузов и СПО с работодателями. Были представлены результаты исследования по карьерным ориентациям студентов СПО (**Г.И. Зимирев**, ИРО Забайкальского края, **М.Г. Зимирева**, Чита). **Н.Я. Розенфельд** (НИУ ВШЭ) на данных панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (2012–2021) выделила пять профессионально-образовательных траекторий молодежи с СПО, показав особенности социально-демографических характеристик каждой группы. **И.С. Кузнецов** (ИС ФНИСЦ РАН) продолжил эту тематику на данных опроса весны 2022 г., подчеркнув, что 18,8% выпускников СПО собираются продолжить учебу, а 70% выпускников-бакалавров намереваются поступить в магистратуру.

Важную проблему инфляции образования в представлениях молодежи подняла **Л.И. Грошева** (ТюмВВИКУ), обратив внимание на популярность краткосрочных курсов (часто нелегализованных) и переход образования в досуговую среду. На данных фокус-групп с участниками неинституционализированных форм образования она показала, что

у молодежи есть стремление получить квалификацию в сжатые сроки, а в вузы идут скорее ради получения диплома.

По результатам исследования выпускников школ (9–11 классы) Новосибирской области, представленным **И.И. Харченко** (ИЭОПП СО РАН), выявлено, что только пятая часть выпускников считает, что материальная обеспеченность семьи влияет на возможности интеллектуального развития детей, что свидетельствует о равенстве возможностей в представлениях учеников, 70,3% из них считают, что прежде всего способности и стремление к учебе являются решающими в этом. Отмечены специальности, востребованные выпускниками: IT-специалисты, работники здравоохранения, силовых структур, бизнес-сферы, государственные учреждения культуры и образования. Докладчик попыталась показать, чем привлекают выпускников 9 классов учреждения СПО: несмотря на то что мотивация значительной части выпускников ориентирована на скорейшее получение профессии и выход на рынок труда, многие выбирают эту траекторию, чтобы облегчить учебу и избежать ЕГЭ.

Рассматривались вопросы многофакторной модели профориентации молодежи (**Е.Ю. Иванова**, ИС ФНИСЦ РАН), в частности профессиональная семейная преемственность: 30% студентов ($N=1200$ в 180 населенных пунктах РФ и зарубежья) выбрали себе специальность, по которой работают их родные, и 67% хотели бы работать по данной специальности и хотели бы, чтобы их дети (52%) продолжили работать в этом направлении. Профессиональное тестирование по предложенной методике выявляет мотивы выбора профессии, уровень знаний, желания и возможности реализации, а также готовность и самооценку, получить рекомендации для реализации в определенной сфере деятельности. Подобное тестирование среди школьников позволяет получить данные для социологического анализа социального портрета современного школьника в динамике.

Е.И. Пронина (ИС ФНИСЦ РАН) и **Е.А. Коган** (МАУ) на данных двух исследований школьников и студентов Москвы показали, какую роль школа и вуз играют в формировании важных социальных навыков. Дисциплинированность, выполнение рутинной работы и подчинение правилам в большей степени, по мнению школьников, формируются в школе, тогда как инициативность, независимость и гибкость, по мнению студентов, – в вузе, трудолюбие, ответственность и добросовестность, стрессоустойчивость, коллективизм, честность – на обеих ступенях образования.

Также в выступлениях поднимались проблемы неравенства в образовании и влияние урбанизации на этот процесс (**Е.С. Попова**, ИС ФНИСЦ РАН), подготовки социологов в связи с разработкой нового, четвертого поколения ФГОС (**С.Ю. Демиденко**, ИС ФНИСЦ РАН), влияние менеджеристской управленческой модели на процесс депрофессионализации (**О.А. Казанцев**, ЮФУ), вопросы современного инженерного образования (**А.Д. Иванова**, ЮФУ) и академической мобильности студентов (**А.А. Зайцева**, ИСПИ ФНИСЦ РАН). Интересный доклад представили **Я.В. Дидковская** и **Ю.Р. Вишневский** (оба – УрФУ) на данных мониторинга студенчества Екатеринбурга об их представлениях о социальном будущем. Обсуждались барьеры непрерывного экологического образования и формирование экологической культуры. По мнению **А.К. Хаустовой** (ГУУ), необходима комплексная федеральная программа формирования и развития экокультуры граждан, базисами которой должны стать целостность, непрерывность и системность, а направлена она должна быть и на дошкольное образование. Тему подготовки школьных педагогов осветил **М.А. Головчин** (ВолНЦ РАН). На данных исследований он показал, что значимость профессии возрастает, однако лишь 9% родителей хотели бы, чтобы их ребенок трудоустроился педагогом в школу. **О.Н. Мамонова** (ИС ФНИСЦ РАН) подняла тему мастерства и наставничества в сфере воспроизводства традиций музыкального промысла. С содержательным докладом по результатам исследования о научном наставничестве выступила **Е.М. Фадеева** (РИЭПП), отметив уменьшение доли молодых исследователей с ученой степенью, доли докторов наук и возрастание проблемы научного руководства в условиях кадрового дефицита.

Подводя итоги, **Д.Л. Константиновский** отметил возрастание круга обсуждаемых проблем и повышение уровня представленных исследований; проблемы дискутируются на разных уровнях. Выступают известные ученые и начинающие свой путь в науке исследователи. Происходит взаимодействие академических ученых, преподавателей вузов и практиков, что ведет к приращению идей и знаний, расширяет контакты. Многолетняя работа круглого стола заставляет задуматься о расширении его формата до научно-практической конференции.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна, науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН; отв. секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

EDUCATION AND PROFESSIONAL REALIZATION

DOI: 10.31857/S0132162524030137

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), "Sociological Studies" journal, Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).

© 2024 г.

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Очередное заседание Научного совета ООН РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике» состоялось 27 ноября 2023 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН под председательством чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тоценко**, обсуждались вопросы кадрового обеспечения высшего образования, в частности потенциал развития научно-педагогических работников. Участие в заседании приняли более 50 ученых из различных регионов России, а также Армении, Беларуси, Кыргызстана и Сербии.

Актуальность тематики обусловлена существенными изменениями в научной политике страны, а также нарастающим кризисом в сфере высшего образования. Этому способствовали процессы оптимизации, непродуманность управленческих стратегий, государственная инициативная программа «Проект 5–100», направленная на адаптацию российских университетов к мировым стандартам. В настоящее время действует государственная программа стратегического академического лидерства: «Приоритет-2030», цель которой заключается в формировании к 2030 г. группы университетов, которые будут являться национальными лидерами в развитии новых научных знаний и практик в научно-исследовательской и образовательной деятельности. В результате роль научно-педагогических работников (НПР) как драйверов в реализации этой программы возрастает.

Открывая заседание, чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тоценко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН, Москва) подчеркнул, что ключевая проблема в развитии современного образования, при всей важности материальной и технической базы, методических разработок и пр., в ситуации с профессорско-преподавательским составом, оценкой ресурсов и резервов для его более эффективного использования.

С основным докладом выступил проф. **Г.Е. Зборовский** (УрФУ, Екатеринбург) «Потенциал развития научно-педагогических работников: социологический ракурс». Он отметил, что в настоящее время сокращается численность НПР, усложняется структура их профессиональной деятельности, увеличивается количество задач, степень ответственности, объем

рабочей нагрузки и бюрократического бремени. Усиливается противоречие между сокращением в стране НПП и необходимостью наращивания качественного потенциала этой научно-образовательной общности и эффективного ее использования. Между тем трансформация данной академической профессии требует вместо сокращения ее представителей активизации научно-исследовательской деятельности. Именно эта деятельность приобретает не просто актуальное, а в некоторых случаях и приоритетное значение.

Анализ проблемы Г.Е. Зборовский начал с определения его центрального понятия – научно-образовательной общности, где центральную роль играют сообщество преподавателей и научных работников, их групп и объединений. Отмечено, что за последние 20–25 лет произошли существенные изменения с численным составом НПП: повышение с нулевых годов до 2010–2011 гг. и далее снижение. В качестве основной причины назван целенаправленный управленческий курс на снижение численности НПП. Другими важными причинами сокращения НПП названы снижение численности студентов (2010–2015) и сокращение численности вузов (с 1100 в 2010/2011 уч. г. до 722 в 2022/2023 уч. г.). Также последние исследования показывают, что сокращение численности НПП происходит не только по инициативе «сверху», но и со стороны самих работников. Спектр причин такой тенденции обширен: неудовлетворенность оплатой труда и профессиональной деятельностью, увеличение учебной нагрузки, сложные отношения с административно-управленческим персоналом и т.д. В результате университеты столкнулись с негативными последствиями этих процессов, тем самым лишившись ресурсного обеспечения для достижения приоритетных целей, связанных с научным лидерством, войдя в противоречие с требованием Программы «Приоритет-2030».

Одним из косвенных доказательств непродуманности управленческой стратегии, по мнению Г.Е. Зборовского, является одновременное увеличение численности административного аппарата вузов, что привело к перераспределению общего фонда оплаты труда, усилению нагрузки на НПП и росту бюрократизации.

Подводя итоги своего анализа, проф. Зборовский показал, что решение проблемы требует глубоких преобразований высшего образования, а также внедрения на различных уровнях регуляторов. Среди мегарегуляторов ученый выделяет: прекращение необоснованного и несбалансированного сокращения численности НПП; обеспечение высокого уровня оплаты труда; создание условий для участия НПП в принятии стратегических решений и пр. К микрорегуляторам докладчик относит университетское управление, определяющее конкретные возможности развития НПП, где наиболее целесообразна политика «сбережения и выращивания» научно-педагогических сотрудников.

Открыла дискуссию проф. **М.Б. Буланова** (РГУ, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва) докладом «Преподаватели высшей школы: от прекаризации труда к прекаризации жизни». Она отметила, что несмотря на то, что профессорско-преподавательский состав должен относиться к сариату, то есть к слою, который характеризуется социальной стабильной занятостью, полным рабочим днем, оплачиваемым отпуском и т.п., прослеживаются тенденции перехода его в группу прекариата. В ходе исследования, базой которого послужил опрос преподавателей вузов (415 человек из 22 субъектов РФ) в 2021 г., были выявлены основные признаки их прекарности. Исследование показало, что хотя в вузах большинство преподавателей официально имеют бессрочный трудовой договор, существует важное условие – успешное прохождение конкурса на должность, который определяется формой контракта. При этом квалификация преподавателя срабатывает как защита от возможного расторжения контракта по инициативе «сверху». Однако в условиях неустойчивой занятости удовлетворенность общими процессами снижается даже у профессуры. Кроме того, отмечается постоянная изменчивость условий трудовой деятельности. Так, пятая часть опрошенных обеспокоена возможной потерей работы или сокращения заработка из-за понижения ставки. Среди сопутствующих проблем были выделены: постоянная переработка, в т.ч. за счет увеличения бумажной работы; наличие теневой, серой оплаты труда; необходимость подработок; невозможность влиять на принимаемые

решения. Докладчик отметила, что эмоциональная и физическая усталость отражаются на жизни преподавателей. Так, например, четвертая часть преподавателей не интересуется политической жизнью, а половина интересуется только отдельными проблемами. 45,8% затруднились дать ответ на вопрос, каких общественно-политических взглядов они придерживаются. Значительная часть досуга преподавателей является продолжением выполнения рабочих задач, а потребности преподавателей снизились до уровня базовых, связанных с защитой себя и своих близких в настоящем и будущем.

Проф. **Г.А. Ключарев** (ФНИСЦ РАН, Москва) обратил внимание аудитории на основные темы, поднимаемые Г.Е. Зборовским в своих трудах, среди которых особый интерес представляют: «успех образования» и «нелинейность образовательных систем». По его мнению, изучению «успеха образования» в социологии уделяется недостаточно внимания. А между тем здесь наблюдается столкновение интересов двух весомых групп: интересы институтов и государства вступают в противоречие с субъективной оценкой этой успешности, то есть оценкой самими преподавателями, учащимися и их родителями. Он отметил, что помимо деления вузов на обозначенные страты, существуют различия по направлениям подготовки специалистов (военные, медицинские, гуманитарные, технические и др.), что требует отдельного изучения. Также им отмечалась необходимость менять не только сферу высшего образования в целом, но и социологию образования в частности, которая должна в большей степени фокусироваться на отдельных практиках образовательного процесса, а не исследовать макромодель, не отражающую реальную картину образования.

Возвращаясь к основному докладу, чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** высказал сомнения относительно целесообразности деления вузов на группы («ядро», «полупериферия», «периферия»), так как это может породить социальное неравенство, где статус преподавателей и студентов вуза из одной зоны будет отличаться от статуса вуза из другой зоны.

Продолжая дискуссию, проф. **Г.Г. Татарова** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) отметила важность качественных исследований, в ходе которых необходимо выявить позицию научно-педагогических работников и факторы повышения их качества. Также Г.Г. Татарова указала на необходимость проведения комплексного исследования высшего образования как неоднородной среды, где существует своя специфика в зависимости от направления образовательной деятельности, территориального расположения, финансирования и прочего. В дополнении к этому проф. **Ю.А. Зубок** (ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва) отметила, что интерес могут представлять исследования, направленные на выявление ценностно-смысловых наполнений управленческих стратегий в высшем образовании, в ходе которых необходимо попытаться понять, какой смысл вкладывается в существующие стратегии.

Проф. **Н.Е. Покровский** (НИУ ВШЭ, Москва) напомнил аудитории, что университеты зависят и от интересов студентов и их родителей. Основываясь на многолетнем преподавательском опыте, Покровский показал, что сейчас студенты и их родители нацелены на доход, устройство в жизни, независимость при выходе на рынок труда. Современный запрос общества изменился, стал более прагматичным, что также является серьезной проблемой высшего образования.

Проф. **В.Н. Бобков** (ИЭ РАН, Москва) отметил, что не стоит надеяться на управленческие решения, так как благодаря действиям власти мы сейчас получили именно такое образование и науку, которое имеем. В связи с этим представителям академической науки необходимо показать объективную картину того, в каком состоянии находится наука и образование в настоящий момент, используя все возможные ресурсы, в т.ч. грантовую поддержку и академическую свободу. Также Бобков отметил, что есть разные пути выхода из кризисного состояния. При подходе «снизу» необходимо воспитывать молодых специалистов с четкой жизненной позицией. А если идти «сверху», то следует добиться четкого разделения на государственные и рыночные (коммерческие) вузы. При таком разделении перечисленные Г.Е. Зборовским критерии эффективности вузов перестают

работать, так как многое будет выполняться самим государством (трудоустройство, финансирование и т.д.).

Относительно академической свободы проф. **В.А. Мансуров** (РОС, ИС ФНИСЦ РАН, Москва) подчеркнул, что в научно-исследовательской деятельности ученые постоянно находятся в определенных рамках, при которых различные структуры не дают необходимую свободу. Кроме того, он заключил, что в руках управленческих сил находится власть, поэтому очень сложно изменить сложившуюся ситуацию, возрастает необходимость кардинального пересмотра подходов к управлению в сфере образования или разработке принципиально новых.

По мнению проф. **П.А. Амабаров** (УрФУ, Екатеринбург), университетский менеджмент стал результатом внедрения в управленческие практики модели нового государственного менеджмента со всеми критериями эффективности. И пока эта модель существует, другую реальность высшего образования мы не получим. При этом модель нового университетского менеджмента конструирует, в т.ч. самоорганизацию преподавателей, их возможности отстаивать свою позицию и интересы. В настоящее время есть определенные ограничения в плане объединения и консолидации профессорско-преподавательского состава, например, искусственное повышение конкурентности между преподавателями приводят к конфликтности между ними и появлению имитационности труда. Продолжая рассуждения В.Н. Бобкова, проф. Амбарова отметила, что не стоит надеяться и на молодое поколение. Исследования показывают, что недовольство в основном исходит от людей более старшего возраста и молодежь их не артикулирует. В настоящее время молодые специалисты находятся в достаточно выигрышном положении, т.к. существуют многочисленные институциональные формы их поддержки, и с неясной мотивацией и установками она не будет поддерживать позиции старшего поколения, а при неудовлетворенности условиями труда, молодежь просто уйдет. Таким образом, еще одной проблемой современного высшего образования выступает отсутствие воспроизводства той академической культуры, которая будет способна защитить интересы преподавателей.

В завершении дискуссии **Г.Е. Зборовский** пессимистично отметил, что вместо того, чтобы заниматься равномерным развитием научных исследований в академической и вузовской сферах, в нынешних условиях приходится поднимать вопрос о том, как создать хотя бы минимальные условия для научной деятельности НПР.

В ходе работы Научного совета особенно ярко было подчеркнуто, что ключевым ядром высшего образования является профессорско-преподавательский состав. Возрастает значимость деятельности научно-педагогических работников, при этом снижается внимание управленческого персонала к этой группе. Сегодня университетское управление должно заниматься созданием благоприятных условий для научно-исследовательских поисков педагогических работников, которые должны быть органично интегрированы в образовательный процесс и соединены с научно-педагогической деятельностью. Были выявлены основные реперные точки, которые могут лечь в основу системной работы по поиску путей выхода из кризисного состояния высшего образования.

Н.В. ЛЕВЧЕНКО

ЛЕВЧЕНКО Наталья Валерьевна, к. социол. н., науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (nataya_levchenk@mail.ru).

PERSONNEL PROBLEMS OF MODERN HIGHER EDUCATION

DOI: 10.31857/S0132162524030146

Natalya V. LEVCHENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (nataya_levchenk@mail.ru).

© 2024 г.

НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Международная научно-практическая конференция «Наука и высшее образование в XXI веке: системные и институциональные изменения» состоялась в Иркутском государственном университете (ИГУ) 15–16 декабря 2023 г. В ее работе приняли участие ученые и практики из Минска, Москвы и Санкт-Петербурга, городов Сибири, Дальнего Востока, Урала и др. Ими были рассмотрены актуальные проблемы и новые векторы развития науки и высшего образования в условиях системных и институциональных вызовов.

Работа конференции началась вступительным словом проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, ОП ИО, Иркутск), которая отметила, что направления обсуждений на конференции были заданы современными векторами развития науки и высшего образования: возрастанием роли государства и общества в регулировании высшего образования и науки в периоды угроз национальной безопасности, необходимостью конструирования пространств новых возможностей и определения направлений развития социальных институтов в долгосрочной и среднесрочной перспективах.

И.А. Журавлева (ИГУ, Иркутск) подчеркнула важность исследовательских усилий, необходимых для понимания желаемой архитектуры и смыслов высшего образования, востребованного обществом. Ректор ИГУ, проф. **А.Ф. Шмидт** обозначил, что индустриальные и научные революции, технологические прорывы и ориентиры на них, цифровые трансформации и др. – не могли не способствовать углублению дифференциации образовательных возможностей в высшем образовании, социальной поляризации высшего и среднего профессионального образования. Приветствия в адрес конференции прозвучали также от председателя ОП ИО, директора ИГМАПО, проф. **В.В. Шпраха**, руководителя Иркутскстата **И.В. Ивановой**, зам. министра по молодежной политике Иркутской области **И.Н. Иванова**.

Открыла пленарное заседание **С.И. Березовская** (Управление ФС гос. статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва) докладом об опыте взаимодействия Красноярскстата с опорными вузами региона в аспекте практикоориентированности и кадровой политики. Подчеркнута необходимость проведения мероприятий по популяризации статистики среди студентов вузов, предоставления им статистического и методического материала, информирования студентов о методиках формирования статистических показателей, «понятной статистике», энциклопедии статистических терминов.

Проф. **Г.А. Ключарев** (ФНИСЦ РАН) в докладе «О перспективах дистанционного и онлайн-обучения в высшей школе в свете Постановления Правительства № 1678 от 11.10.2023» отметил, что в постановлении, вступающем в силу с сентября 2024 г., разрешено проводить аттестацию дистанционно по биометрии. Докладчик подчеркнул, что речь идет о непрерывном образовании, основанном на цифровых технологиях. Это качественно новое состояние искусственной социальности, в которой посредником выступает нейросеть. На гиперкомпьютерах многие количественные процессы в социологии изменятся. В современных университетах студенты имеют доступ к внутренней университетской сети, где могут отрабатывать учебные модули в режиме онлайн. На этих компьютерах в нейросетях происходит симуляция профессиональной деятельности, в процессе которой программа может диагностировать успешность будущего специалиста. Компьютерное обучение должно существенно сократить аудиторную нагрузку. Развитие дистанционных технологий – это новые возможности и векторы развития России.

Н.К. Габдрахманов (НИУ ВШЭ) представил доклад «Обратная сторона доступности высшего образования», в котором отметил, что охват молодежи системой высшего образования выступает как инструмент, который способствует удержанию молодежи

на местах. Также им были обозначены векторы и тренды развития высшего образования: рост доступности высшего образования, который в ряде регионов тем не менее не остановил процесс – молодежь продолжает из них уезжать.

Последующие доклады представляли актуальные научные разработки и практико-ориентированные подходы в изучении системных и институциональных изменений в развитии науки и высшего образования. Так, в докладе **Ж.Т. Тумурова** (ОП Забайкальского края, ЗГУ) показано изменение приоритетов высшей школы Забайкальского края в рамках реализации национального проекта «Наука и университеты» и влияние научных кадров на эффективное социально-экономическое развитие субъекта Федерации.

В выступлении **С.П. Какаулина** (МЭРИП ИО, ИГУ) были затронуты вопросы формирования современных трендов в кадровой политике, выделены основные направления реализации государственной политики в области обеспечения кадров промышленных предприятий. Подчеркнуто, что внедряемая Министерством образования «Карьерная карта», призвана мотивировать к профессии и должна работать в комплексе с ЕГЭ.

В докладе «Специфика перехода на новую модель высшего образования в России: приоритеты и проблемы» проф. **Л.В. Темновой** (МГУ им. М.В. Ломоносова) представлен анализ основных аспектов обновления уровневой системы высшего образования, анонсируемой как замена Болонской системы. Отмечено, что новый подход предоставляет студенту возможность выбирать направление подготовки не на этапе поступления в вуз, а с третьего года обучения («отложенный выбор»), что открывает перспективы для осмысленного профессионального выбора и более гибкого встраивания выпускников в рынок труда за счет широкой образовательной базы.

М.Ю. Семёнов (ТюмГУ) в докладе «Взаимодействие вуза и органов региональной власти в процессе реализации проектов трансформации: взгляд со стороны университета» на основе результатов анкетного опроса сотрудников университетов, имеющих опыт реализации стратегических проектов развития, приходит к выводу, что, с одной стороны, отмечается активное взаимодействие университетов и органов региональной власти в части реализации проектов трансформации. С другой – эффективная модель коммуникации университета с органами региональной власти при реализации этих проектов просматривается с трудом.

Н.А. Лебедева-Несевря (ПГНИУ) в докладе «Ментальное здоровье в фокусе междисциплинарных исследований: вызовы XXI века» подчеркнула актуальность изучения ментального здоровья населения, влияния на него геополитических контекстов, и основных причин ментальных расстройств. При решении проблем ментального здоровья были выявлены возрастные особенности в ориентации на профессиональную помощь психологов и психиатров. Уделено особое внимание ментальному здоровью студентов и доступности получения ими психологической помощи с целью сохранения психоэмоционального благополучия.

В.В. Зырянов (МГУ им. М.В. Ломоносова) актуализировал вопросы научного руководства в контексте современных задач высшей школы. При описании условий труда преподавателя акцентировано внимание на возрастающем уровне их занятости, процессе старения преподавательского корпуса, проблеме трудовой занятости студентов. Исходя из слабой регламентации научного руководства, выделены позитивные и негативные сценарии его осуществления.

Е.В. Матвеевой (Кузбасский ГАУ, Кемерово) были озвучены результаты исследования социальных сетей как медиаресурса по формированию ценностей молодежи аграрных вузов РФ. Сделан вывод, что социальные сети представляют собой наиболее значимый инструмент воздействия на мировоззрение молодежи в отличие от официальных сайтов, ориентированных на более возрастные группы и выполняющих роль важного ресурса организаций.

На пленарном заседании также были заслушаны доклады: проф. **Н.Л. Антоновой** (УрФУ, Екатеринбург); **Е.Г. Сигачевой** (Иркутск); проф. **В.Ф. Пугач** (МИСИС, Москва);

проф. **М.А. Вахтиной** (Университет «МИР»; Самара); **Т.С. Крупской** (ИГМУ, Иркутск); проф. **Я.А. Лещенко** (ВСИМЭИ, Ангарск); **Ю.В. Мананниковой** (ИРР ПО, Пенза); **А.Е. Яблонской** (БГТУ им. В.Г. Шухова, Белгород); проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, Иркутск); проф. **Н.Л. Смакотиной** (МГУ, Москва); чл.-корр. НАН Беларуси **А.Н. Данилова** (БГУ, Минск); проф. **Л.И. Найденовой** и **Е.В. Щаниной** (ПГУ, Пенза); проф. **А.А. Зеленина** и **С.Н. Чирун** (КемГУ, Кемерово); **Н.Н. Морозовой** (Институт экономики НАН Беларуси, Минск).

Конференция продолжилась работой объединенной секции «Наука и университеты в России: проблемы, приоритеты и перспективы развития» и молодежной секции «Высшая школа и рынок труда в России и мире в цифровую эпоху: социологические взгляды и интерпретации студенческой молодежи».

Интерес участников объединенной секции был сфокусирован на особенностях реализации национального проекта «Наука и университеты» в России, роли человеческого капитала в развитии регионов, формировании карьерных ценностей молодежи в сфере науки и высшего образования (проф. **А.Е. Смирнов** (ИЮИ (ф) УП РФ); **Т.В. Амосова** (ИЮИ (ф) УП РФ); **О.М. Хохлова** (ИГУ); **А.К. Рожкова** (ИРО ООД «ВСД “Русский Лад”»); **Ю.А. Давыденко** (ИГУ) и др.).

В работе молодежной секции приняли участие студенты и аспиранты российских вузов (ИГУ, БГТУ им. В.Г. Шухова, СПбПУ, КемГУ, УрФУ, СибГМУ и др.).

Подводя итоги, проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ) отметила, что на всех этапах конференции прослеживался интерес к факторам «переходов» на новые модели образования. В этих условиях снова встал вопрос о доступности качественного высшего образования. Обсуждение позволило сделать вывод, что быстрое внедрение цифровых технологий в образование отражается на планах, ожиданиях и компетенциях всех участников образовательного процесса.

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Н.А. САБЛИНА

ГРАБЕЛЬНЫХ Татьяна Ивановна, д. социол. наук, проф. (tagr@bk.ru); САБЛИНА Наталья Александровна, к. социол. н. (nsablina@bk.ru). Обе – Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

NEW VECTORS FOR THE DEVELOPMENT OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION IN THE XXI CENTURY

DOI: 10.31857/S0132162524030159

Tatyana I. GRABELNYKH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (tagr@bk.ru); Natalya A. SABLINA, Cand. Sci. (Sociol.) (nsablina@bk.ru). Both – Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2024 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

В ПОИСКАХ НОВОГО СРЕДНЕГО КЛАССА: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОНЦЕПЦИЮ ОБЩЕСТВА СИНГУЛЯРНОСТЕЙ АНДРЕАСА РЕКВИЦА

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmityriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается концепция «общества сингулярностей» Андреаса Реквица. Согласно немецкому социологу, в постиндустриальном обществе позднего модерна «логика общего» уступает «логике индивидуального» – сингулярного: наибольшую ценность имеют не массовые товары и услуги, а те, что обладают неповторимой культурной и символической ценностью. По убеждению Реквица, триумф сингулярного спровоцировал кризис либеральной демократии и веры в прогресс. Преуспевшие в «сингулярную» эпоху представители высокообразованного «нового среднего класса» больше всего ценят творческий индивидуализм, стремятся к самореализации, открытости и культурному разнообразию, что хорошо сочеталось с неолиберализмом и глобализацией, которые, в свою очередь, способствовали росту социально-экономического неравенства и нарастанию культурных противоречий. Соответственно, Реквиц стремится указать на проблему чрезмерной «партикуляризации» общества и утраты «общего». Тем не менее есть основания считать, что сам Реквиц недооценивает проблемы, о которых пишет, и переоценивает положительные стороны «сингуляризации». В статье показано, что представления Реквица об «обществе индивидуальностей», «новом среднем классе» и меритократическом характере новых элит крайне спорны. В наиболее «сингулярных» (креативных, связанных с индивидуальным творчеством) областях деятельности средний класс крайне малочислен, а в современных западных странах доминирующую культурную и политическую позицию занимают не умнейшие меритократы, а те, кто способен привлекать внимание самых широких масс и соответствовать их чаяниям.

Ключевые слова: общество сингулярностей • индивидуализм • поздний модерн • средний класс • неолиберализм • меритократия • посткапитализм • социальное неравенство

DOI: 10.31857/S0132162524030163

Введение. Человечество относительно долгое время находится в состоянии затяжного «конца конца» истории. Великая рецессия 2008 г. стала в каком-то смысле переломным моментом. Ведущие исследователи и комментаторы после нее все чаще писали о «кризисе либерализма» и даже о кризисе капитализма как такового. Веру в либеральную демократию пошатнули события вроде победы на выборах президента США Д. Трампа в 2016 г. или Брекзита (т.н. «популистская волна»). Один из примечательных диагнозов нашему времени представил Андреас Реквиц – немецкий социолог, профессор общей и культурной социологии Берлинского университета имени Гумбольдта, ведущий

социальный и культурный теоретик современной Германии, широко известный своими исследованиями новых форм субъективности, креативности и сингулярности¹. Его концепция общества сингулярностей мало освещалась в российской и мировой социологии, хотя стала предметом активного обсуждения среди немецких коллег, а за свои заслуги в социологическом просвещении в 2019 г. Реквиц получил главную научную награду Германии – премию Немецкого исследовательского сообщества имени Лейбница.

Концепция Реквица примечательна не только как оригинальный «диагноз нашего времени». Реквиц говорит о многих социальных проблемах современности (точнее – «позднего модерна») как *реалист*. В его теоретических построениях постиндустриальное общество, в котором, казалось бы, базовые потребности почти каждого удовлетворены (где каждый сыт и обеспечен основными материальными благами), сталкивается с новыми фундаментальными противоречиями. Их сложно представить, апеллируя к такому общему понятию, как капитализм, или анализируя с привычных «левых» или «правых» политических позиций. Речь ведется об общественных проблемах, требующих принципиально новых решений, выходящих за рамки социал-демократической ностальгии по золотым временам индустриального эгалитаризма. Но несмотря на то что Реквиц пытается позиционировать себя в качестве социального критика, то есть стремится вскрыть основную болезнь современного общества и подобрать подходящую терапию, его концепции свойственна некоторая односторонность, недооценка негативных черт описываемых явлений и переоценка позитивных. Иными словами, критикуя чрезмерную «сингулярность» сего дня, он волею-неволею остается идеологом «общества сингулярностей».

Поздний модерн и общество сингулярностей. Основной вопрос, которым задается А. Реквиц, звучит следующим образом: почему западные демократические институты переживают кризис? Ответ немецкий социолог пытается найти в глубоких социальных изменениях, связанных с переходом от индустриального общества к т.н. «позднему» модерну.

Модерн как таковой, по Реквицу, характеризуется постоянным противоречием между «логикой общего» и «логикой единичного» или «сингулярного». Буржуазный модерн XVIII и XIX вв. был первой версией классического модерна, вытеснившей традиционное феодальное и аристократическое общество в Европе и Северной Америке. «Логика общего» в буржуазном модерне выражалась в рационализации, распространении знаний, возникновении межрегиональных рынков товаров и капиталистических производственных структур, в постепенном распространении права, демократизации, урбанизации и прочих подобных явлениях. Данной логике оппонировал романтизм, подчеркивавший радикальную сингулярность людей, вещей, мест, событий и сообществ. В то же время романтические практики и дискурсы сформировали эмоциональный центр раннего Нового времени [Reckwitz, Rosa, 2023: 60]. В XX в. вплоть до примерно 1970 г. имел место «организованный» или *индустриальный модерн*, в рамках которого «логика общего» была доминирующей: в экономике преобладало создание функциональных, стандартизированных вещей, в социальной структуре наблюдался относительный эгалитаризм, а люди стремились быть гармоничной частью тех или иных коллективов (рабочих, партийных и т.д.). «Сингулярное» обитало преимущественно в сферах искусства, моды, в аудиовизуальных СМИ, однако культурализация мира товаров ограничивалась.

Сегодня же мы живем в постиндустриальную, постфордистскую, *сингулярную* эпоху позднего модерна. Индустриальное производство выполнило свою основную роль, базовые потребности людей были удовлетворены, а сами они стали больше задумываться о своей индивидуальности и неповторимости. Соответственно, в экономике начинает преобладать нематериальное производство знаний и культурных образов, которое также зависит от индивидуальных особенностей и творческого потенциала *отдельных личностей*. «Происходит, – пишет Реквиц, – преобразование структуры капиталистической экономики. По сути,

¹ Отметим одну из рецензий на книгу Реквица «Конец иллюзий», опубликованную в журнале «Социологическое обозрение» [Сувалко, 2021].

она превратилась из индустриальной экономики в экономику знаний и культуры – экономику сингулярностей, ядро которой образует креативная экономика. Одновременно с этим происходит техническая революция, обусловленная цифровизацией, которая впервые в истории позволила создать инфраструктуру, дающую возможность производить сингулярности и культурные продукты систематически и в беспрецедентных масштабах» [Реквиц, 2022: 84²]. В итоге социальная реальность *сингуляризируется* – «логика особенного» начинает преобладать повсеместно: от производства «уникальных» товаров до «уникальных городов» или «уникальных мест», обеспечивающих «уникальный» опыт для туристов.

Что может быть не так с «обществом сингулярностей»? А. Реквиц обращает внимание сразу на несколько «болевых точек». Во-первых, в постиндустриальной экономике формируется *новый средний класс*, становящийся «культурно доминирующим». Его представители имеют высокий культурный капитал – работают в сфере экономики знаний и культуры: «новый средний класс является <...> слоем людей с высшим образованием, то есть представляет собой высокообразованный средний класс» (с. 218). Это не такая большая прослойка, как стремительно сокращающийся *старый средний класс*, представители которого не располагают соответствующими навыками, недостаточно мобильны или креативны, то есть держатся за устаревшие институты индустриальной эпохи. Более того, расширяется прослойка *нового низшего класса*, состоящая из преимущественно прекарных работников, тех, кто выполняет рутинную, низкоквалифицированную работу: простых работников сферы услуг, представителей полуквалифицированных рабочих профессий, работников с нестабильной занятостью, безработных и получателей социальной помощи (то есть в строгом смысле социально исключенных), которые в настоящее время составляют также около одной трети населения западной части мира» (с. 222). Есть еще «новый высший класс» – «1%», состоящий из наиболее преуспевших в своих областях деятельности сверхбогатых и сверхвлиятельных людей. Иными словами, исчезает «общество равных», а на смену ему вновь приходит «общество неравных».

Во-вторых, представители нового «среднего класса» обычно исповедуют леволиберальные ценности открытости, терпимости, принятия культурного, сексуального, расового и пр. разнообразия, они космополитичны (здесь Реквиц ссылается на идею о социальных прослойках «живущих где-то» (somewheres) и «живущих везде» (anywheres) Д. Гудхарта [Goodhart, 2017]). На их фоне представители старого среднего класса выглядят архаичными и патриархальными, «отсталыми», а также забытыми. Забываются и их экономические проблемы, т.к. политику все больше определяют представители *образованного городского класса*. Для этого нового среднего класса глобализированная креативная «сингулярная» экономика является комфортной средой для воплощения главной мечты эпохи позднего модерна – *саморазвития и самореализации*. Поэтому трендовой становится политика, объединяющая леволиберальные ценности с неолиберальной экономикой («дифференциальный либерализм»). Рост нового среднего класса во многих местах привел к созданию новых партий, представляющих его ценности: «В Германии такие ценности наиболее ярко выражены Партией зеленых. Во Франции партия Эммануэля Макрона стала новой партией городского образованного класса; почти как учебник, он воплощает двойной набор ценностей прогрессивного либерализма и неолиберализма» [Reckwitz, 2021: 69]. Неолиберальная дерегуляция экономики и «гиперкультура» неизбежно вызывают *негативную* «ответную реакцию» как со стороны «забытых» или «культурно бесценных» социальных прослоек, так и со стороны своеобразных *необщностей* (здесь отсылка к концепту *Gemeinschaft*'а [Тённис, 2002]). Подобного рода «необщности» тоже, по мнению Реквица, отражают тенденцию к сингуляризации, но только это уже «культурно эссенциалистская» сингулярность различных сообществ (например, этнических или религиозных) (с. 334–338).

² Далее цитирования этой книги будут с указанием страниц в круглых скобках.

В-третьих, даже относительно преуспевшие в новых реалиях представители «нового среднего класса» попадают в своеобразные «поля напряжения в образе жизни». Креативный труд является конкурентным. В нем тоже есть победители и проигравшие. Реквиц подчеркивает важную вещь: если в современных экономических благах наиболее важна культурная составляющая, то и культура становится экономизированной (или маркетизированной). Более того, экономика переживает «культурализацию» (здесь Реквиц следует за мыслью Ф. Джеймсона [Jameson, 1991]). Растут т.н. рынки сингулярностей, «где объекты, субъекты, места и события, а в некоторых случаях даже коллективы конкурируют за то, чтобы быть признанными и оцененными как товары с уникальной культурной ценностью» (с. 85).

При этом на рынках сингулярностей наблюдается «поляризация товаров»: небольшое количество товаров привлекает максимальное внимание, остальные – нет. Для Реквица сферы искусства и популярной культуры являются своеобразными «образцами» или ориентирами при описании экономики сингулярностей. Как в искусстве и популярной культуре есть «суперзвезды», так и товары (фирмы, города, события и т.д.) с большой культурной составляющей поляризуются по своей способности быть привлекательными и притягивать внимание. Тем более в культурных индустриях никогда не бывает дефицита – культурные блага всегда «перепроизводятся». Поэтому внимание является новым дефицитным ресурсом: «эффект шумихи позволяет объяснить асимметричное распределение внимания. Те немногие культурные продукты, которые вообще становятся заметными в море перепроизводства и действуют аффектирующе, могут стремительно перетянуть внимание на себя. В некотором смысле происходит потенцирование позитивного аффекта, своего рода массовое притяжение, эффект Матфея, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Единородный обратив на себя внимание, продукт будет притягивать его и далее; если какой-то клип на YouTube собрал 500 000 просмотров, то получить следующие 500 000 для него не проблема» (с. 130). Стало быть, в такой конкурентной среде даже те, кто не относится к «проигравшим» – старому среднему классу и к новому низшему классу – подвержены многим стрессовым факторам, среди которых выгорание на работе или те или иные неудачи. Более того, всеобщая погоня за успехом может обернуться «неудовлетворенностью от самореализации»: реальная деятельность, ориентированная на рынок, может противоречить внутренней мотивации творческих деятелей, субъективные ожидания не всегда оправдывают себя. Как отмечает Реквиц, опыт разочарования усугубляется осязаемостью чужого успеха, о котором мы узнаем из освещения жизни знаменитостей в СМИ, через посты о частных поездках и событиях в социальных сетях, через демонстративное потребление в метрополисах и на курортах, через поляризацию на городском рынке недвижимости и т.п., поскольку человек чувствует, что он не в состоянии конкурировать с более успешными людьми или что безвозвратно упустил какие-то возможности» (с. 275).

Такова вкратце основная суть концепта «общества сингулярностей». Противоречия этого общества, на которые указывает Реквиц, должны объяснять кризис либеральной демократии и веры в прогресс (даже относительно немногочисленные «победившие» подвержены стрессу и выгоранию). Однако вполне ли верен диагноз Реквица и подбирает ли он подходящие и бесспорные лекарства для лечения соответствующих общественных недугов? Для того чтобы ответить на данный вопрос, мы займем по отношению к концепции немецкого социолога критическую позицию.

Сингулярности, новый средний класс, меритократия? Прежде всего можно отметить, что многое, о чем пишет Реквиц, не является его собственными идеями. О постиндустриальном обществе и постфордизме пишут очень давно. К примеру, «индустриальный модерн» Реквица идейно повторяет концепт «Второй волны» (развития человечества) Э. Тоффлера. Много совпадений и между «поздним модерном» Реквица и «Третьей волной» американского футуролога. Последний еще в 1980 г. отмечал, что «Третья волна» будет характеризоваться демассификацией производства и общества как такового. «Мы требуем, – пишет Э. Тоффлер, – чтобы нас считали личностями и относились к нам как к личностям, и это происходит именно в то время, когда новая производственная система

больше всего нуждается в индивидуальностях. Помимо оказания нам помощи в кристаллизации чисто личностных качеств, новые средства коммуникации Третьей волны превращают нас в производителей – или, скорее, в производителей-потребителей – наших собственных образов себя» [Тоффлер, 2004: 615] (к слову, из трех своих последних книг Реквиц упоминает Тоффлера лишь в «Обществе сингулярностей» – только в сноске, ссылаясь на концепт просьюмера, и без ссылки на первоисточник).

Сингулярности? Принципиально нов в теоретических построениях Реквица именно концепт сингулярности, означающий «особенное» – «социокультурно сформированную уникальность» (с. 43). По мнению немецкого социолога, данный концепт более универсален, чем «индивид», т.к. сингулярными могут быть не только люди, но и товары, места, события и т.д. Разумеется, Реквиц, не идеализирует тенденцию к сингуляризации. Напротив, он отмечает, что одна из причин современного кризиса либеральной демократии и веры в прогресс – это нарастающая атомизированность общества – «кризис общего», о чем он и говорит в заключении «Общества сингулярностей» (с. 345–356). Однако все же есть основания считать, что «сингулярности» – не лучшая центральная метафора для описания «логики» современного общества. Данное слово буквально отсылает к индивидуальности как настоящей *неповторимости*. Идеологически оно как бы «обеляет» современность: да, «общее» распадается, но зато люди стремятся найти себя, стать *неповторимыми личностями*. То есть, несмотря на изъяны, сингуляризация имеет положительные стороны. Вопрос только в том, насколько наблюдаемые «сингулярности» реально сингулярны. Более того, можно задуматься и над тем, способствует ли современная цифровая эпоха тому, чтобы доля «общего» снижалась в угоду «единичному».

На наш взгляд, Реквиц недооценивает культурную значимость товаров индустриальной эпохи, сводя их к *функциональным* массовым продуктам. Однако было бы странно считать их исключительно культурно «безликими». Многие блага индустриальной эпохи были в каком-то смысле «сингулярными», так как отражали специфические образы жизни, своеобразные культурные смыслы, были символами эпохи, причем зачастую отдельных сообществ или наций – от квартир-хрущевок до супов Campbell или пригородных домов с ровно подстриженным газоном. Изменилось ли сегодня что-то принципиально? Да, можно сказать, что товары вроде красивого iPhone яркого цвета под тон хорошо подобранной модной одежды «подчеркивают уникальность личности», но никогда прежде не было настолько массовых товаров, как тот же iPhone, которым пользуются во всем мире сотни миллионов людей. Никогда прежде не было поп-звезд уровня Тейлор Свифт, на которую только в одной из соцсетей подписано 300 млн человек. В итоге в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с *иллюзорными (имитационными) индивидуальностями*, фактически являющимися частью масс, причем более масштабных, чем в индустриальную эпоху. Технологии позволили «кастомизировать» производство, но они также позволили его расширить в глобальных масштабах. Цифровые технологии к тому же позволяют стирать культурные различия, разрушая всякие границы и создавая одну «макдональдизированную» [Ритцер, 2011] или даже «киберпанковую» реальность, где истинная сингулярность практически неотличима от беспрепятственно и беспредельно тиражируемых «сверхмассовых» культурных кодов и образов. Поэтому, на наш взгляд, не стоит говорить о современном обществе как «обществе сингулярностей». Скорее, это «персоналистическое» общество, в котором личности «производятся» не менее массово, чем товары в индустриальную эпоху. Может быть так, что на единицы по-настоящему неповторимых людей будут приходиться многие миллионы тех, кто ничем по факту кроме своего громко произнесенного «Я!» не выделяется на фоне всех остальных.

Средний класс? А. Реквиц, как мы отметили, пишет о новом среднем классе. Да, он делает ряд оговорок о том, что вероятно дальнейшее возрастание дистанции между новым средним классом и новым низшим классом из-за цифровизации. Однако он все же возлагает надежду на то, что рано или поздно «новый средний класс» пополнится представителями низших страт: «прогнозируемая нехватка рабочей силы (из-за снижения

рождаемости) может сделать многие рабочие места, выполняемые классом обслуживания и традиционным средним классом, более ценными, чем это было раньше. Это приведет не только к материальной выгоде, но и к повышению престижа. Подобному развитию может также способствовать соответствующий сдвиг парадигмы в национальной политике с целью “депрекаризации” низшего класса и – в качестве ответа на правый популизм – создания баланса между космополитами нового среднего класса и коммунитаризмом старого среднего класса» [Reckwitz, 2021: 71]. Короче говоря, средний класс вновь станет тем самым *средним классом*, выполняющим свою идеологическую функцию затушевывания классового антагонизма.

Для марксистских теоретиков такая логика выглядит сомнительной. Для марксизма класс – это не просто отнесенность к группе с определенным уровнем доходов. Это всегда вопрос доступа к соответствующим возможностям, к тому, что дает те или иные преимущества. Как отмечает Х. Вайс, мы никогда не были средним классом, а «утверждение о принадлежности к среднему классу означает отказ от представления, что наши шансы на жизненный успех могут быть сформированы чем-либо иным, помимо наших собственных желаний, способностей, а главное, усилий» [Вайс, 2021: 36]. В этом смысле примечательно, что Реквиц очень мало говорит о структурных причинах неравенства. Зато он много пишет о том, почему представители нового низшего класса проиграли, причем так, будто бы изначально шансы на верный выбор стратегии был примерно одинаков у всех: «В образе жизни низшего класса, кажется, совершенно отсутствуют признаки достойной жизни, он олицетворяет собой полный набор качеств недостойного – от питания до воспитания и политики» (с. 286).

Есть и более важная причина считать концепт нового среднего класса не вполне удачным. Реквиц попросту непоследователен. Если сущностная основа нового общества – это процессы сингуляризации, то и классовая структура должна детерминироваться этими процессами. Но вместо этого Реквиц, на наш взгляд, идет по простому пути, беря за основу уже давно известную детерминанту роста социально-экономического неравенства – *уровень образования*. Это вызывает концептуальный диссонанс. Дело в том, что успешное освоение академических образовательных программ не равносильно спонтанному креативному успеху или способности привлекать внимание в силу своей индивидуальности. Появление образованного класса было обусловлено вовсе не «сингулярностями», а целенаправленной политикой государств, активно вкладывавшихся в среднее и высшее образование. В любом случае получить хорошее образование вполне можно путем исключительно усердия и трудолюбия. Если эти усердие и трудолюбие объединить с хорошими финансовыми возможностями или социальными связями (например, богатых родителей), то успех практически гарантирован. Само по себе высшее образование еще несет на себе печать «индустриальной эпохи», так как диплом как-никак – это стандартный «товар», имеющий конкретную, «типичную» ценность. К тому же труд представителей «образованного класса» очень разнится в зависимости от того, насколько он креативен и подразумевает наличие или отсутствие сугубо индивидуальных («сингулярных») качеств. К примеру, высококвалифицированные инженеры могут изобретать что-то принципиально новое сугубо индивидуально, а могут быть исполнителями, решающими в рамках больших коллективов вполне конкретные задачи под уже заданные требования.

Далее, мы находим многочисленные «аномалии» и нестыковки. Так, Реквиц, как мы отметили, относит к «новому низшему классу» прекариев и людей, занятых рутинным, низкоквалифицированным трудом. Однако сегодня огромная доля прекариев – это именно высокообразованные люди. Так, в корпорации Google работает больше фрилансеров, чем постоянно занятых (54 против 46%)³. В целом IT-сектор сегодня все чаще привлекает

³ Elad B. Freelancing Statistics – By Wages, Demographic, Market Share, Earning, Trends // EnterpriseAppsToday. 2023. September 12. URL: <https://www.enterpriseappstoday.com/stats/freelancing-statistics.html> (дата обращения: 04.02.2024).

временных «сотрудников по требованию»⁴. Для корпоративных менеджеров это хороший способ сэкономить на страховых взносах и прочих выплатах, которые обычно имеют место в случае с «постоянным» наймом. Нельзя сказать, что все высококвалифицированные прекарно занятые зарабатывают мало или недовольны своим статусом. В большом количестве случаев их умонастроение соответствует «новому духу капитализма» [Болтански, Кьяпелло, 2011], отдающему приоритет «автономии», возможности самостоятельно выбирать рабочее время и т.д. Однако такая «иллюзия свободы» обычно оборачивается отсутствием каких-либо гарантий, неуверенностью в завтрашнем дне, выгоранием, а также растущей конкуренцией на рынке прекарного труда с не менее высококвалифицированными работниками за рубежом (скажем, в Индии). И такая не совсем идеальная ситуация складывается именно в IT, где имеется большой спрос на кадры. В других областях высшее образование уже давно не является билетом, гарантирующим стабильное место в «среднем классе». Американская журналистка С. Джаффе в книге «Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь» отмечает, что в США растет доля «внештатных» университетских преподавателей: «на вершине оказалась небольшая группа звездных ученых, а внизу – многочисленный академический пролетариат, состоящий из преподавателей <...>, которые хватаются за любую работу, чтобы свести концы с концами» [Джаффе, 2023: 323]. Сотрудники некоммерческих организаций или стажеры (также интерны) тоже все чаще эксплуатируются как люди, работающие за идею, ради навыка («труд надежды») и т.д. О подобных примерах и тенденциях можно говорить очень долго. Разговоры о невостребованных на российском рынке труда «юристах» и «экономистах» уже давно стали притчей во языцех. В России сегодня обычным делом являются случаи, когда работники с несколькими высшими образованиями зарабатывают в разы меньше, чем слесари-монтажники.

Собственно говоря, чем больше та или иная работа связана с «сингулярностями», то есть с творческими способностями отдельных индивидов, борющихся за привлечение внимания, тем меньше оснований говорить о наличии «среднего класса» внутри отдельной профессиональной категории. Как мы уже отметили, Реквиц берет за ориентир сферы искусства и популярной культуры. Он признает, что данные сферы характеризуются сильным неравенством: «количественные эмпирические исследования многократно демонстрировали, что совершенно независимо от того, о каком культурном продукте идет речь, результатом будет так называемое вероятностное распределение Парето: 20% предложений оттягивают на себя 80% спроса публики, а на остальные 80% предложений приходится 20% спроса, многие и вовсе не получают почти ничего» (с. 128).

Затем, правда, Реквиц страшется, ссылаясь на гипотезу о «длинном хвосте» К. Андерсена, согласно которой в цифровых пространствах будет появляться множество «нишевых» продуктов, имеющих скромный, но относительно стабильный спрос [Anderson, 2006]. Соответственно, логика такова: креативные сферы характеризуются «рынками, в которых победитель получает больше всех», но и здесь возможен «средний класс», располагающийся почти по всему «длинному хвосту» (с. 128). Но эмпирические данные говорят строго об обратном: если творческий продукт «сингулярен», то есть единичен, незаменим, исключителен, то он в случае успеха (везения, «попадания в волну» и т.д.) привлекает столь же *исключительное* внимание. В креативных сферах, победитель не просто «получает больше всех», он получает «почти все и даже больше», так как попутно перетягивает на себя внимание, не позволяя «пробиться» остальным (подобно капиталисту он располагает вниманием других как «средством производства» своей личности) [Давыдов, 2021]. Новые данные постоянно появляются и подтверждают данный тезис. К примеру, в марте 2023 г. был опубликован отчет об исследовании финансового конгломерата City

⁴ Molla R. Bosses want to pay you more but give you less // VOX. 2023. February 9. URL: <https://www.vox.com/recode/2023/2/9/23591549/tech-freelance-contract-independent-work-layoffs> (дата обращения: 04.02.2024).

об экономике креаторов на четырех платформах: YouTube, Twitch⁵, Patreon⁶ и Substack⁷. Согласно выводам данного исследования, экономика «творцов» отличается крайне высокой концентрацией богатства, а потому, если «средний класс» в ней и есть, то совсем небольшой⁸. На YouTube более 90% подписок приходится на менее чем 5% каналов. Примерно то же самое наблюдается на других платформах. Например, на платформе Twitch 90% вознаграждений получает 10% аккаунтов⁹. Причина такого расклада, на наш взгляд, относительно проста: чем больше производство отрывается от «материального», тем большее значение имеет «нематериальное», способное на молниеносное распространение и тиражирование. В итоге «потребители» выбирают только самые «лучшие», эксклюзивно-единичные блага, либо не обращая внимания на все остальные, либо рассматривая «неоригинальные» как не имеющие никакой ценности.

Таким образом, если последовательно придерживаться хода мысли А. Реквица, то можно обнаружить ее глубокую противоречивость. В чистом виде «сингулярная» экономика как экономика творческих индивидуальностей, созидающих эксклюзивные по своей новизне и востребованности блага, была бы, по сути, экономикой без среднего класса. И мы видим, что тенденция к «сингуляризации» означает больше проблем в том числе и для наиболее квалифицированных работников. Та социальная прослойка, которую Реквиц обозначает термином «новый средний класс», чувствует себя относительно комфортно скорее вопреки сингуляризации, нежели благодаря ей: там, где высокая квалификация сочетается со стабильным спросом на те или иные вполне типичные виды работ (лишь с небольшой долей «личных» особенностей), то есть где успех обуславливается больше усердием или высоким интеллектом (инженеры, менеджеры, врачи и т.д.).

Меритократия? Есть еще одна уязвимость концепции Реквица. Как мы уже увидели, он считает, что «новый средний класс» представляет собой именно образованный класс. То есть для него новые элиты, определяющие культурный и цивилизационный облик настоящего и будущего – меритократические: «ярко выраженный образовательный и культурный капитал, а также меритократическое сознание высокообразованного класса подчеркивают неполноценность низшего класса, а этически негативная культурализация “сверху” воспринимается социальным “низом” как самонадеянность» (с. 294). Здесь нужно иметь в виду следующее. Если новый дефицитный и ключевой ресурс сегодня – это внимание (Реквиц пишет об этом, но не развивает мысль дальше), то совсем не факт, что «культурно доминирующими» будут именно высокообразованные, «высококультурные» люди. И здесь есть смысл вернуться к пункту о сомнительности «сингуляризации»: сегодня все чаще наиболее влиятельными становятся именно те, кто «завладевает» вниманием

⁵ Видеостриминговый сервис, специализирующийся на тематике компьютерных игр, в том числе трансляциях геймплея и киберспортивных турниров.

⁶ Веб-сайт, на котором авторы творческих произведений (видео, фото, изображений, музыки) могут распространять свои работы по платной подписке или предоставлять дополнительный контент для своих подписчиков.

⁷ Substack предоставляет площадку для писателей, которые могут формировать и запускать собственные платные новостные рассылки.

⁸ В 2022 г. компания Linktree, которая занимается монетизацией онлайн-контента, обнаружила, что только 12% создателей на онлайн-платформах, работающих полный рабочий день, зарабатывают более \$50 000 в год (Linktree Creator Report Reveals Key Insights on Global Creator Economy // PR Newswire. 2022. 20 April. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/linktree-creator-report-reveals-key-insights-on-global-creator-economy-301529193.html> (дата обращения: 04.02.2024)). А отчет 2023 г. той же компании показал, что всего 2% авторов заработали более \$77 000 – «приемлемую заработную плату» (Whelan C. Linktree Creator Report 2023: Surprising real-life salary of influencers // News.com.au. 2023. September 30. URL: <https://www.news.com.au/technology/online/social/linktree-creator-report-2023-surprising-reallife-salary-of-influencers/news-story/4f82af129db6d8fdb714733bd22b18e9> (дата обращения: 04.02.2024)).

⁹ The Creator Economy. Getting Creative and Growing // City Group. 2023. March. URL: <https://ir.citi.com/gps/7PUfiT7fJPbIL%2FqPQla8YnPTu1opFVVW5Qb5fu0LPwjGLKt4p0HcsDxN87TOJ%2F6kA%2FbMcmTJTn8SF0dAlpoihg%3D%3D> (дата обращения: 04.02.2024).

огромных масс людей. И в подавляющем большинстве случаев – это не самые умные и не высокообразованные (большая доля среди них вообще детей или людей без высшего или даже среднего специального образования). Различные звезды шоу-бизнеса, спортсмены, рэперы, тиктокеры, псевдопсихологи, псевдоврачи и прочие «яркие личности» заполучают аудитории в миллионы человек, являются авторитетными «лидерами мнений» и оказывают сильное влияние на формирование ценностей и убеждений. В некоторых случаях эти «медийные популисты» становятся политиками или влиятельными политическими фигурами – от Р. Рейгана и А. Шварценеггера до тикток-блогерки Ч. Д’Амелио, активно поддерживавшей движение Black Lives Matter¹⁰. Особенности западной политики идентичности и все ее противоречия – от «культурных войн» и цензуры до абсурдных с точки зрения естественных наук представлений о том, что биологический пол не имеет особого значения по сравнению с «гендером» – тоже можно объяснить наибольшей влиятельностью вовсе не самых умных и квалифицированных (например, представителей естественных наук), а либо тех, кто напрямую «владеет вниманием» широких масс, либо тех, кто «влияет на влиятельных». В этом смысле все начинается с университетских городков, где на гуманитарных кафедрах преобладают сторонники отсылающих к постмодернизму «критических теорий», которые передают свою «картину мира» тем, кто формирует медийные повестки – журналистам, деятелям искусства, блогерам и т.д. [Давыдов, 2023]. Абсурдная ситуация, когда биологические женщины вынуждены соревноваться в спорте с биологическими мужчинами (трансгендерными женщинами), есть свидетельство торжества не наиболее умных и «сингулярных», а определенной влиятельной страты «популистских персон», диктующих всему миру свою «прогрессистскую» повестку.

Заключение. Концепция Андреаса Реквица примечательна тем, что он не ищет простых ответов на сложные вопросы. Причину кризиса современной либеральной демократии и утраты веры в прогресс стоит искать не путем обращения к таким общим категориям, как капитализм или неолиберализм. Неравенство и «культурные войны» современности порождаются не заговорами экономических или политических элит. Речь должна идти об очень глубоких, всеобъемлющих, затрагивающих все сферы жизни процессах. Концепцию Реквица можно рассматривать и как своего рода снятие идеалистических иллюзий с утопий постиндустриализма. Он также замечает ряд фундаментальных проблем, которые невозможно решать методами старой социал-демократии: «общество равных» эпохи индустриального модерна уже не вернуть, так как «сингулярная» экономика способствует появлению новых форм неравенства и дефицитных (ограниченных) ресурсов, обусловленных неравенством творческих способностей и распределением внимания.

Однако, на наш взгляд, Реквиц недооценил степень фундаментальности и драматичности происходящих изменений (он говорит лишь о некоем «позднем модерне», а не о совсем новом обществе). Поэтому его критическая рефлексия над происходящими событиями все еще проникнута надеждой, что все равно или поздно вернется «на круги своя» – к относительному балансу «сингулярного» и «общего». Не будучи марксистом, Реквиц не желает говорить о классовой борьбе, о радикальных противоречиях интересов представителей разных социальных страт. Судя по его логике, «новый средний класс» и «новый высший класс» восторжествовали в силу подходящего случая, а «проигрыш» всех остальных является «непреднамеренным» результатом технологических трансформаций. Представители «старого среднего класса» и «нового низшего класса», по его теории, возможно, сами виноваты в своем положении, так как выбрали неправильные жизненные стратегии, не оказались достаточно мобильными, образованными или «креативными».

Будущее, по мнению Реквица, все равно за сингуляризацией. Нужно лишь немного контролировать данный процесс, не забывать об «общем» (поддерживать общее

¹⁰ Cranley E. TikTok star Charli D’Amelio spoke out in support of George Floyd protests and the Black Lives Matter movement // Business Insider. 2020. May 31. URL: <https://www.businessinsider.com/charli-damelio-spoke-out-on-george-floyd-protests-blm-2020-5> (дата обращения: 04.02.2024).

«либеральное» символическое пространство), то есть перейти к т.н. «регуляторному либерализму». Но этот «регуляторный либерализм» в силу того, что сам Реквиц переоценивает преимущества «сингуляризации» и недооценивает связанные с ней проблемы, оказывается, по сути, лишь набором благих пожеланий с целью слегка сгладить новые противоречия. К примеру, он говорит следующее о том, как нужно относиться к представителям «нового низшего класса»: «Меритократическое понятие образования упускает из виду центральный факт: способность общества функционировать так же зависит от труда так называемых низкоквалифицированных работников, как и от труда высококвалифицированных работников, и общество в целом, вероятно, сломается, если “необразованным” работникам, выполняющим рутинную и тяжелую физическую работу, по-прежнему будет отказано в социальном признании, которого они заслуживают (не говоря уже о базовых гарантиях занятости и медицинском страховании) [Reckwitz, 2021: 164]. Заметим, что Реквиц пишет преимущественно о *символическом признании*, а не о реальном стремлении к равенству. Говоря о необходимости не допускать чрезмерной финансиализации социальной сферы, Реквиц выдвигает весьма спорный тезис: «решение проблемы не может заключаться в простом призыве к повышению уровня образования, поскольку это лишь воспроизведет нынешнее положение победителей и проигравших, особенно если все резервы талантов будут исчерпаны» [Ibid]. То есть, согласно Реквицу, существует только возможность некоего общего повышения уровня образования для всех с соблюдением имеющихся пропорций. Но почему бы не прикладывать радикально *больше* усилий именно для того, чтобы проигравших было минимальное количество, чтобы именно наиболее бедные имели равные реальные возможности для учебы и личностного развития, равные социальные гарантии? Возможно, для этого потребовались бы колоссальные трудовые усилия огромного числа учителей, преподавателей и всех тех, кто трудится в социально значимых сферах: врачи, социальные работники, психологи т.д. Примечательно, как труд представителей этих сфер нередко диссонирует с образом типичных «сингуляриев» Реквица, занятых исключительно «погоней за своей мечтой» и «самореализацией». Возможно, лучшее будущее отнюдь не только за «сингулярностями» (или вообще не за ними), а в большей степени за *общественно необходимым трудом*, который вполне может быть творческим, но при этом самоотверженным, коллективными, нацеленным на общее благо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
- Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: ВШЭ, 2021.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 3–13.
- Давыдов Д.А. Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // Антиномии. 2023. Т. 23. № 1. С. 51–89.
- Джаффе С. Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь. М.: Individuum, 2023.
- Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. М., Берлин: DirectMEDIA, 2022.
- Ритцер Д. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.
- Сувалко А. Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквица // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 305–322.
- Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет, СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.
- Anderson C. The Long Tail: Why the Future of Business is Selling Less of More. New York, N.Y.: Hyperion, 2006.
- Goodhart D. (2017) The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. London: Hurst.
- Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
- Reckwitz A. The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity. Cambridge: Polity, 2021.
- Reckwitz A., Rosa H. Late Modernity in Crisis: Why We Need a Theory of Society. Cambridge: Polity, 2023.

IN SEARCH OF A NEW MIDDLE CLASS: A CRITICAL LOOK AT THE CONCEPT OF THE SOCIETY OF SINGULARITIES BY ANDREAS RECKWITZ

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article examines the concept of the “society of singularities” by Andreas Reckwitz. According to the German sociologist, in the post-industrial society of late modernity, the “logic of the general” is inferior to the “logic of the individual” – the singular: the greatest value is not mass goods and services, but those that have unique cultural and symbolic value. Representatives of the highly educated “new middle class” who have succeeded in the “singularity” era value creative individualism most of all and strive for self-realization, openness and cultural diversity. This combines well with neoliberalism and globalization, which, in turn, contributed to growing socio-economic inequality and growing cultural contradictions. Accordingly, Reckwitz seeks to point out the problem of excessive “particularization” of society and the loss of the “generality”. Nevertheless, there is reason to believe that Reckwitz himself underestimates the problems he writes about and overestimates the positive aspects of “singularization”. The article shows that Reckwitz’s ideas about the “society of individuals”, the “new middle class” and the meritocratic nature of the new elites are extremely controversial. In the most “singular” (creative, associated with individual creativity) areas of activity, the middle class is extremely small, and in modern Western countries the dominant cultural and political position is occupied not by the smartest meritocrats, but by those who are able to attract the attention of the broadest masses and meet their aspirations.

Keywords: the society of singularities, individualism, late modernity, middle class, neoliberalism, meritocracy, post-capitalism, social inequality.

REFERENCES

- Anderson S. (2006) *The Long Tail: Why the Future of Business is Selling Less of More*. New York, N.Y.: Hyperion.
- Boltanski L., Chiapello E. (2011) *The New Spirit of Capitalism*. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2021) Post-capitalism and class transformation in modern society: from a liberating class to a new antagonism? *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023) When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism. *Antinomies*. No. 1: 51–89. (In Russ.)
- Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London: Hurst.
- Jaffe S. (2023) *Work Won't Love You Back: How Devotion to Our Jobs Keeps Us Exploited, Exhausted, and Alone*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Jameson F. (1991) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Reckwitz A. (2021) *The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity*. Cambridge: Polity.
- Reckwitz A. (2022) *The Society of Singularities*. Moscow, Berlin: DirectMEDIA. (In Russ.)
- Reckwitz A., Rosa H. (2023) *Late Modernity in Crisis: Why We Need a Theory of Society*. Cambridge: Polity.
- Ritzer D. (2011) *The McDonaldization of Society* 5. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Suvalko A. (2021) Farewell to Illusions: An Analysis of Late Modern Society by Andreas Reckwitz. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. № 1: 305–322. (In Russ.)
- Toffler A. (2004) *The Third Wave*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Tönnies F. (2002) *Community and Society*. Moscow: Fond Universitet, SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Weiss H. (2021) *We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)

Коротко о книгах

Фишман Л.Г. Неравенство равных. Концепция и феномен resentment. М.: ВШЭ, 2024. 272 с.

Прошло больше столетия с тех пор, как Фридрих Ницше и Макс Шелер заговорили о феномене resentment. Но существует ли он на самом деле? Какое отношение к современности имеет реальная и вымышленная классиками «аристократия», с позиций которой оспаривающие ее господство социальные группы обличаются в resentment? Может быть, правильнее вести речь не о resentment, а о специфической, обусловленной положением социальной позиции – о «взгляде, обнаруживающем resentment»? Если же resentment все-таки существует, то каким образом его современные многочисленные облики связаны с классическими описаниями? Не стал ли resentment неустранимой нормой современных обществ, и с чем это связано? Ответам на эти и другие вопросы посвящена данная монография, адресованная политологам, социологам, философам и всем интересующимся проблемами трансформации современных обществ.

Парамонова С.П. Теория развития общества З.И. Файнбурга (опыт современного прочтения). Пермь: ПГГПУ, 2024. 154 с.

Представлен анализ основных положений теории становящегося нового – коллективистского – общества, разработанной известным социологом и философом второй половины XX в., профессором Пермского политехнического института (ныне – Пермского национального исследовательского политехнического университета) Захаром Ильичом Файнбургом.

Анализ предпринимается в контексте синтеза основных структур общества. Сегодня, в отсутствие объединяющей обществу идеологии, как никогда, возникает запрос на определение направления движения к будущему нашего социума. Предвидеть направленность всемирного социально-исторического процесса в сторону коллективности дано не всем, тем более так, как это осуществил и целостно представил своими работами З.И. Файнбург. Общество на основе коллективности остается шансом выживания и безопасности для человечества, победой социального проекта над программами сегрегации «ненужных» масс, разрабатываемыми идеологами современного трансгуманизма.

Работа будет интересна преподавателям и студентам высшей школы, всем тем, кто размышляет над проблемами развития современного общества, возможных путей его будущей трансформации и функционирования.

Паин Э.А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: НЛО, 2023. 392 с.

Книга обобщает более чем 40-летние исследования и наблюдения автора как академического ученого, университетского преподавателя и советника Президента России по национальной политике (1996–1999). В ней три части. Первая часть («Теория») посвящена дискуссионным вопросам о сущности этнических и национальных явлений в их связи с политическими факторами. Здесь автор представляет свой подход к известным концепциям изучения этничности и нации, а также свои теоретические концепции, такие как «имперский синдром». Во второй части книги («История») представлен анализ радикальных колебаний этнонациональной политики в СССР и в современной России с позиций авторской концепции «этнополитического маятника». В третьей части («Практика управления») проанализированы ключевые концепции этнополитического управления в полиэтничных обществах и предложены некоторые корректировки современной российской «национальной политики» в свете парадигмы «управления культурным разнообразием».

Опарина Е.О. Концепт МИГРАЦИЯ как база для осознания и оценки миграционной практики в обществе и культуре: аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2023. 54 с.

В аналитическом обзоре рассматриваются способы и средства создания представлений о миграции и мигрантах в современном русском языке и русскоязычном сообществе. Для сопоставления привлекаются данные из других европейских языков – английского, немецкого и французского.

Главным объектом изучения являются языковые средства – лексические единицы, их сочетаемость и типичные контексты употребления, формирующие оценочное отношение к явлению миграции и к ее участникам. Анализируются также некоторые визуальные коды культуры (фильмы, изображения и фотографии в массмедиа, видеоролик), что помогает охарактеризовать концепт как полимодальный и включенный в культуру языковых сообщество.

Для широкого круга специалистов в области гуманитарных наук.

Государственное и муниципальное управление: демографические, управленческие и экономические ресурсы стратегического развития регионов России. М.: ООО “МАКС Пресс”, 2023. 256 с.

Научное издание представляют собой научно-исследовательские материалы, подготовленные в рамках реализации дополнительной профессиональной образовательной программы – программы профессиональной переподготовки «Региональное и муниципальное управление в субъекте Российской Федерации (Краснодарский край)» с присвоением квалификации «Master of Public Administration (MPA)» в Высшей школе государственного администрирования МГУ имени М.В. Ломоносова. В монографии рассматриваются механизмы повышения производительности труда в реальном секторе региональной экономики, комплексного развития инфраструктуры информационных технологий государственного управления в субъекте Российской Федерации, импортозамещения в стратегическом развитии агропромышленного комплекса, государственного управления комплексным развитием сельских территорий, социально-экономического развития территорий, устойчивого развития и благоустройства территории муниципального образования, реализации государственной политики в субъекте Российской Федерации по сохранению исторической памяти, реализации стратегических возможностей историко-культурного наследия в развитии региональной экономики, развития казачьего образования на Кубани, реализации физкультурных и массовых спортивных мероприятий в муниципальных образованиях, развития регионального рынка санаторно-курортной отрасли. Научное издание предназначается для органов государственного и муниципального управления в субъектах Российской Федерации, а также будет полезно студентам обучающимся по направлению подготовки 38.04.03 (бакалавриат) и 38.4.4 (магистратура) Государственное и муниципальное управление.

Рягузова Е.В. Я – другой: межличностное доверие и отвержение. М.: Перо, 2023. 161 с.

Монография посвящена феноменам межличностного доверия и отвержения, которые анализируются с позиций авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Определены смысловые контуры доверия, выступающего надежным основанием человеческого бытия, и осуществлена рефлексия межличностного доверия. Проанализированы теории и концепции межличностного отвержения как особого варианта отношений в диаде «Я – Другой», а также предложен подход, в рамках которого экстремизм позиционируется как явление нравственного порядка, связанное с тотальным недоверием личности к миру и Другим, разрушением базовых этических принципов, межличностным отвержением, дегуманизацией и легитимацией насилия в отношении инаковых Других.

Монография адресована специалистам в области психологии, социологии, политологии и других смежных областей. Научное издание может быть рекомендовано преподавателям вузов и студентам соответствующих специальностей и направлений обучения.

Подготовила Э.К. БИЙЖАНОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2023. Т. 29)

- № 4.** *Мартыненко А.Б.* Разработка инструментария для измерения эмоциональной составляющей волонтерской деятельности и его апробация; *Сизова И.Л., Орлова Н.С., Елагина Е.Д.* Компетентность работников в условиях социально-экономической неопределенности; *Амбарова П.А.* Целостность, структурность и функциональность повседневных практик научного наставничества как предмет микросоциологического анализа; *Солдникова О.Б., Малькова Е.Е.* Исследование удовлетворенности преподавателей своей работой: концептуальная рамка для России; *Русинова И.Л., Сафронов В.В.* Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье: значение культуры доверия между людьми; *Погосян Г.А.* Общие контуры национальной идентичности у современных армян; *Татарова Г.Г., Рогозин Д.М.* «Батыгин был глубоко мыслящим социальным философом, но мог спуститься на уровень эмпирической социологии» / интервью подготовил Д.М. Рогозин; *Малинкин А.Н.* Концепция социальной философии С.Л. Франка. Опыт сравнительного анализа: Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер; *Орлов С.Б., Чернышков Д.В.* Феномен советской заводской социологии (на примере города Бийска).

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2024. Т. 33)

- № 1.** *Паин Э.А.* Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России; *Марева С.В., Слободенюк Е.Д.* Сверхбогатые в России: состав и динамика группы; *Рощина Я.М., Кондратенко В.А.* «Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу, кто ты»: как изменилась взаимосвязь между социальным классом и типом потребления алкоголя в России; *Щербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С.* «Зеленые» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем; *Скалабан И.А., Алексеев Т.Д., Лаврусевич П.Е.* Социальные миры Караканского бора: перспективы сближения и императивы справедливости; *Васильева Е.Ю., Фролова Е.В., Рогач О.В.* Жилищный сертификат как способ решения «квартирного вопроса» детей-сирот; *Вольчик В.В., Пантеева С.А.* Совершенствование российской инновационной системы: совмещение модельного и нарративного подходов; *Куракин А.А., Нидерле Н.А.* Крестьянские идентичности в Бразилии и в России.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2023. Т. 26)

- № 4.** *Браславский Р.Г.* Метатеоретические основания цивилизационного анализа в современной социологии. *Козловский В.В.* Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие. *Вендина О.И., Гриценко А.А.* Калининградцы: «особый» социум и его жизненные принципы; *Ненашева М.В.* Социокультурный потенциал сельских районов Европейского Севера России: пример Архангельской области; *Летняков Д.Э., Шарова В.Л.* Город как полис: агонистические практики в городской среде; *Федотова Н.Г.* Лидеры коммеморации: культурная память города в эпоху цифровых технологий; *Космарская Н.П.* Роль социально-статусных различий в формировании отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы); *Карбаинов Н.И., Галиндабаева В.В.* Сквоттерские поселения («нахаловки») Улан-Удэ: стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов в городских условиях; *Макаревич С.В., Стрельникова А.В.* Каршеринг «с женским лицом»: есть ли гендерная специфика в использовании краткосрочной аренды автомобилей.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2023 Т. 22)

- № 4.** *Филиппов А.Ф., Кильдюшов О.В.* Политическая теология и международная справедливость (на англ.); *Попов Д.В.* Катехон: к вопросу о политико-теологических основаниях международной справедливости (на англ.); *Учаев Е.И.* Понятие катехона у Карла Шмитта: в поисках иного универсализма? (на англ.); *Борщ И.В.* Война и церковь от Вестфальского до Версальского мира у Карла Шмитта и Ойгена Розенштока-Хюсси (на англ.); *Марен М.* «Власть» в политической теологии: анализ суверенной диктатуры и различия

друга и врага у Карла Шмитта сквозь призму концепций Фридриха Й. Шеллинга и Зигмунда Фрейда (на англ.); *Балашов Д.В.* Теория глобальной справедливости Томаса Нагеля (на англ.); *Бордачев Т.В.* Русь – Новый Израиль: medium и message средневековой русской политической философии (на англ.); *Петрунин В.В.* Проблема международной справедливости в социальных доктринах православного христианства (на англ.).

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2023.Т. 14)

- № 4.** *Аксенова О.В.* Российское общество в условиях глобального политического противостояния: тенденции и концепции; *Бобков В.Н.* Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала; *Андреевкова А.В.* Отношение российской молодежи к идее безусловного базового дохода: понимание, мотивы, заблуждения; *Золотов А.В.* Еще раз об осуществимости универсального базового дохода; *Кислицына О.А.* Нужны ли нам бесплатные деньги? К полемике об универсальном базовом доходе; *Якоба И.А.* Конструируемые и реальные медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией; *Щенина О.Г.* «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования; *Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Ларина Т.И., Симонова М.А.* Об исследовании факторов восприятия фейковых новостей массовой аудиторией (кейс студенческой молодежи); *Бараш Р.Э., Петухов Р.В.* Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу»; *Седова Н.Н.* Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта; *Косыгина К.Е.* О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Волгоградской области); *Пантин В.И.* Основные факторы неравномерного развития российских регионов; *Широкалова Г.С.* Малые города: итоги борьбы двух позиций; *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей; *Зборовский Г.Е., Амбаров П.А.* Научно-педагогическое сообщество вузов России как объект мобилизации ресурсности; *Матвеева Н.А., Замятина О.Н., Машкевич А.С.* Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и барьеры, перспективы; *Позднякова М.Е., Брюно В.В.* Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики).

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2023)

- № 5.** *Ярская-Смирнова Е.Р., Рождественская Е.Ю., Абрамов Р.Н., Борзов С.П., Александрова М.Ю.* Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности; *Александрова М.Ю.* Возможности применения количественного анализа для оценки эффективности в социальной работе: кейс социальных технологий оказания социальной помощи семьям с детьми; *Обухов К.Н.* Роль социального капитала и дифференциации стратегий подотчетности в региональных социально ориентированных НКО; *Чернова Ж.В.* Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения; *Малошонок Н.Г.* Роль гендера и гендерных стереотипов в восприятии учебной нагрузки и вовлеченности студентов математических и инженерных направлений подготовки; *Афанасьева Ю.А., Соколов Б.О., Широконова А.А.* Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе»; Мониторинг мнений: сентябрь – октябрь 2023; *Волошенко К.Ю., Фидра Е.С., Лялина А.В., Фарафонова Ю.Ю., Новикова А.А.* Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из регионов России; *Поляков С.И., Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В.* Модель адаптации мигрантов через спортивное общество на примере северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге; *Радаев В.В.* Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы; *Чернозуб О.Л., Белоножко М.Л.* Сравнительный анализ имплицитных измерений ГАТО и ИАТ: единство в многообразии; *Дукельская К.В., Михайлова О.Р.* Социологические исследования вебкам-моделлинга в условиях цифровизации рынка секс-услуг: теоретический обзор.
- № 6.** *Назарова И.Б.* Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994–2021 годы; *Радаев В.В.* Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых

последствий; *Фролова Е.В., Рогач О.В.* Доверие как фактор развития кооперации в России; *Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н.* Взросление в провинции: через ответственность за других к ответственности за себя; Мониторинг мнений: ноябрь – декабрь 2023; *Алпатов А.В., Митрофанова И.В.* Трансформация возрастной модели рождаемости в Волгоградской области; *Засимова Л.С., Хусаинова А.Г.* Неравенство в расходах на лекарства и БАД в России: эмпирический анализ; *Данилова А.А., Забелина Е.В., Телицына А.Ю., Честюнина Ю.В.* Факторы субъективного здоровья: структурная модель на этапе поздней социализации; *Пешкова В.М.* Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы); *Корсунова В.И., Волченко О.В.* Эффект интервьюера и гендерное равенство: оценка идеального возраста жизненных событий в странах Европы; *Чернозуб О.Л., Шураева Л.Ю.* Ортогональность результатов IAT и ГАТО: чем хуже, тем лучше?

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2024. Т. 25)

- № 1.** *Радаев В.В.* Вступительное слово главного редактора; *Рощина Я.М., Белова Ю.Ю.* Кто перестает пить алкоголь в России? *Максименко А.А., Дейнека О.С., Юринова Д.В., Чарушина Е.И., Бояркин К.Е.* Связь компульсивных покупок с тревожностью и депрессией у россиян; *Шталь Б., Шредер Д., Родригес Р.* Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем; *Гетман А.В., Адамович К.А.* Региональные различия в доступе российских учащихся к дистанционному обучению в 2016–2022 гг. эффекты периода COVID-19; *Потапова В.А.* Пересборка экономической социологии: методологические следы акторно-сетевой теории; *Лисицын П.П., Резаев А.В., Степанов А.М.* Поиски равновесного состояния в миграционной теории.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2024)

- № 1.** *Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Дверанова С.Б., Наджаров А.М.* Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада; *Боровский Ю.В.* Взгляд наступательного реализма и либерализма на внешнюю политику США; *Москаленко О.А., Ирхин А.А.* Гибридо-синдром и технологии делегитимации власти; *Левитский В.С.* Философия политики – политическая философия – политическая наука: артикуляция проблемного поля; *Аксенов К.Э.* Символический геополитический капитал и городское пространство; *Малов А.В.* Политологический и экологический аспекты концепции «продовольственных миль»; *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободянюк Е.Д.* Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО; *Тарасенко Г.К.* Динамика электоральных предпочтений жителей закрытых городов (1995–2003); *Коктыш К.Е., Сергеев В.М.* Рождение глубинного государства; *Войников В.В.* Реформа общеевропейской системы предоставления убежищ в контексте реализации принципа солидарности ЕС; *Кирчанов М.В.* Образ Китая как идеологического Другого в СМИ Индонезии.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2023. Т. 14)

- № 4.** *Келлер А.В.* «Художества» в Петербургской академии наук в 1725–1803 годы: на стыке наук, искусств и технологий; *Петушенко В.В.* Непокоренная Академия наук на выборах 1966 года; *Жарова Е.Ю.* Казус Пилыгера, или Один пример научной аттестации и экспертизы в начале XIX века; *Никифорова Н.В., Покидько П.С.* Стратегии энергосбережения в позднем социализме. Технологическая инфраструктура и этика общественной собственности; *Володарская Е.А.* Психологические особенности межкультурного научного общения в рамках советско-французского сотрудничества в области биологии (1960–1980-е годы); *Трофимова И.Н.* Международное научное сотрудничество в странах СНГ и Вишеградской группы: сравнительный анализ по данным *Web of Science*; *Васильева О.В.* Интерактивные среды в организации инженерной практической деятельности; *Очеретянный К.А.* Цвет как форма власти. К социологии графического пользовательского интерфейса; *Гаврилюк М.Н., Сизова И.А.* Подкаст как инструмент преобразования музея в временный культурный институт (по материалам социологического исследования); *Бородкина О.И., Сулимова А.А.* Экосоциальные технологии интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья: региональные практики.

Подготовил А.А. ЗОТОВ

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2024)

- № 1.** *Сари Ханафи.* XX всемирный конгресс МСА. Президентский доклад: «К диалогической социологии»; *Диас М.И., Абуфеле А.* За пределами раннего материнства: тренды и детерминанты поздней фертильности в Чили; *Чоудхури Т. и др.* Рваные умы, украденные мечты: опыт женщин-мигранток из Бангладеш в Саудовской Аравии; *Фернандес-Алонсо М.* Что ищут люди после 50 в потенциальном партнере; *Асахина Юки и др.* Национальные подходы к освещению неравенства: японские и южно-корейские газеты 1990–2021 гг.; *Кэрол С. и др.* Просоциальные модели подходов к этно-религиозным аут-группам во время пандемии COVID-19: экспериментальное исследование в пяти странах.

CURRENT SOCIOLOGY

(2023)

- № 7.** *Акдемир А.* «Соедините меня с "агентом-мужчиной"»: эмоциональный труд и перформанс гендера в колл-центрах; *Сёльвберг Л.* Конструкции идеального элитного работника: опыт контент-анализа объявлений о приеме на работу на должности верхнего класса в Норвегии; *Паульссон А.* Запланированные встречи: разнообразие, стандартные диалоги и интеллектуальная бюрократия как идеальная форма; *Кеирос А.С.* Документальный контроль тяжелых работ: трудовая картотека на сахарных плантациях Северо-восточной Бразилии; *Лозекан К., Миланьез Б.* Катастрофа на шахте у р. Доче: дилемма управления и участия; *Виксель К., Хендерссон А.* Дружья против капитализма; конструктивное сопротивление и верность дружбе в рабочих кооперативах; *Винделер А., Юнгманн Р.* Сложные инновации, организации и поля: к организованной трансформации сегодняшних инновационных обществ; *Юйен Т.* Образование как работа по уходу: расширяя оптику нашего видения проблем баланса работы и жизни; *ЛеПианка Д.* Что в образовании справедливо и что нет? Роль внутризатнических напряженностей в определении справедливости в образовании через призму дебатов в СМИ; *Гётцше-Аstrup Ю.* Учреждение политического соперничества: кейс протестов и бунтов начала 19-го в.; *Салим Нефес Т.* Три оттенка тревоги по поводу расчленения среди армян в турецкой политике.

(2024)

- № 1.** *Лауер Ш.* Космополитическая социальная инфраструктура и межэтническая дружба иммигрантов; *Саббак Хури А.* Поселенческий колониализм и архивы опасений; *Куукканен М.* (Де)монтаж фигураций между коренными и аутсайдерами в антирасистских движениях за права мигрантов; *Коми М. и др.* Цифровая бездомность: изучение связей между доступом к публичному интернету, технологическим капиталом и социальным неравенством; *Гриффитс М.* Участие молодых инвалидов в движениях и базы социальных движений: эмпирическое исследование движения молодых инвалидов Соединенного Королевства; *Альварес-Бенавидес А., Тернбоу М.* Содержать себя: напряженности навигации в затяжном кризисе испанской молодежи; *Кастро-Торрес А.* Траектории формирования семей и миграция в США конца XX в.; *Гайян С.Э., Кпур А.* «Зачем рожать столько детей, если не можешь их содержать?» Детерминанты размера семей среди пар с двумя работающими родителями в Гане; *Аткинсон У., Шмитц А.* Социальное пространство Германии и его гомологии: национальные варианты базовой структуры; *Гласдам Ш., Штернсверд З.* Идеальнотипические стратегии действий на ранних стадиях пандемии COVID-19: тематический анализ комментариев в одном международном исследовании; *Вэлли М.* Нужна ли постчеловеческая социология? Заметки о пандемии COVID-19.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2023)

- № 6.** *Ча Юнчжу и др.* Не является ли в действительности гендерный разрыв зарплат переодетым разрывом в доходе семей?; *Ю Вей-синь, Цзю Ян Хоп.* Влияние наличия брата/сестры на когнитивное и социоповеденческое развитие: Текущие споры и новые теоретические подходы; *Хуан Пен, Баттс К.Т.* Коренная Америка: иммобильность и сегрегация сетей межрайонной миграции; *Карон Л. и др.* Опять родился французом: объяснение нелогичности заявлений о гражданстве во французских лонгитюдных данных; *Хаупт А.* Кому несет выгоду лицензирование профессий; *Кьярелло Э.* Технологии троянского коня: контрабанда уголовно-правовой логики в практику здравоохранения.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2023)

- № 6.** *Сольга Х. и др.* Гендерные предпочтения профессоров при оценке претендентов на должность профессора; *ван Менсвурт и др.* Гендер менеджера, стиль контроля и восприятие работником требований к климату на работе; *Бэхманн А.-К.* Сколь надежно выбирать работу, где доминируют женщины? Гендерная сегрегация профессий, сопутствующие характеристики занятости и риск лишиться работы? *Питерс Э. и др.* Гендерные разрывы родителей в предоставляемом нанимателем обучении: роль непосредственного руководителя; *Брюггеманн О., Хинц Т.* По-прежнему ли женщины считают свою более низкую зарплату справедливой? Данные о мнимом парадоксе работниц-женщин при проверке роли контекста занятости в 27 странах Европы; *Замберлан А., Барбьери П.* Есть ли потенциальное наказание за материнство? Опыт лонгитюдного анализа зарплатного разрыва на базе потенциальной рождаемости в Германии и Соединенном Королевстве; *Чень-Хао Тю.* Как трудовая нестабильность женщин влияет на переходы рождаемости: модераторская роль семейной политики в 27 странах Европы; *Чжан Ян.* Гендер и разрыв между городом и деревней: богатство семьи и первый брак молодых взрослых в Китае; *Дель Рей А. и др.* Долгое прощание: уход из дома и места назначения в Испании; *Диабейт С. и др.* Шаг влево? Гендерные идеологии и идентификация с политическими партиями в Германии; *Швитте Н., Либе У.* Не Кельн, а сбор данных мог все изменить: осторожной с игнорированием записи в социологическом исследовании; *Фрей А.* О влиянии предновогодних сексуальных преступлений на насилие против беженцев: комментарий к статье Швиттер и Либе.

KÖLN ZEPHSCHRIT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2023, VOL. 75)

- № 4.** *Петржик И. и др.* Кто выигрывает от научного руководства? Рассмотрим студентов местных и иммигрантов низкого социального уровня; *Розар У. и др.* Физическая привлекательность и удовлетворенность жизнью; *Шимк Б.* Данные о профессиональной квалификации или все же один из сигналов о мотивации? О влиянии неформальных сертификатов повышения квалификации на подбор персонала; *Круппе Т. и др.* Влияние частичной квалификации на занятость и доход; *О новых публикациях.* *Хайнце Т.* Социологическая теория; *Хессельманн Ф.* Социология науки; *Хелльманн К.-У.* Социология потребления; *Петерс К.Х.* Социология труда; *Ридль Л.* Социология спидсерства.

BRITISH JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2023)

- № 5. Мобильность и меритократия.** *Бартрам Д.* Растет ли вера в меритократию с ростом неравенства? Попытка пересмотра для стран Европы; *Брин Р., Инь Юн.* Парадоксы социальной мобильности в Лондоне; *Мари Г.* Безработные родители и успех детей в школе: какова роль ожиданий?; *Зеленкова А., Паничелла Н.* Социальноэкономический статус семьи и отношения братьев и сестер в последних классах средней школы. Эмпирический анализ образовательных неравенств в Италии. **Политическое участие и политические взгляды.** *Аззоллини Л.* Ущемленные вдвойне: безработные, молодые и участие в выборах в Британии; *Бономи Беццо Ф., Жанне А.-М.* Гражданская активность в депривированных общностях: лонгитюдное исследование в Соединенном Королевстве; *ван Нурд Й. и др.* Классификация как удаление из общества? Как образовательная классификация индуцирует политическое отчуждение через чувство непризнания; *Ольроге Р.* Углубление раскола: увеличивает ли глобализация поляризацию между выигравшими и проигравшими от глобализации?; *Фернандес Х. и др.* Гендерный баланс рабочей силы и отношение к абортam: Опыт кросс-национального анализа временных отрезков; **Государство и маргинальность.** *Хеймер Р.* Государство Сциллы. Гендерное понимание опыта маргинальных женщин в Соединенном Королевстве; *Брабец Д.* Неолиберальное мультикультурное государство и городская модель туземных ассоциаций в Сантьяго де Чили; **Библиография:** *С. Бессьер, Голлак С.* Гендер капитала: как семьи увековечивают неравенство богатства. Кембридж (Масс), Лондон, 2023; *Портес А., Армони А.* Появление глобальных городов: истоки, структура и значение. Нью-Йорк, 2022; *Папроцки К.* Угроза дистопии: глобальная политика адаптации к переменам климата в Бангладеш. Итака-Лондон, 2021; *Кольер С., Лакос Э.* Управление внезапностью. Принстон. 2021.

(2024)

- № 1. Религия.** Джонс С., Юнсуорт А. Две исламофобии? Расизм и религия как разные взаимоподдерживающие измерения антимусульманской предвзятости; Чен Еньин. Статья буддистами: появление престижного храма; **КОВИД-19, здоровье и болезни.** Юе Цзян, Фань Вень. Травмирующие жизненные события и симптомы депрессии во время КОВИД-19: опыт гендерного сравнения; Эрмиш-Мерт А. Воспринимаемая исследовательская продуктивность женщин в высшем образовании: исследование влияния КОВИД-19; Гугушвили А. и др. Трудности начала жизни, хронические заболевания и мобильность дохода; **Раса, финансы, футбол и закон.** Симс Дж.П. Исследование пользы зрительного слежения для социологических исследований расовых проблем; МакФолл Л. Фонды жизни, развитие городов и экспериментальные практики финансовой социологии; Тернер М., Людвигсен Ж.А.Л. Поколения, события и наследие общественных движений: раскрывая социальные перемены в английском футболе (1980–2023); Тофт М. Строители нации и архитекторы рынка: как социальное происхождение формирует карьеры выпускников юрфаков Норвегии последние 200 лет

SOCIOLOGICAL BULLETIN

(журнал Индийского социологического общества)

2024

- № 1. Суреш Бабу Дж.С.** Образование для политических преобразований: мобилизация молодежи Ладака в Гималаях; Аксельбай Р., Тхакур В; Отношенческая маргинализация: сравнение касты племени Гадди в провинции Гимачал Прадеш и Бхиллов в Махараштре; Шарма Ш. и др. Хрупкость и гендерные правила спорта: опыт женщин на практике игры в крикет в Раджастане, Индия

CHINESE JOURNAL OF SOCIOLOGY

(Шанхай, 2023)

- № 4.** Спецвыпуск: Рождаемость в Китае после политики одного ребенка. Приглашенные редакторы: Чен Вучай, Джа Ю; Статьи: Чен Вучай, Гуанчжао Цинь. Политика планирования семьи в Китае и переход рождаемости; Вей Чень. Смена моделей рождаемости в Китае; Йонгай Цзинь и др. Транзит рождаемости ханьцев и этнических меньшинств в Китае: повесть о сближающихся вариантах; Ючень Хе, Ю Цзи. Сдвиг идеала размера семьи; Ян Чжу, Джа Ю. Каков идеальный родитель моих детей? Экспериментальное исследование выбора в Китае; И Чуньян. Отношение к гендерным ролям при уходе за детьми и их социоэкономические различия в современном Китае.

SOCIOLOGICAL THEORY JOURNAL

(2023)

- № 4.** Симпозиум Дороти Смит (Dorothy Smith). Фриден Блум Ёр. Введение: наследие Дороти Смит в социальном теоретизировании; Свит Пэйдж Л. Особое и провинциальное: мыслить в русле феноменологии Дороти Смит; Лунд Р. Возвращение материализма: значение Д. Смит сохраняется; ДеВолдт М. Социология Дороти Смит для народа: теория для открытия; Другие статьи. Люфт А. Моральная карьера творцов геноцида: познание, эмоции и дегуманизация как одно из следствий, не причина, насилие; Хиршхауэр Ш. Как различать людей: очерк теории дифференциации людей; Чёнг А. Теоретизировать изъятия: стратегии государства по отказу в официальном признании личности.

JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY

(2023)

- № 4.** Спецвыпуск: Классическая социология из большого города. Приглашенные редакторы Хольцхауэр Н., Мёбиус Ш.; Мюллер Х.-П. Когда странно быть дома. Георг Зиммель в Берлине; Мюллер Ю. Импорт и экспорт идей: Георг Зиммель в Чикаго, Дж.М. Бэрд в Берлине; Голезорхи Э. и др. Фрида Вундерлих: феминистские исследования и активизм в Берлине; Райланд Р. Зародыш интерсекциональности: У. Дюбуа и инаугурация интерсекциональной социологии; Хёниг Б. Храбрые женщины и рассадник автономии в модерне: о транснациональном влиянии культур на социальную структуру в трудах Роз Лауб Ко-зер; Грюнинг Б. Марксистская социология в Восточном Берлине (1949–1989): попытка полевого анализа пространства. *Книжная рубрика:* Рецензия П. Вагнера на: Л. Болтянски, А. Эсквер. Сенсационные новости: перевороты в формировании общественного мнения – Что такое политическая актуальность?

Подготовил Н.В. РОМАНОВСКИЙ

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 3

TO THE 50th ANNIVERSARY OF SOCIS

- 3 KOLOMIETS V.P. Research Problem as a Key Aspect of Scientific Publications in a Sociological Journal

TO THE 150th ANNIVERSARY OF N.A. BERDYAEV

- 15 MALINKIN A.N. N.A. Berdyaev: Strokes to the Portrait of a Social Philosopher

SOCIOLOGY OF SCIENCE

- 28 TEMNITSKIY A.L. Russian Scientists' Motivation and Research Performance Issue
44 CHEPURENKO A. Yu., CHERNYSHEVA M.V. The Market of Academic Texts in Russia (according to a qualitative survey)

SOCIAL STRUCTURE. SOCIAL POLICY

- 57 BORSHCHEVSKIY G.A. Empirical Study of Traditional Russian Values and Social Practices
71 IARSKAIA-SMIRNOVA E.R., [YARSKAYA-SMIRNOVA V.N.], KONONENKO R.V. Types of Capital in the Field of "Silver Volunteering"
83 TSATSURA E.A., OSAVOLYUK A.A. Prevalence of Homelessness in Russia: an Assessment Based on a Retrospective Survey

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 94 ZBOROVSKY G.E. The Potential for the Development of Research and Pedagogical Staff: a Sociological Perspective
106 GOSHIN M.E., SOROKIN P.S., GRIGORYEV D.S. The Main Factors of Schoolchildren Agency: Empirical Analysis

CHAIR. CONSULTATIONS

- 122 LOMONOSOVA M.V., BULANOVA M.B. Vladimir Bekhterev and Pitirim Sorokin – Scientific Alliance in the Name of Sociology

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 135 YAKOVENKO A.V. Man and Society – Through the Prism of Artificial Intelligence

ACADEMIC EVENTS

- 145 OBRAZTSOV I.V. Sociological Education in Russia
148 DEMIDENKO S. Yu. Education and Professional Realization
152 LEVCHENKO N.V. Personnel Problems of Modern Higher Education
156 GRABELNYKH T.I., SABLINA N.A. New Vectors for the Development of Science and Higher Education in the XXI Century

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 159 DAVYDOV D.A. In Search of a New Middle Class: a Critical Look at the Concept of the Society of Singularities by Andreas Reckwitz

170 JOURNAL'S GUIDE

176 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Алиев Д.Ф., Петрова Е.А., Погосян В.Г. **Антология социальных ситуаций: азбука поколений X, Y, Z.** М.: РГСУ, 2023. 248 с.

Астахов Ю.В. **30 лет без комсомола: как это было.** Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова, 2023. 133 с.

Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 122 с. Сер. Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Кастельс М. **Власть коммуникации** / Пер. Н.М. Тылевич, А.А. Архипова. М.: ВШЭ, 2023. 591 с. Сер. Переводные учебники ВШЭ. (4 изд.)

Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты. М.: Экон-Информ, 2023. 323 с.

Мищенко И.Е. **Армия как социокультурный институт: воплощение образа в художественном пространстве и медиапрактиках XXI века.** Челябинск: ЧГИК, 2023. 192 с.

Социальный портрет молодого поколения в информационном обществе знаний / Отв. ред. М.М. Мусарский. 150-летию МПГУ посвящается. 2-е изд., перераб. М.: МПГУ, 2023. 280 с.

Тимохович А.Н., Леякова А.С., Филенко Ц.С. **Влияние индустрии моды на окружающую среду: история, теория, практика.** М.: Русайнс, 2023. 132 с.

Тугаров А.Б. **Анализ социальной превенции в русской философии: методология, концепции, опыт.** Пенза: ПГУ, 2023. 196 с.

Широкалова Г.С. **Дискурсивные трансформации городских пространств: культурное наследие и связь поколений.** М.: ИНФРА-М, 2023. 355 с. Сер. Научная мысль.

Carmo M.J., Neto M.S., Donadone J.C. **Corporate Financialization. An Economic Sociology Perspective.** London: Routledge, 2023. 240 p.

Dawson M. **The Political Durkheim. Sociology, Socialism, Legacies.** London: Routledge, 2023. 220 p.

Harper D. **Visual Sociology.** 2nd ed. London: Routledge, 2023. 328 p.

Restivo S. **Beyond New Atheism and Theism. A Sociology of Science, Secularism, and Religiosity.** London: Routledge, 2023. 200 p.

Sena B. **The Case Study in Social Research. History, Methods and Applications.** London: Routledge, 2023. 170 p.

Yunus R. **'Labour Class' Children's Schooling in Urban India. A Sociological Account.** London: Routledge, 2023. 186 p.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Цзинь Цюнькай, Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.

Методология сравнительного социологического исследования
доверия (на примере России и Китая)

Шмерлина И.А. Соборность как (не)социологическая
категория

Браславский Р.Г. Цивилизационный поворот и метатеорети-
ческая реконфигурация в современной социологии

Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. «Экономика усынов-
ления»: низовые бюрократы vs сельское сообщество

Рязанова С.В. Пределы возможностей доктринальной
идентификации религиозной группы (на примере двух
религиозных сообществ в Прикамье)

Антонов А.И., Карпова В.М. Вариативность линий
репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла

Синельников А.Б. Связь миграционного поведения с
брачным статусом и количеством детей в семье

Рязанцев С.В. Русскоязычная миграция в Латинскую
Америку: новые тренды

Левашов В.К. Граждане России о гибридной социально-
политической реальности в стране

Малинкин А.Н. Ценности: может ли их изучать наука?
К истории и методологии вопроса

Григорьева Е.А. Апология утопии: о возвращении
утопических построений в социологическое теоретизирование